

Греки Балаклавы и Севастополя

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Греки Балаклавы и Севастополя

МОСКВА «ИНДРИК» 2013

УДК 94
Г 80

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук К.В. Никифоров
(ответственный редактор),
доктор исторических наук О.В. Соколовская

Рецензенты:
д.и.н. В.В. Рогинский, д.и.н. Е.П. Серапионова

Греки Балаклавы и Севастополя. — М.: Индрик, 2013. — 248 с.

ISBN 978-5-91674-250-3

Сборник посвящен особой части греческой диаспоры, ведущей свое начало от жителей греческого Архипелага и Мореи, бежавших на русских кораблях от мести турок и оказавшихся в Крыму в конце XVIII в. Они были поселены в Балаклаве и близлежащих селах и составили основу Греческого пехотного батальона, особо отличившегося в Крымскую войну. Воины и рыбаки, виноградари и богомольцы, они создали в Балаклаве свой неповторимый жизненный уклад. Балаклавскими рыбаками был, в частности, пленен известный русский писатель Александр Куприн. История балаклавских греков фактически закончилась их депортацией после освобождения Крыма в 1944 г. Однако несмотря на это преступление советского режима, память о них жива в России, на Украине, в Греции, везде, где живут их потомки.

Сборник предназначен как для специалистов-историков, так и для всех, интересующихся историей Крыма и российско-греческих отношений.

ISBN 978-5-91674-250-3

© Коллектив авторов, Текст, 2013
© Оформление,
Издательство «Индрик», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К.В. Никифоров</i> Греческий уголок «пестрой Русской империи»	7
<i>Ф. Янници</i> Греки на юге России — залог греко-русской дружбы и взаимодействия	17
<i>А.В. Ефимов</i> Джизйе-дефтер лива-и Кефе 1634 года как источник по истории Крыма	25
<i>Т.М. Фадеева</i> Архипелагские экспедиции Русского флота (1769–1774) и появление новой греческой общины в Крыму	36
<i>Ю.Д. Пряхин</i> Некоторые аспекты появления в Крыму Греческого пехотного полка, его размещения в Балаклаве, службы воинов-греков	57
<i>И.В. Мосхури</i> Служащие поселенного в Балаклаве Греческого пехотного полка: греки или арнауцы?	71
<i>С.А. Пинчук</i> Балаклавский греческий пехотный батальон в первой четверти XIX в.	77
<i>Ар.А. Улуян</i> 26 сентября 1854 г. (Греческие защитники Балаклавы в британской мемуаристике)	107
<i>Н.М. Терещук</i> Крымские архивные источники по изучению истории греческих церквей Севастополя и Балаклавы: конец XVIII — начало XX в.	129

<i>О.В. Соколовская</i>	
Русско-греческая торговля, династические связи и крымские греки во второй половине XIX — начале XX в.	143
<i>М.А. Арадждиони</i>	
Занятия греков Балаклавы и Севастополя. Ремесленники (1890-е — 1930-е гг.)	161
<i>Т.В. Никитина</i>	
Греческая диаспора на юге России и Греция в 20–30-е годы XX в.	174
<i>И.Г. Джуха</i>	
Абсурд или четко продуманный план? (Репрессии против греков Севастополя и Балаклавы в эпоху сталинизма)	189
<i>С.И. Мосхури</i>	
Неизвестные представители семьи Мавромихали в России	219
<i>К.В. Никифоров</i>	
Семья Серафимов-Серафимовых в архивных документах и воспоминаниях	228
<i>Ф. Янници</i>	
Из истории моей семьи	241
Авторы	245

К.В. Никифоров (Москва)

ГРЕЧЕСКИЙ УГОЛОК «ПЕСТРОЙ РУССКОЙ ИМПЕРИИ»

*«Балаклаву исправя, как она есть,
содержать ее поселенным тут
греческим войском».*

Екатерина II

В основу предлагаемого читателю сборника легли доклады, прочитанные в Институте славяноведения РАН на международной научной конференции «Греки Балаклавы и Севастополя», состоявшейся 13–14 ноября 2012 г.¹ Институт славяноведения совсем не случайно стал инициатором этого научного форума. Называвшийся прежде Институтом славяноведения и балканистики, он традиционно занимается историей и культурой не только славянских, но и балканских народов и не только в местах их постоянного проживания в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, но и на территории царской России, куда представители этих народов были вынуждены переселиться. Более того, именно с изучения национальных диаспор славянских и балканских народов на территории СССР во многом и начинались научные исследования в Институте. Он возник в 1947 г., когда о поездках за границу можно было только мечтать. Вместо этого первые сотрудники Института ездили, например, в болгарские села нынешней Одесской области Украины и изучали язык и обычаи тамошних болгар.

Особое внимание ученых привлекало к себе польское население, что неудивительно, если принять во внимание трагическую судьбу польского государства, часть которого входила в состав Российской империи. Не оставались без внимания и балканские народы. Институт публиковал работы, посвященные, в частности, переселению в Россию в XVIII в. сербов, где они на территорию современной Украины создали два своих национальных поселения — Новую Сербию и Славяносерию². Одной из последних книг, подготовленных в

¹ Организаторы конференции — Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Греческий фонд культуры в Москве.

² См., например: *Лециловская И.И.* Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб., 2006.

Институте и посвященных пребыванию в России представителей балканских народов, стал сборник «Черногорцы в России»³.

В ряду этих трудов с участием сотрудников Института славяноведения выходили также работы, посвященные истории российских греков⁴. Разумеется, традиционно пристального внимания удостоивалась и такая тема, как русско-греческие связи⁵. Отдельно надо сказать и об изучении в Институте такого интересного явления, как русское эллинофильство, особенно ярко проявившееся во второй половине XVIII в. Знаменательным проявлением русских эллинофильских тенденций стал, в частности, известный «греческий проект» Екатерины II, который «отражал характерную идеологическую тенденцию — фаворитизацию греков»⁶.

Все это лишь подчеркивает то, что в очередном обращении к теме «Греки в России» нет ничего необычного. В то же время греческое влияние и греческое присутствие в российской истории занимает все-таки совершенно особое место по сравнению с другими балканскими народами.

Во-первых, невероятный хронологический охват — от самых первых лет существования Древней Руси, которая и возникла на знаменитом пути «Из варяг в греки», и особенно после принятия Русью христианства от Византии. С тех пор миграция греков в русские земли не прекращалась. Однако особо массовое переселение греков началось в XV в. после падения Константинополя. Переселение греков продолжалось с разной степенью интенсивности вплоть до середины XX в., когда в СССР появились греческие политэмигранты после поражения прокоммунистических сил в гражданской войне в Греции в 1946–1949 гг.

Во-вторых, это греческое присутствие было невероятно разнообразным, состоявшим из совершенно различных миграционных волн, которые образовывали в России самые разные греческие общины. Здесь и потомки старожильского населения Крыма, выведенные с полуострова и расселенные на северном побережье Азовского моря с центром в Мариуполе; и греки, пере-

³ Черногорцы в России. М., 2011.

⁴ См., например: *Ариш Г.Л.* Иоанн Каподистрия в России (1809–1822). СПб., 2003; *Николопулос И.* Греки и Россия XVII–XX вв. СПб., 2007.

⁵ Из последних работ см.: *Соколовская О.В.* Греческая королева Ольга — «под молотом судьбы». М., 2011; *Цехмистренко С.П.* Греция, Россия и Восточный кризис 1875–1878. Страницы истории. М., 2013.

⁶ *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980. С. 10.

селявшиеся в Армению, Грузию, Абхазию, на Северный Кавказ, выходцы из Малой Азии и Трапезунда, из центральных районов Турции; и греки, заново появившиеся в Крыму, — так называемые архипелагские греки, выходцы с островов Эгейского моря; и уже упоминавшиеся греческие политэмигранты, прибывшие в СССР в 1949 г. И даже язык, на котором говорили российские греки, был разный — от новогреческого, чаще всего, правда, в его понтийском варианте, и до тюркских, на которых говорили так называемые тюркофоны. Однако и грекоязычных румеев, и тюркоязычных урумов, и всех других объединяло одно — ярко выраженное греческое самосознание.

Авторы интересной книги «Греки России и Украины», подготовленной в Институте этнологии и антропологии РАН, подразделяют российских греков на шесть этнических групп:

1. Потомки греков, поселившихся в XVII–XIX вв. в городах и селах России и по побережью Черного и Азовского морей. Самоназвание — эллинос. Родной язык — новогреческий. Ныне живут преимущественно в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России и Украины и других стран — бывших советских республиках.
2. Потомки старожильческого населения Крыма, выведенного с полуострова в 1779 г. и расселенного по северному побережью Азовского моря. Ныне живут в Донецкой области Украины, в городах Донецке, Мариуполе и других. Самоназвание — румеос. Говорят на диалекте мариупольской группы новогреческого языка и на крымско-татарском.
3. Потомки мигрантов из пределов Османской империи, переселившихся из Малой Азии преимущественно в течение XIX в. и до первых десятилетий XX в. по многим областям Закавказья и Северного Кавказа. Говорят на черноморском («понтийском») наречии. Называют себя понти (понтийцы).
4. Потомки переселенцев из внутренних районов Турции в XIX в. Жили до недавнего времени на Цалкинском нагорье в Центральной Грузии (затем большинство выселилось на Северный Кавказ). Самоназвание — урум. Язык — анатолийский диалект турецкого языка.
5. Потомки греков-понтийцев, насильственно выселенных из Крыма, Северного Кавказа и Закавказья в Казахстан, Киргизию, Узбекистан. Населяют города и села этих стран.
6. Потомки греческих политэмигрантов — бойцов народно-освободительной армии Греции, эмигрировавших в СССР в 1949 г.

(после поражения от правительственных войск). Живут в Ташкенте и других городах. Самоназвание — эллинос. Говорят на литературном новогреческом языке⁷.

Говорить обо всех известных греках, внесших весомый вклад в историю России, не имеет смысла. Они хорошо известны, их списки часто публикуются в литературе и легко доступны в интернете. Достаточно сказать, что даже русская словесная культура основывается на кириллической традиции, на письме, созданном греками Кириллом и Мефодием и их учениками. Русскую историю и культуру трудно представить без Феофана и Максима Греков, Каподистрии и Ипсиланти, Куинджи и Коккинаки, без, наконец, футболиста Василиса Хадзипанагиса, родившегося уже в Ташкенте в семье греческих политэмигрантов, которого люди старшего поколения еще помнят игроком ташкентского «Пахтакора». Затем он переехал в Грецию. Кстати, одним из таких греков-политэмигрантов был сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР Георгий Дмитриевич Кирьякидис. Он вернулся на родину в 1982 г., успев написать в Москве две монографии о событиях, участником и свидетелем которых был⁸.

Довольно сложно рассуждать о численности греческого населения в России. Оно никогда не было стабильным и все время менялось. Скажем лишь о последнем двадцатилетии. Так, согласно переписи 1989 г., в СССР проживало 357 975 греков, в том числе в РСФСР — 91 699 человек. Причем большинство российских греков считало уже своим родным языком русский⁹. В конце 1980-х — начале 1990-х годов многие советские греки эмигрировали в Грецию. Однако собственно в России численность греков уменьшилось не столь значительно. По переписи 2010 г. в России (в основном — в Ставропольском и Краснодарском краях) было 85 640 греков или 0,06% от всего населения¹⁰. Сегодня греков в России немного, но их присутствие все же ощущается. На Украине (главным образом в Донецкой области), по переписи 2001 г., проживало 91,5 тыс. греков¹¹.

⁷ Греки России и Украины / Сост., отв. ред. Ю.В. Иванова. СПб., 2004. С. 8–9.

⁸ См.: Кирьякидис Г.Д. Греция во Второй мировой войне М., 1967; он же. Гражданская война в Греции. 1946–1949. М., 1972.

⁹ Греки России и Украины. С. 9–10.

¹⁰ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf

¹¹ <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>

В то же время уже в самой Греции за последние двадцать лет образовалась большая диаспора русских греков и русскоязычных выходцев с территории бывшего СССР. Этому способствовало и то, что Греция, в соответствии с конституцией позволяет своим соотечественникам и их потомкам вернуться на историческую родину. Цифры опять же не бесспорные, но, по некоторым данным, в 1987 г. в Грецию переселилось 527 этнических греков и их потомков, в 1988 — 1 365 человек, в 1989 — 6 791, в 1990 — 13 863, в 1991 — 11 420, в 1992 — 8 563, в 1993 — 10 926, в 1994 — 5 793, в 1995 — 6 551 и в 1996 — 5 578. Итого, за 10 лет самого интенсивного переселения — 71 377 человек¹². Поток греческих переселенцев шел прежде всего с территории бывшей советской Средней Азии. Сейчас в Греции, по данным Объединения греческих общин России, проживает около 120 тысяч репатриантов, выходцев из бывшего СССР¹³. Всего же российская (русскоязычная) диаспора в Греции насчитывает около 300 тыс. человек¹⁴.

Понятно, что при таком протяженном, многочисленном и разнообразном русско-греческом взаимодействии было невозможно в рамках одной конференции или в одном сборнике статей осветить все вопросы, связанные с историей российских греков и греческой диаспорой в современной России, нынешней Украине, бывшей советской Средней Азии. Надо было сделать выбор. И он был сделан в пользу вынесенной в заглавие сборника темы — «Греки Балаклавы и Севастополя». Это, конечно, совершенно особенная часть греческой диаспоры, представленная в основном потомками греков с островов Эгейского моря (так называемого Архипелага), прекрасных мореходах и рыбаках, боровшихся за освобождение Греции и бежавших на русских судах от мести турок за свое участие в русских военных кампаниях.

Самую большую волну переселенцев вызвала Русско-турецкая война 1768–1774 гг. После нее был заключен Кючук-Кайнарджийский договор, статья 17 которого предоставляла жителям Архипелага право в течение года переселиться в России. Тогда переселилось несколько тысяч человек. (В действительности, переселение шло и после истечения этого срока и не только из Архипелага). Из переселившихся архипелагских греков, выразивших желание нести регулярную военную службу, в 1779 г. был создан Греческий

¹² <http://www.buinesseuro.ru/imigracgrece.html>

¹³ http://sd.and.ru/letters/immigration_news-72.html

¹⁴ <http://nationals.elco.ru/diaspora-greece.html>

батальон. До 1783 г. он был расквартирован в Керчи и Еникале, а в 1784 г. переведен в Балаклаву и с 1797 г. стал именоваться Балаклавским греческим батальоном¹⁵.

Греки были расселены в Балаклаве и близлежащих деревнях — Кадыкой, Камаре, Карани, Лака, Керменчике, Аутке, Алсу. Их задачей была охрана крымского побережья от Севастополя до Феодосии. Таким образом, они стали своеобразной разновидностью казаков. Русские казаки были одновременно военными на границах и крестьянами, а балаклавские греки — военными пограничниками и рыбаками. Прекрасные моряки, они и на море защищали свою новую родину. Особую отвагу и мужество проявили балаклавские греки при обороне Севастополя во время Крымской войны.

Один эпизод, приведенный в «Описании обороны г. Севастополя», вышедшей под редакцией знаменитого русского военного инженера Э.И. Тотлебена, был особенно примечательным. В ночь с 13 (25) на 14 (26) сентября 1854 г. последний бой вступившей в Балаклаву английской армии дала засевшая в генуэзской крепости рота Греческого пехотного батальона в составе 80 человек строевых и 30 отставных солдат-инвалидов, имевших на вооружении всего четыре медные полупудовые мортиры. Неравный бой шел шесть часов. Греки обстреливались и с суши, и с моря, но сопротивлялись до последней возможности. Раненый командир батальона полковник М.А. Манто, командир роты капитан С.М. Стомати, несколько офицеров и около 60 израненных солдат были взяты в плен, где содержались с большим почетом. Описание этого боя можно найти и в различных современных изданиях. Иногда греческих солдат, оборонявших генуэзскую крепость в Балаклаве, сравнивают даже с фермопильскими спартамцами. «Очень странно, конечно, что героическая оборона Балаклавы, — пишет, например, известный писатель Борис Акунин (Г.Ш. Чхартишвили), — не стала хрестоматийным эпизодом российской истории»¹⁶.

¹⁵ Арш Г.Л. Переселение греков в Россию в конце XVIII — начале XIX века // Греки России и Украины. С. 37–38. Подробнее см. также статью Ю.Д. Пряхина в этом сборнике.

¹⁶ Акунин Б. Севастопольские рассказы-2. Забытые герои // Комсомольская правда. 2011. 6 июня // <http://www.kp.by/daily/25697.5/900670/>. Существует, правда, версия, опровергающая изложенные здесь события. См. приведенную в этом сборнике статью Ар.А. Улуняна. Но даже то, что именно балаклавским грекам русская молва приписала столь героический поступок, — весьма характерно.

После того как в 1859 г. Балаклавский греческий пехотный батальон был распущен, основными занятиями греков стали огородничество, бахчеводство, табаководство, виноградарство. Каждый грек имел хотя бы крошечный виноградник в горах. Но главными занятиями балаклавских греков оставалось рыболовство и торговля рыбой. Греки всегда были с уловом. Поговоркой старых опытных балаклавских рыбаков было выражение: «Я сплю, но знаю, что рыба в Керчи думает»¹⁷.

В Севастополе как в военной крепости гражданского населения с самого начала было немного. В конце XVIII в. в городе без учета военных было всего 197 жителей мужского и 49 женского пола, часть из которых была греками. Например, согласно метрике греческой Петропавловской церкви, греками были 50% родившихся¹⁸. И в дальнейшем греки всегда составляли определенный, но не очень большой процент жителей Севастополя. Так, по данным переписи 1921 г. их было 2,3% всего населения, и по своей численности они занимали третье место после русских (79,8%) и евреев (7,2%)¹⁹. В Балаклаве греков в процентном содержании было несравненно больше. Так, в 1801 г. Балаклавский греческий батальон насчитывал 1194 человека. Причем, в это число входили не только действующие военные, но и вышедшие в отставку и те, кому еще предстояло служить²⁰. В 1904 г. в городе вместе с Кадыковкой (бывший Кадыкой) проживало 2 240 человек: из них 76,2% — греки, 17,4% — русские, 4% — евреи, 1,1% — немцы, 0,7% — татары, 0,2% — поляки. В 1911 г. численность населения Балаклавы составляло несколько больше — 2 895 человек²¹.

В 1921 г. была образована Крымская АССР, греков в ней тогда проживало более 20 тыс. человек, они составляли до 3,5% от

¹⁷ См., например: Текст Т.Г. Гордеевой. // <http://ccsu.crimea.ua/crimea/etno/ethnos/greki/>.

¹⁸ Терещук Н.М. Историко-научный потенциал метрических книг в изучении истории греческого населения Севастополя // Прошлое Севастополя в архивных документах. Сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2011. С. 73.

¹⁹ Фесенко А.А. Влияние ислама на будничное мироотношение мусульман Севастополя: сопоставление традиций XIX–XX веков и практики начала XXI века. (По материалам Государственного архива г. Севастополя) // Там же. С. 77.

²⁰ Арш Г.Л. Переселение греков в Россию в конце XVIII — начале XIX века. С. 38.

²¹ См.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Балаклава>.

всего населения автономной республики. При этом большинство греков жило в городах (преимущественно в Ялте, Севастополе, Керчи, Старом Крыму, Симферополе). По всему Крыму были созданы сельсоветы по национальному признаку, в том числе и восемь греческих. В этих сельсоветах делопроизводство велось на греческом языке. В 1925–1926 учебном году в Крыму насчитывалось 25 греческих школ. В городах и селах Крыма открывались греческие клубы, избы-читальни, «красные уголки». Греки до середины 30-х годов имели возможность изучения греческого языка, читали на родном языке газеты и журналы, издававшиеся в Мариуполе. Однако к концу 30-х годов национальная политика СССР круто менялась. Школы национальных меньшинств, в том числе и греческие, закрывались. Уничтожались церкви, а священнослужители репрессировались вместе с активистами религиозных общин. И в целом многие греки в это время стали жертвами сталинских репрессий и погибли в лагерях²².

Тем не менее, когда наступило суровое военное время, греки вновь поднялись на защиту Отчизны. Столь же мужественно сражались они во время второй обороны Севастополя, как и их предки — во время первой. Даже гражданское население Балаклавы, женщины и дети принимали участие в обороне города, под бесконечными артиллерийскими обстрелами и бомбежками рыли окопы между мысом Фиолент и 35-й батареей — в районе последнего оплота оборонявшихся красноармейцев и были захвачены вместе с ними немцами. Во время оккупации в самой Балаклаве находились два немецких подразделения и еще одно румынское — в Кадыковке. Греки принимали активное участие в партизанском движении, были участниками антифашистского подполья. Часто перебрасывали партизан по морю, заматывая предварительно уключины лодок тряпками, чтобы при гребле не скрипели. При освобождении Балаклавы и Севастополя последнее сопротивление немцы, среди которых было много владимирцев, оказывали на сопке Безымянная. Их позиции штурмовали из уже освобожденной Балаклавы штрафные батальоны, которым только с третьей попытки ценой огромных потерь удалось закрепиться на горе и выбить немцев из укреплений после яростной штыковой атаки. Путь на Севастополь был открыт²³.

²² Кесмеджи П.А. Греки Крыма. Симферополь, 1996. // <http://ccssu.crimea.ua/crimea/etno/ethnos/greki/>.

²³ Воспоминания о военных годах в Балаклаве Л.А. Серафимова // Архив автора.

Балаклавские греки всегда делили судьбу русского и других народов России и Советского Союза. Мирные годы сменялись войнами, затем революциями и снова войнами. Греки имели, как правило, большие семьи. Были очень набожными. Храбро воевали. Гибли за свою новую родину. Ловили рыбу, выращивали виноград. И вновь воевали. Все закончилось в один день — депортацией 27 июня 1944 г. Тогда из Крыма было выслано около 15 тыс. греков (14 300 советских граждан и 3 531 человек с просроченными греческими паспортами)²⁴.

Причем, по точному замечанию российского историка Н.Ф. Бугая, в отношении греков не предпринималось даже попыток как-то обосновать или хотя бы обозначить причины депортации²⁵. Греков в Крыму после депортации или, говоря современным языком, этнической чистки не осталось. Вернуться на полуостров было невозможно и после смерти Сталина (в 1955 г. на спецпоселении оставалось 10 368 крымских греков), и даже после реабилитации греков в сентябре 1956 г. Ограничения по спецпоселению с них были тогда сняты, из-под надзора МВД они освобождались, но «им не разрешалось возвращаться в места прежнего проживания»²⁶. Сверхсекретную и закрытую Балаклаву это касалось в первую очередь. И в дальнейшем скрытая, а то и явная дискриминация греков продолжалась. «Возвращенцам» в Крым чинились препятствия даже во время горбачевской перестройки.

В результате, по переписи 1989 г., в Крыму насчитывалось лишь 2 684 грека, а на 1994 г., по данным ЦСУ Крыма, — около 4 000 человек. Наиболее компактно греки проживали в Симферополе, Ялте, Керчи, а также в районах: Симферопольском (селах Пионерское, Доброе, Заречное, Лозовое) и Белогорском (пгт. Зуя и с. Чернополье)²⁷.

В Балаклаве о длительном греческом присутствии, о том, что это был греческий город, почти ничего не напоминает. Несколько па-

²⁴ См., например: <http://krymology.info/index.php/>. Всего греческое население СССР пережило три крупные депортации в 1942, 1944 и 1949 гг. Помимо Крыма, они выселялись со всего советского черноморского побережья: из Краснодарского края и Грузии (включая Абхазию). В целом за эти годы было выслано около 62 тыс. греков (См.: Бугай Н.Ф. Депортация народов // Война и общество. 1941–1945. Книга вторая. М., 2004 // http://scepstis.ru/library/print/id_1237.html). Подробнее см. также статью И.Г.Джухи в этом сборнике.

²⁵ Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006. С. 146.

²⁶ Там же. С. 148.

²⁷ См., например: Кесмеджи П.А. Греки Крыма.

мятных досок с греческими фамилиями на двух-трех зданиях на набережной, вот, пожалуй, и все. Новое население Балаклавы о греческом прошлом своего города почти ничего не знает. Работы краеведов выходят небольшими тиражами и общей картины не меняют²⁸. Мы по-прежнему помним балаклавских греков прежде всего благодаря яркому таланту А.И. Куприна, который описал их в известном цикле очерков «Листригоны». Русского писателя восхитили балаклавские рыбаки — «милые простые люди, мужественные сердца, наивные первобытные души, крепкие тела, обвеянные соленым морским ветром», его пленили их жены — «худые, темнолицые, большеглазые, длинноносые гречанки», которые так «странно и трогательно были похожи на изображение Богородицы на старинных византийских иконах». Это купринское очарование уникальной балаклавской природой, его искренняя любовь к Балаклаве и ее жителям передались и нам его читателям. Вслед за авторами упоминавшегося сборника «Греки России и Украины» мы готовы сказать, что наша книга — «дань глубокого уважения греческому народу»²⁹.

Надеемся, что сборник «Греки Балаклавы и Севастополя», помимо всего прочего, еще раз напомнит об этом, по словам того же Куприна, некогда «оригинальнейшем уголке пестрой Русской империи», об этой уже почти легендарной «свободной республике греческих рыбаков».

²⁸ В последнее время о некогда совершенно секретной Балаклаве пишут довольно много. Мы бы отметили прежде всего многолетние плодотворные исследования В.Г. Шавшина. См., например, его последнюю книгу — исторический очерк «Балаклава» (Севастополь, 2010).

²⁹ Греки России и Украины. С. 14.

Феодора Янници (Москва — Афины)

ГРЕКИ НА ЮГЕ РОССИИ — ЗАЛОГ ГРЕКО-РОССИЙСКОЙ ДРУЖБЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

На протяжении столетий судьбы русского и греческого народов тесно переплетались. Византия, принятие христианства на Руси в 988 г. н.э. приглашение в Московию греческих ученых-богословов (Михаил Триволис, более известен как Максим Грек, братья Иоанникий и Софроний Лихуди, архимандрит Иверского Афонского монастыря Дионисий и др.), иконописцев, создание в 1687 г. в Москве Славяно-греко-латинской академии, Русско-турецкие войны XVIII столетия, в ходе которых греки активно поддерживали Россию, расселение греческого населения в основном на юге Российской империи, активное участие российской дипломатии в решении вопроса создания независимого греческого государства, — вот некоторые из важных вех совместного исторического пути двух православных народов.

В конце XVIII — начале XIX в. греко-российские связи и развитие греческой культуры в России получают новый мощный импульс, чему способствовало укрепление греческой общины на юге Российской империи, покровительство российских властей и возросший интерес к Греции среди российской общественности.

Новый этап в развитии Крыма в целом и Керчи в частности наступает в последней трети XVIII в. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. Керчь осталась за Российской империей. С этого времени Турция была вынуждена отказаться от верховных прав на судьбы крымских ханов. Эти права перешли к русским, которые держали в Керчи войско, утверждали ханов на престоле и нередко содействовали им в удержании власти, наперекор проискам турецкого правительства, стремившегося настроить татар против российской политики¹. Четыре года спустя, в 1778 г., императрица Екатерина II ввиду беспрестанных жалоб христиан Крымского полуострова о том, что им приходится нести непомерные налоги, решила, что их выселение из Крыма будет способствовать также экономическому краху Ханства и, таким образом, ускорит его разложение. В результате она

¹ Путеводитель по Крыму. Симферополь, 1925. С. 246–247.

распорядилась употребить все возможные средства для переселения армян в Нахичевань и греков в мариупольские степи².

В итоге Ханство³ лишилось значительных доходов от виноделия и другой коммерческой деятельности, которыми занимались исключительно выселенные христианские народы (греки и армяне)⁴.

В феврале 1783 г. крымский хан Шагин-Гирей⁵ отказался от престола в пользу России, а 8 апреля того же года Манифестом Екатерины II Крым был присоединен к Российской империи. Достаточно скоро Оттоманская Порта, оценив обстановку и свои возможности, смирилась и официально признала присоединение Крыма к России. 2 февраля 1784 г. указом императрицы была учреждена область Таврическая под управлением князя Г.А. Потемкина. Высочайшей наградой ему за присоединение Крыма к России стали чин генерал-фельдмаршала и должность президента Военной коллегии.

В 1784 г. после ухода огромной массы татар с Керченского полуострова и окончательного присоединения Крыма к России греки начинают возвращаться в Керчь. Среди них были и те, кто во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. образовали так называемый Албанский⁶ корпус, размещавшийся в то время в Таганроге и воевавший на стороне России. На Керченском полуострове Албанскому корпусу предложили обосноваться не случайно. Закрепленные за Россией по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору стратегически важные крепости «Керчь» и «Еникале» позволяли Российской империи перебросить из Азовского моря в Черное свой флот и использовать Керченский полуостров в качестве плацдарма для возможного продвижения в глубь Крыма⁷.

За «услуги, оказанные русскими “албанцами”»,⁸ императрица Екатерина II приказала отвести им земли для поселения и образо-

² *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. СПб., 1875. Т. 4. Ч. 17. С. 3–4.

³ Крымское ханство — государство крымских татар, существовавшее с 1441 по 1783 г. Самоназвание — Крымский юрт.

⁴ *Кондараки В.Х.* Указ. соч. С. 4.

⁵ Шагин-Гирей (1755–1783) — последний крымский хан.

⁶ Название «албанский» отражает не столько национальный состав, сколько распространенную среди албанцев практику найма на иностранную военную службу. В состав так называемых «албанских войск» входили представители различных балканских народов, в том числе греки. См.: Греки России и Украины. С. 37.

⁷ *Быковская Н.В.* Архипелажские переселенцы 1775 года в Керчи и Еникали. Керчь, 1994. С. 1.

⁸ *Кондараки В.Х.* Указ. соч. С. 5–6.

вать из них войско под названием Албанское, которое было обязано служить только в военное время. На основании манифеста 1774 г. колонистам была предоставлена «гражданская свобода, свобода вероисповедания, вечная свобода от военной повинности, 30-летняя льгота от платежей, поземельный надел, право производить торговлю и промыслы, заводить фабрики и мануфактуры с припиской к ним крепостных людей»⁹.

Указ императрицы от 10 февраля 1784 г. «Об устройстве новых укреплений по границам Екатеринославской губернии» определил судьбу Греческого пехотного полка. Он предписывал правителю области Таврической генерал-фельдмаршалу Г.А. Потемкину: «...Балаклаву, исправя, как она есть, содержать ее поселенным тут греческим войском».

Таким образом, высочайше было определено: поручить грекам охрану южной части Крыма и тем обеспечить защиту побережья от возможной высадки турецкого десанта. Полк должен был владеть обстановкой, предупреждать местные конфликты, проявление недовольства властями, не допускать впредь новых общекрымских мятежей местных татар.

Императрица запретила иметь в Балаклаве недвижимость лицам, не принадлежащим к греческому войску, установила выделить всем воинам — грекам землю с правом пожизненного пользования: командиру полка — 240 десятин, офицерам по 60, нижним чинам по 20 десятин земли. Греки — воины и их семьи — были освобождены от обязательных податей.

В соответствии с повелением Екатерины II, вновь созданный Греческий пехотный полк в середине 1784 г. из Керчи направлялся на вновь определенное ему место постоянной дислокации, в город Балаклаву и его окрестности. Оставаясь в составе иррегулярных войск и подчиняясь правителю области Таврической, греческий полк, находясь в Балаклаве, должен был решать следующие основные задачи: нести кордонную службу, охранять южное побережье Крыма от Севастополя до Феодосии, осуществлять «надзор за порядком на полуострове». А с началом войны направлять часть своих сил на корабли флота в качестве десанта, что и имело место во время Русско-турецких войн.

Таким образом, российское правительство создало благоприятные условия для размещения греческого населения на юге Российской

⁹ Статистический справочник Таврической губернии. Т. 1. Симферополь, 1915. С. 22; Путеводитель и справочник по Крыму. Одесса, 1909. С. 248.

Империи, для ведения хозяйственной, предпринимательской деятельности в этих районах, для вовлечения во все сферы общественно-политической и экономической жизни региона только что перешедших под покровительство Российской империи. Этим не преминули воспользоваться наиболее предприимчивые представители народов, населявших Крым, в том числе и греки, многие из которых впитывали дух предпринимательства чуть ли не с молоком матери.

Греческое население, пользуясь многочисленными льготами и привилегиями, предоставленными российскими властями, превращалось в динамичную составляющую общественно-политической и экономической жизни Российской империи. Греческие общества развернули активную общественную, благотворительную, образовательную и культурную деятельность, которая не ограничивалась только территорией Российской империи, но и распространялась на молодое греческое государство. При этом в России действовали греческие школы, греческие общества и организации, издавались газеты, печатные издания, книги на греческом языке.

В качестве примера можно назвать семью фабрикантов-табаководов Месаксуди из Керчи, развернувших большую общественно-политическую и благотворительную деятельность во второй половине XIX — начале XX столетия. Занимая высокие посты и должности в местной администрации и постоянно жертвуя приличные средства на развитие юга России, они при этом никогда не теряли связь со своей исторической родиной. Яркое свидетельство этого тот факт, что Григорий Месаксуди, старший сын отца семейства, основателя табачной фабрики Константина Ивановича Месаксуди и глава предприятия после его смерти, часть своего имущества передал греческому государству. Он завещал его на развитие национального образования, а именно: 10% своего наследства передал на устройство в Греции начальных училищ своего имени для детей обоих полов; 10% — на учреждение в низших, средних и высших учебных заведениях Греции для учащихся обоих полов стипендий имени Г.К. Месаксуди¹⁰.

Таким образом, Г.К. Месаксуди завещал одиннадцати заведениям Крымского полуострова 7,5% своего наследства, в то время как 20% этого имущества, по его усмотрению, предназначалось Греческому королевству. Сразу бросается в глаза, что доля завещанного Греции имущества значительно превышает сумму, завещанную

¹⁰ Центральный государственный архив Крыма (далее — ЦГАК). Ф. 376. Оп. 5. Д. 11921. Л. 258.

крымским заведениям и обществам. Хочется, также, упомянуть и патерналистский характер предпринимательской деятельности семьи, большинство работников принадлежавшего ей предприятия состояло из греков, а во время побега из османской Турции греков-соплеменников, семья Месаксуди предоставила им для размещения один из своих домов.

Как мы видим, греческая диаспора юга России была активно вовлечена и в политические процессы, имевшие место на территории Греции. Приведем пример из деятельности греческой общины соседней Одессы второй половины XIX в., которую возглавлял известный греческий купец Федор Павлович Родоканаки. Во время очередного восстания критян против османского владычества в 1866–1869 гг., по инициативе общественности был создан комитет взаимопомощи критянам (более точное название — Комитет Вспомоществования семействам кандиотов). Его возглавил сам Федор Павлович, который также перевозил на собственные средства зерно, закупленное для островитян на деньги русского правительства, выделившего для этих целей 50 тыс. рублей. По приказанию правительства, сам одесский генерал-губернатор П.Е.Коцебу поручил «известному одесскому дельцу» Ф.П. Родоканаки закупку зерна для помощи критянам. Последний был избран, по-видимому, не случайно, поскольку имел репутацию удачливого предпринимателя и истинного патриота¹¹.

Хочется отметить, что комитеты «Вспомоществования критянам» были созданы во многих городах России, и в них активное участие принимали не только эллины, но и сочувствовавшие им русские — «филэллины». Среди последних — выдающийся русский художник, живший в Крыму, Иван Константинович Айвазовский, который на специально организованной в Одессе художественной выставке выставил свои работы: «Взрыв монастыря Аркадиона», «Генерал-адмирал, принимающий семейство кандиотов», «Панеллинион, высаживающий волонтеров на остров Кандион», а средства от продажи картин направил в пользу восставших критян¹².

10 июня 1868 г. по инициативе председателя Комитета помощи критянам Ф.П. Родоканаки собрались представители русской и греческой общественности. Встреча прошла, по сообщениям одесской прессы того времени, в удивительно теплой и братской атмосфере.

¹¹ Одесский вестник. 1868. № 128, № 172; Сенкевич И.Г. Россия и Критское восстание 1866–69 гг. М., 1970. С. 57, 87.

¹² Сенкевич И.Г. Россия и Критское восстание. С. 87.; Одесский Вестник. 1867. № 38, 84, 85, 128.

Были произнесены тосты за победу греческого народа, за русский народ, за председателя комитета и раздавалось русское «ура» и греческое «зито», сливавшиеся в один «несмолкаемый гул»¹³. Это еще раз доказывает сильную интегрированность греков юга России в общественно-политический организм империи.

Трудности советских лет — период сталинских репрессий, безусловно являлись трагическим испытанием для эллинизма России, который, несмотря на выпавшую нелегкую долю, сумел сохранить свою идентичность. На состоявшейся 13–14 ноября 2012 г. в Институте славяноведения РАН конференции «Греки Балаклавы и Севастополя» выступил энтузиаст-исследователь И.Г. Джуха, проживающий в Вологде, который подробно остановился на этом историческом периоде и ему принадлежит идея создания «Греческого мартиролога».

Со второй половины XX столетия намечается возрастающий интерес российских ученых к истории Греции. Можно даже говорить о целой плеяде выдающихся эллинистов, среди которых — профессора Г.Л. Арш и Ю.Д. Пряхин, ныне покойная д.и.н. Ю.В. Иванова и более молодые — д.и.н. О.В. Соколовская, д.и.н. Ар.А. Улунян, доцент МГУ к.и.н. Т.В. Никитина (и ее ученики — д.и.н. О.Е. Петрунина, к.и.н. С.П. Цехмистренко, к.и.н. Ю.Д. Квашнин и др). Также стоит отметить, что в российском среднем образовании придается особое значение истории Греции, в частности античной Греции. Это является свидетельством того, что в России чрезвычайно благодатная почва для изучения науки-эллинистики.

Хотелось бы поделиться своим личным опытом как директора Греческого культурного центра, существующего с 2005 г. в Москве. Особо хочется подчеркнуть ту степень искренности, содействия и соучастия, с которой люди проявляют интерес к греческой культуре и к программам Центра, который превратился уже в тот очаг, вокруг которого сплачиваются, развиваются межличностные отношения. А главная составляющая работы — любовь к Греции, к греческому языку, к греческой культуре в целом. Ежегодно при этом мы проводим опрос среди наших учащихся, результаты которого показывают, что примерно третья часть среди них составляют россияне греческих корней, в том числе потомки греков, когда-то заселивших южные рубежи Российской империи. Это позволяет нам сказать, что деятельность Греческого культурного центра отвечает потребностям общественности к интересу вокруг греческой тематики, а также является закономерностью в динамике развития отношений двух наших народов.

¹³ Одесский вестник. 1867. № 128.

Не секрет, что в последние годы Грецию потрясает сильнейший экономический, социальный, политический, но и морально-духовный кризис. Греция — страна исконно по своему духу близкая России и российскому народу, начиная со второй половины XIX в. стала переориентироваться на Запад, а весь XX век ее состояние и судьба зачастую решалась силами извне, нежели внутри страны. Очень удачно описывается это состояние политической элиты страны в недавно выпущенной добротной монографии о греческой королеве Ольге¹⁴.

Казалось бы, мы — греки, принадлежим западу — *Ανήκομεν εις την Δύσιν* — известное изречение Константина Караманлиса¹⁵. Мы вступили в Североатлантический союз (1952 г.), вступили в ЕС (1981 г.), жили на средства дотаций и субсидий, ради которых отчасти губили свое производство, привыкали к легким деньгам, к чрезмерному потреблению. И вдруг грянул кризис: спрос на внутреннем рынке страны резко упал, европейские рынки перенасыщены, и тогда греческий производитель, греческий торговец, купец-посредник, греческий работник вспомнил об исконно дружественной, северной, братской стране с огромным рынком и близким по духу народом.

Уникальная картина буквально последнего года-полтора: резко увеличился экспорт греческих товаров в Россию. По данным греческого Статистического комитета, прирост импорта товаров в Россию из Греции за 12 месяцев 2011 г. составил 27% по сравнению с аналогичным периодом 2010 г., а за первое полугодие 2012 г. прирост составил целых 34,12%, по сравнению с первыми шестью месяцами 2011 г.

В силу своей должности, как в Греческом культурном центре, так и в торгово-экономическом отделе Посольства Греции в Москве, я наблюдаю за постоянно увеличивающимся количеством запросов людей из Греции, заинтересованных в поиске работы и занятости в России, а также постоянно растет количество греков, приезжающих в Россию на учебу и трудоустройство. Контингент греков в России меняется: много греков молодого и среднего возраста, работающих здесь в компаниях, ресторанном и строительном бизнесе, а также получающих основное высшее образование или проходящих переквалификацию. Россияне, со своей стороны, открывшие в последние годы Грецию для туристической и инвестиционной активности,

¹⁴ Соколовская О.В. Греческая королева Ольга: «Под молотом судьбы». М., 2011.

¹⁵ Константин Караманлис (8 марта 1907 — 23 апреля 1998) — один из крупнейших греческих политиков второй половины XX в., занимавший должности премьер-министра и президента Греции.

не только все активнее отдыхают на родине Олимпийских богов, но и приобретают недвижимость. Греки все больше понимают, что только сильная, здоровая, исконно дружественная, православная держава, как Россия, может способствовать выходу страны из тяжелейшего экономического и социального кризиса.

Подобно тому, как когда-то греки Архипелага в условиях Османского ига, воевавшие на стороне России в Русско-турецких войнах второй половины XVIII столетия, а позже поселившиеся в Балаклаве, Севастополе и Северном Причерноморье в целом, развертывали общественно-политическую, предпринимательскую деятельность, направленную на развитие региона своего проживания (и своей исторической родины), так и современные греки все сильнее оглядываются на просторный российский рынок, связывают свое будущее, а также будущее Греции, с сильной православной братской Россией.

Греки Балаклавы и Севастополя, греки юга России оставили значительный след в истории греко-российского взаимодействия, и наш сборник статей, надеемся, также удачно впишется в русло все более усиливающихся точек соприкосновения и контактов между нашими народами.

Позвольте закончить маленьким отрывком из воспоминаний российского писателя и путешественника Александра Милюкова, посетившего Афины в 1857 г., который, на мой взгляд, очень удачно отражает отношение греков к России и к россиянам. При этом следует отметить, что это время после окончания Крымской войны, когда греческая политическая элита стала все сильнее ориентироваться на Запад, а влияние России на Балканах ослабло.

Милюков описывает, как, прогуливаясь недалеко от Акрополя и разговаривая со своим греческим собеседником по-французски, встретил старого пастуха. Старик сначала подумал, что путешественник был из Германии, однако после того как пастух узнал, что Милюков приехал из России, «нахмуренное лицо старика прояснилось». Далее автор пишет: «Россос! — проговорил старик, прикладывая руку к сердцу, — садись, садись! Русские — наши гости! Русские — наши братья!»¹⁶. Мне кажется, что эти слова греческого пастуха в 1857 г. характеризуют отношения двух наших народов, в первую очередь на межличностном уровне, на уровне простых людей, вне зависимости от политической конъюнктуры и целесообразности.

¹⁶ Милюков А.П. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. СПб., 1859. С. 53.

А.В. Ефимов
(Москва — Балаклава)

ДЖИЗЬЕ-ДЕФТЕР ЛИВА-И КЕФЕ 1634 ГОДА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРЫМА

Известный крымовец А.Л. Бертье-Делагард (1842–1920) не без основания называл эпоху османского владычества в Тавриде — «глухой темной и малоизвестной порой»¹. Причиной тому являлось полное отсутствие в руках у исследователей источников по истории Крыма этого периода.

Но и сейчас, после публикации серьезного перевода крымской части «Книги путешествий» Эвлия Челеби², исследования Юджеля Озтюрк³, серии статей Жюля Вайнштейна и Алана Фишера, османская эпоха в Крыму ставшая менее малоизвестной, тем не менее, остается малоизученной.

Работа по выявлению и публикации османских источников связанных с историей полуострова в XV–XVIII в. крайне востребована.

Одними из важнейших источников по истории православного населения Крыма в годы османского владычества являются архивные материалы, хранящиеся в собраниях Турции.

Особую ценность имеют для нас документы, отражающие этническую ситуацию и столь необходимые для каждого интересующегося местной историей — материалы содержащие итоги переписей податного населения Крыма.

Первооткрывателями важнейших документов по истории лива-и Кефе (османских владений в Крыму) являются исследователи Жюль Вайнштейн и Алан Фишер⁴. В далекие уже 1970-е годы

¹ Записи Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1902, т. XXIV, С. 91.

² Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). / Вступит. статья, перевод с османского языка, комментарии Е. В. Бахревского. — Изд. 2-е. — Симферополь: ДОЛЯ, 2008.

³ Öztürk Yücel. Osmanlı Hakimiyeti'nde Kefe: (1475–1600). Ankara, 2000.

⁴ Fisher A.W. Ottoman sources for a study of Kefe vilayet: The Maliyeden Müdevver fond in the Başbakanlık Arsivi in Istanbul// Cahiers du monde russe et soviétique, 1978, № 19–1–2, С. 191–205.

они выявили в фондах Архива Высших органов государственных власти Турции (Başbakanlık Devlet Arşivi) дефтеры (рукописные книги) содержащие развернутые материалы османских переписей, как всего эйалета (так называемую тапу тахрир дефтерлери), так и более скромные — джизье и авариз дефтеры (книги учета налога с немусульманского населения и ведомости по сбору чрезвычайных налогов). К сожалению, ограничившись несколькими общими статьями в периодических изданиях, к публикации выявленных материалов они так и не приступили.

В середине 1990-х годов, находясь на стажировке в Институте Анатолийских исследований Франции (в Стамбуле), мы получили возможность в течение полугода работать с документами Başbakanlık Devlet Arşivi и пройдя по стопам Вайнштейна и Фишера заказать и откопировать описанные ими дефтеры, а также выявить несколько сотен новых документов по социальной истории османских владений, турецко-крымскими отношениям, состоянию военных сил и крепостей на территории полуострова.

Благодаря дружеской поддержки французских османистов и прежде всего доктора Стефана Ерасимоса (1942–2005 гг.) нам удалось приблизиться к пониманию особенностей средневековой турецкой дипломатики и черне перевести тексты двух основных переписей лива-и Кефе 1520-х и 1542/43 гг., а также небольшого по объему джизье дефтера 1651/1652 гг. (в части касающейся греческого населения — переведен и опубликован нами)⁵.

Одним из наиболее интересных документов является налоговая перепись неисламского населения османских владений в Крыму за 1044 г. Хиджры — 1634/1635 гг., хранящийся в фонде Maliyeden Müdevver под номером 3722 в Архиве Высших органов государственных власти Турции.

В дефтере 51 лист. Размер 40 x 15 см. Почерк сийкат.

Перепись имеет традиционное для подобного вида османской документации оформление. На первом листе указывается территория охвата. Текст построен по принципу административно-территориального деления лива. Отдельно выделен город Кефе (лл. 4–21), кадылыки: Судакский (каза-и Сугдак) (лл. 21–34) и Мангупский (каза-и Мангуп) (л. 34–51).

⁵ Греки в истории Крыма: краткий биографический справочник / Республиканский комитет по делам национальностей депортированных граждан АРК; Научно-исследовательский центр крымоведения; Федерация греков Крыма. Симферополь: Таврия — плюс, 2000.

В конце дефтера подшита копия письма кефинских чиновников от 1043 г. Хиджры о положении крымских райа⁶.

В качестве основной налоговой единицы османские переписи указывают хане — этот термин можно перевести как, двор или семейство. Имя старшего в семье и вносилось в ведомость. Общая численность членов семьи варьировалась от пяти до десяти человек.

В джизие дефтер 1634 г. внесено 3200 хане: каза-и Кефе — 1267, каза-и Керш — 24, каза-и Сугдак — 642, каза-и Манкуб — 1267⁷.

Дефтер 1634 г. отличается от подобных документов начала XVII в. тем, что в нем учтены переселенцы, как вышедшие из пределов лива-и Кефе и обосновавшиеся в селах крымского ханства, так и перешедшие из одного села в другое в границах османских владений. При упоминании имен глав семейств переселенцев дефтердар (составитель дефтера) сделал приписки с указанием села из которого они вышли.

Дефтер дает детальную картину массовой миграции крымских немусульман (подданных турецкого султана) в пределах, как османских владений, так и о выходе их с мест своего исторического проживания в пределы Крымского ханства.

Таблица 1

Обобщенные данные джизие дефтера 1634 г. по Судакскому и Мангупскому кадылыкам

Судакский кадылык

Кол-во сел	Кол-во дворов иноверцев	В том числе кол-во дворов переселившихся	Кол-во дворов выселившихся
26	494	99	236

Села Крымского ханства

Кол-во сел	Кол-во дворов иноверцев вышедших из лива-и Кефе	В том числе кол-во дворов переселившихся	Кол-во дворов выселившихся
6	133	133	6

⁶ См. Приложение 1. Перевод письма с османского языка осуществил по нашей просьбе Ю.А. Аверьянов.

⁷ В списках Мангупского кадылыка указано и 76 еврейских семейств, проживавших в крепости Мангуп.

Мангупский кадылык

Кол-во сел	Кол-во дворов иноверцев	В том числе кол-во дворов переселившихся	Кол-во дворов выселившихся
50	958	213	343

Села Крымского ханства

Кол-во сел	Кол-во дворов иноверцев вышедших из лива-и Кефе	В том числе кол-во дворов переселившихся	Кол-во дворов выселившихся
11	215	186	18

Обобщенные данные по Судакскому и Мангупскому кадылыкам

Кол-во сел	Кол-во дворов иноверцев	В том числе кол-во дворов переселившихся	Кол-во дворов выселившихся
76	1452	312	579

Обобщенные данные по селам Крымского ханства

Кол-во сел	Кол-во дворов иноверцев вышедших из лива-и Кефе	В том числе кол-во дворов переселившихся	Кол-во дворов выселившихся
17	348	319	24

Итого:

Кол-во сел	Кол-во дворов иноверцев	В том числе кол-во дворов переселившихся	Кол-во дворов выселившихся
93	1800	631	603

Как следует из документа, каждая третья семья немусульман, проживавшая в Судакском и Мангупском кадылыках, покинула места своего исторического проживания, а половина из ушедших осела в селах Крымского ханства.

О причинах и последствиях столь массовой миграции мы узнаем из писем кефинских чиновников в Стамбул, в фирманах османских султанов первой половины XVII в., а также же в отчетах доминиканской миссии Джованни Джулиани (направленной *Sacra Congregazione di Propaganda Fide*).

В письме кефинских чиновников 1634 г. говорится, что иноверцы «разбежались и рассеялись» из-за нападений «злосчастных русских разбойников». Разбойники, о которых идет речь, очевидно — казаки, совершавшие регулярные походы на крымское побережье.

Подтверждение этому факту мы находим в сообщении, датированном 1634 г., члена доминиканской миссии в Кефе Эмидио д'Асколи: «козаки разрушают, грабят, жгут, уводят в рабство, умерщвляют». И далее, описывая набег на г. Карасу-Базар, он сообщает: «козаки разграбили и сожгли множество лавок, убивая всех им попадавшихся; такая участь постигла даже некоего армянского священника»⁸.

Исходя из данных дефтера, мы можем локализовать район, из которых происходила основная миграция — это прибрежные села Южного и Юго-Восточного Крыма: Кутлак, Ай-Серез, Шелен, Арпат, Ворон, Капсихор, Ускут, Куру-Узень, Улу-Узень, Демирджи, Алушта, Ланбат бала, Партенит, Лимен, Ските, Йалта, Мисхор.

Это находит свое подтверждение и в сообщениях Эмидио д'Асколи. В главе, посвященной описанию Черного моря, говоря о морских походах казаков, он сообщает: «До 30, 40 и 50-ти челнов спускаются ежегодно в море и в битвах причиняют столь жестокий вред, что берега всего Черного моря стали совсем необитаемы, за исключением некоторых местностей, защищенных хорошими крепостями»⁹. И далее при описании местности лежащей в окрестностях Судака д'Асколи замечает: «Окрест города обильно производятся превкусные и крепкие вина, а также произрастают прекрасные и нежные плоды [...] ; но в настоящее время там нельзя собирать виноград, потому что казаки ходят туда грабить десятину»¹⁰.

Именно из сел, лежащих на побережье от Судака до Алушты, согласно сведениям внесенным в дефтер, вышло наибольшее число переселенцев.

Христиане — подданные султана выселились в села Крымского ханства, расположенные в окрестностях городов Карасубазара, Ак-Мечети и Бахчисарая.

⁸ Записи Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1902, т. XXIV, С. 98.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 122.

Таблица 2

Села Крымского ханства, в которые вышли переселенцы из Судакского кадылыка лива-и Кефе

Село	Кол-во дворов инверцев	В том числе кол-во дворов переселившихся	Кол-во дворов выселившихся	Села, из которых переселились, с указанием дворов	Села, в кото- рые высели- лись, с указа- нием дворов
Айан	38	38		Улу Узень 1 Партенит 1 Демирджи 19 Капсихор 2 Корбек 3 Алушта 6 Ланбат бала 6	
Йени-Сала	13	13	6	Партенит 1 Капсихор 2 Улу Узень 3 Демирджи 3 Куру-Узень 4	Бешев 2 Инкерман 1 Качи-Калйан 1 Коклус 1 Узенбаш 1
Кале-и нефс Кирим (?)	3	3		Папа Кирйако 1 Ворон 1 Ускут 1	
Кара-Коба	9	9		Ай-Серез 2 Куру-Узень 2 Улу Узень 5	
Оргалан	8	8		Улу Узень 1 Ай-Серез 2 Шелен 5	
Сартана	62	62		Кутлак 1 Тувак 1 Ворон 10 Арпат 2 Кучук-Узень 2 Ускут 25 Улу Узень 3 Капсихор 6 Куру-Узень 6 Ай-Йорги 7	
ИТОГО	133	133	6		

Таблица 3
*Села Крымского ханства, в которые вышли переселенцы
 из Мангунского кадылыка лива-и Кефе*

Село	Кол-во дворов иноверцев	В том числе кол-во дворов переселившихся	Кол-во дворов выселившихся	Села, из которых переселились, с указанием дворов	Села, в кото- рые высели- лись, с указа- нием дворов
Бешев	14	14		Корбекли 3 Ланбат бала 1 Фоти 5 Сурен 1 Черкес Кермен 1 Йени Сала 2 Гурзуф 1	
Бодрак	3			Бахадыр 3	
Истиля	23	23		Кучук-Узень 1 Дереккой 1 Ай-Йорги 1 Шума 2 Йалта 2 Агутка 2 Гаспра (?) 2 Папа Никола (?) 2 Бахадыр 3 Узенбаш (?) 7	
Качи- Калйан	10	9		Йени-Сала 1 Керменчик (земля хана) 1 Черкез-Кермен 1 Папа Никола (?) 3 Отар 4	
Керменчик	60	40	4	Мангуб 2 Алушта 1 Бахадыр 1 Кучук-Мускомйа 1 Папа ? 1 Папа Никола (?) 1 Байдар 2 ? 2 Симеиз 3 Саватка 3 Ай-Йорги 3	Качи-Калйан 1 Шуры 3

				Отар 4 Сурен (?) 5 Мисхор 8	
Коуш	34	30		Ускут 1 Ланбат бала 1 Партенит 1 ?1 Ските 2 Агутка 2 Черкез-Кермен 2 Отар 3 Узенбаш (?)3 Карань 4 Сурен (?) 4 Гурзуф 5	
Майрам	10	10		Инкерман 1 Мангуб 1 Сурен (?) 1 Отар 2 Папа Никола (?) 2 Чоргун 3	
Манкуш	15	15		Фоти Сала 2 ? 2 Отар 5 Гурзуф 3 Маркур 2 Папа Никола? 1	
Сурен	23	23	14	Камаре 2 Маркур? 2 Бахадыр 2 Мисхор? 1 Папа Никола? 1	Бешев 1 Керменчик 5 Коуш 4 Куба (?) 1 Кучук- Мускомйа 1 Майрам 1 Улу-Сала 1
Шуры	20	20		Папа Никола (?) 1 Дереккой 2 Мисхор 2 Кучук-Мускомйа 2 Керменчик (земля хана) 3 Гурзуф 4 Фоти (?) 4	
Йени-Сала	3	2		Кикенеиз 1 Папа Никола? 1	
ИТОГО	215	186	18		

Вероятно, семьи переселенцев из лива-и Кефе в Крыму стали основой при формировании христианских общин в селах Айан, Истиля, Йени-Сала, Кара-Коба, Орталан, Саргана. Из этих селений в 1778 г. были выведены на берега Азовского моря многочисленные семейства греков-румеев, поселения которых и по сей день существуют в Донецкой области Украины.

В дефтере зафиксирован и переход части переселенцев из одного села в другое, уже в пределах Крымского ханства.

Эмидио д'Асколи также свидетельствует о выходе жителей лива-и Кефе в Карасу-Базар, при этом данное обстоятельство стало причиной дипломатического конфликта: «Падишах неоднократно посылал к хану приказание уничтожить этот город Карасу, так как его подданные, а в особенности иноземцы, проживающие в Каффе, постоянно уходят с семьями на жительство в Карасу и таким образом пропадает подать, *viva Karag*, как они говорят. На все эти приказания хан ответил, что паше следует управлять помягче, не подвергая подданных дурному обращению, и тогда в Каффу возвратятся не только подданные падишаха, но и многие из подданных хана перейдут туда же, так как Каффа богатый приморский город, и не останутся в Карасу»¹¹.

И далее д'Асколи замечает, что «под татаринომ живешь несравненно спокойнее и платишь меньше дани, чем под турком»¹². Несомненно, экономические причины, наряду со спасением от набегов казаков стали основными при выходе христиан в пределы Крымского ханства.

В дальнейшем выявленные документы не фиксируют христианских общин в большей части сел Судакского кадылыка. Оставленное христианами имущество было продано османскими чиновниками мусульманам — переселенцам из охваченных бунтами и подверженных многолетним неурожаем санджаков Восточной Анатолии.

Османские дефтеры являются одним из важнейших источников по истории Крыма. Надеемся, что публикация их перевода станет полезным приобретением для научного крымоведения.

¹¹ Записи Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1902, т. XXIV, С. 120.

¹² Там же.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Находящиеся в вышепомянутых каза Кефе, Керш и Сугдак и Мангуп крымские райя в прежнее время были занесены в налоговую опись¹³ Фахиром(?) Хасан-ага, и, согласно описи, каждые два года со всех обложенных подушной податью (*джизье*) оная взималась, но затем произошло нападение злосчастных русских разбойников, и те крымцы остались голыми (лишенными всего) и погорельцами, райяты же рассеялись и разбежались. По этой причине в 1043 (1634) году в помянутые каза были присланы благородный высокочтимый указ (*ферман*) о меньшем (*кем*) взимании подушной подати, а также заново составленный (*невбафте*) (?) государев реестр с *тугрой*, подтверждающие благородные повеления по отношению к сим рабам. Согласно высочайшему указу, по праву и справедливости и при посредстве закона (по шариату), эти рабы из старого реестра сорок семейств (*хане*) покровительствуемых немусульман¹⁴ были занесены в налоговую опись, один экземпляр которой был отдан на хранение в суд города Кефе, другой же потерялся, о чем было доложено (одно слово неразб.) *хараджа*¹⁵. И в году 1043, по необходимости, согласно новой описи, зарегистрированной по милости повелителя, было проведено налогообложение, впоследствии же слуги *мирмирана*¹⁶ потребовали от райятов уплаты *испенча*¹⁷ по новой описи. Жители же Кефе, прибывшие из других стран, платили подушную подать после трехмесячного проживания в городе, и записывались (в налоговую опись) юноши, начиная с 15-летнего возраста, о чем и было доложено (во дворец). Решение остается за обителью справедливости (султанским дворцом). Написано в 1043 году.

Ибрахим, мирмиран и распорядитель имущества, переписчик (прошения), Кефе

Мехмед Хаджи (титул неразб.)

¹³ тахрир дефтери

¹⁴ зимми

¹⁵ поземельного налога

¹⁶ двухбунчужного паши

¹⁷ разновидность подушного налога с немусульман

Т.М. Фадеева
(Москва)

АРХИПЕЛАГСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ РУССКОГО ФЛОТА (1769—1774) И ПОЯВЛЕНИЕ НОВОЙ ГРЕЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ В КРЫМУ

В процессе присоединения Крыма к России произошло достойное сожаления событие — выселение греков-христиан из Крыма в Приазовье в 1778 г. Вскоре греки здесь вновь поселились, но уже другие. Известный крымовец А.Бертье-Делагард в работе «Керменчик. Крымская глушь», посвященной одному из основных мест расселения этой новой волны эмиграции греков, пишет: «С выходом греков обезлюдел Керменчик, опустели его многочисленные церкви, — казалось, замерло все и повсюду; но столь же изумительное, как и неожиданное обстоятельство вновь вдохнуло здесь жизнь: явились новые поселенцы и к тому же опять греки, но родом из далекой Мореи и Архипелага. Совершенная феерия с превращениями. В первую турецкую войну, при императрице Екатерине II эскадра Орлова с войсками поддерживала восстание на турецких берегах Средиземного моря, населенных греками. По окончании войны участникам восстания — грекам были предоставлены особые права и льготы для переселения в Россию и службы в ней. Эти «албанцы» или «арнауты», как у нас тогда неправильно называли греков, были перевезены в Еникале: но во время присоединения Крыма в 1783 г. их двинули для занятия всего южного берега Крыма. Распространяя ужас между татарами, они дошли до Балаклавы, где и были поселены окончательно, на особых правах; там и доныне живут их потомки»¹

Их называли архипелагскими греками, имея в виду их участие в Архипелагской войне 1768–1774 гг., а также «албанцами»², хотя название это видные исследователи Крыма XIX в. считали неправильным. «Греческий пехотный батальон, — уточняет П.И. Кеп-

¹ Бертье-Делагард А.Л. Керменчик. (Крымская глушь). Одесса, 1898 г. С. 3.

² Иногда в документах и военнослужащих называли «албанцами», однако данное слово не подразумевало их этнической принадлежности. В описанный период этот этноним стал нарицательным и использовался как синоним военных наемников или волонтеров. См. об этом подробнее: Ари Г.Л. Греческая эмиграция в Россию в конце XVIII — начале XIX вв. // Советская этнография. 1967. № 3. С. 85–92.

пен, — был сформирован Орловым-Чесменским в 1769 г. из архипелажцев, которые, по окончании войны в 1776 г., были поселены в Керчи и Еникале, а по присоединении Крыма к России были водворены в Балаклаве и, вероятно, тогда же в деревнях Лаке, Керменчике, Алсу, Камаре и Карани»³.

Наиболее активную его часть составили маниоты или майноты — греческие жители полуострова Мани, Майна (средний южный мыс Пелопоннеса). Мани — местность гористая и недоступная: еще недавно в большинство селений можно было попасть только морем. На протяжении своей истории маниоты были известны своим соседям и своим противникам как бесстрашные воины, соблюдавшие обычай кровной мести, и знаменитые пираты. Они жили в укрепленных селениях, в домах-башнях, где оборонялись против турок-османов. Османская империя, после падения Константинополя и оккупации османами Греции в XV в., так и не смогла покорить целый ряд горных местностей (горы Этолии, Пинда, Аграфы, особенно горный район Сули, а также целую большую горную область на юго-западе Пелопоннеса — Мани, Майна). Здесь велась непрерывная партизанская война. Жители долин укрывались в горах от притеснений османов и создавали там независимые общины, члены которых именовали себя «клефтами». Собираясь в дружины по 100–200 человек, клефты совершали дерзкие нападения на турецкие отряды. Иногда они объединялись в крупные отряды ради серьезных военных выступлений.

В труде Константина Багрянородного сохранилось описание Мани и его жителей: «Да будет ведомо, что жители крепости Майна происходят не от племени ранее упоминавшихся славян, а от более древних ромеев, которые и до сего дня называются у местных людей эллинами, ибо в более отдаленные времена были идолопоклонниками и почитателями идолов, наподобие древних эллинов, а стали христианами, будучи крещены [лишь] в царствование приснопамятного Василия. Место же, в котором они обитают, безводно и недоступно, однако богато оливами, что и доставляет им утешение»⁴.

Сами они считали себя потомками древней Спарты. Маниотов называли эллинами, то есть язычниками; они долее других сохраняли эллинские обычаи, сопротивляясь насильственному

³ Кеппен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С. 226. Прим. 329.

⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей.. М., 1991. С. 43–46.

крещению, благодаря труднодоступности края. Однако, став христианами, они с тем же упорством продолжали сопротивляться османскому завоеванию. Французский историк Клод де Рюльер, небезызвестный автор книги о перевороте 1762 г. и восшествии Екатерины на престол, публикации которой так опасалась императрица⁵, является также автором фундаментального сочинения «История анархии в Польше и расчленений этой республики»⁶, изданного в 1807 г. В нем затронуты ряд внешнеполитических аспектов политики Российской империи, в том числе Архипелагские войны.

В одиннадцатой главе третьего тома содержится также интересное описание союзников России в этой войне — греков-майнотов и их отличий от остальных греков. «После завоевания Пелопоннеса турками, согласно традиции, признаваемой всеми греками и подтвержденной множеством признаков, значительное число лакедемонцев успешно вернулись в эти горы. Скалы и пещеры стали приютом их собственной независимости. В последнюю эпоху самые смелые среди греков, из тех, кто наиболее дорожит своей свободой, остатки императорских семейств Константинополя и Трапезунда, избежав ярости турок, спасались в этих горах. Майноты гордились тем, что, несмотря на свою бедность, сумели дать достаточно дорогой выкуп за многих из принцев, попавших в руки пиратов. И сегодня еще находятся среди них представители почти всех семейств, занимавших престол Греции: Фока, Кантакузины, Комнины, Ласкарисы, Палеологи. С удивлением замечаешь, что эти семьи сохраняют еще и спустя три столетия физиономию, отличную от уроженцев страны. Из смеси древних мессенцев, остатков спартиатов, самых известных семейств Греции, и тех, кто царствовал в Константинополе и

⁵ Напечатано после смерти Екатерины II под заглавием «История и анекдоты о революции в России 1762 года» («Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en 1762». Paris, 1797).

⁶ Клод Карломан Рюльер (Claude Carloman de Rulhière, 1735–1791) — французский писатель и историк, член Французской академии. Состоял при департаменте иностранных дел в качестве политического писателя. Фундаментальное сочинение Рюльера «История анархии в Польше и разделения этой республики» («Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république», 1807, которое он написал для дофина, будущего Людовика XVI. (Вышло 4-м изданием под кратким названием «Превратности Польши» (Révolutions de Pologne. A 3 vol. Paris., 1862).

Генеральная карта Архипелага

Трапезунде, сформировалась эта маленькая народность, известная сегодня под именем майнотов, разделенная на множество племен, свободно живущих в горах, храбрых до жестокости, гордых тем, что кровь стольких императорских домов смешалась с кровью ее граждан, и еще более гордая тем, что спустя столько столетий и, невзирая на свое крайнее невежество, все еще состоит из потомков спартанцев. Спустя три столетия и еще в наши дни общие собрания их старейшин или геронтов именуют себя Сенатом Лакедемона⁷. Отсюда и противопоставление их остальной народной массе, подчеркивает Рюльер: «Остальных греков они считают рабами и трусами; последние, в свою очередь, смотрят на них как на разбойников»⁸.

Тойнби отнес маниотов к «реликтам вымерших цивилизаций», обязанных своим сохранением двойной защите: сочетанию суровости природных условий с труднодоступностью. «Показателен, — продолжает он, — в этом плане пример греческих православных общин Мани и Сули в Оттоманской империи. Суровость и труднодоступная местность спасла Сули и Мани от тягот оттоманского гнета, тогда как греческие подданные падишаха в Спарте и Янине фактически были истреблены. Сулиоты и маниоты, стимулирован-

⁷ *Rulhière Cl. De. Révolutions de Pologne. A 3 vol. Paris, 1862. V. 3. P. 128.*

⁸ *Ibid. P. 131.*

Алексей Орлов-Чесменский

ные и защищенные суровостью и недоступностью своего края, сыграли, в конце концов, самую активную роль в создании современной Греции»⁹.

1 ноября 1768 г. Турция объявила России войну. 4-го ноября Екатерина созвала совет из важнейших государственных деятелей и военачальников, на котором граф Григорий Григорьевич Орлов¹⁰ предложил послать в Средиземное море эскадру для диверсии в тылу противника. Этот план был обдуман братьями заранее. Еще в 1763 г. Алексей Орлов¹¹, брат фаворита, направил к «спартанскому народу» жителей Мани эмиссаров. Последние подтвердили решимость греков и балканских славян к восстанию против оттоманского правления.

С давних пор народы Балканского полуострова рассчитывали на помощь России в своей борьбе против турецкого ига. Как писала Екатерина А. Орлову: «Признаться же должно, что в то самое время (1769 г.) множество греков, сербин и

⁹ Тойнби А. Дж. Золотая середина // Постигание истории: Избранное. М., 2006. С. 180.

¹⁰ Орлов Григорий Григорьевич (1734–1783), граф, князь Римской империи, российский военный и государственный деятель, один из организаторов государственного переворота 28 июня (9 июля) 1762. В течение первого десятилетия правления Екатерины II, будучи ее фаворитом, обладал огромным влиянием при дворе, активно вмешивался в решение государственных дел. С началом Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. выдвинул идею об освобождении греков от турецкого ига; решительно поддержал предложение своего брата Алексея о проведении военно-морской операции в Средиземном море.

¹¹ Орлов Алексей Григорьевич (1737–1807), граф. В 1768–1769 гг. разработал план военной операции против Турции в Средиземном море (Первая Архипелагская экспедиция). В 1769 г. получил командование эскадрой русского флота; за победу в Чесменском бою в 1770 г. получил право присоединить к фамилии наименование Чесменского.

прочие единоверные авантюрьеры зачали соваться ко многим с планами, с проектами, с переговорами...»¹².

Для агитации среди православных греков и славян был выбран граф Алексей Орлов, отправившийся вместе с братом Федором в Венецию. Вышеупомянутый Кл. Рюльер в 11-ой главе своей книги описывает появление братьев в Венеции, впечатление, произведенное как их весьма представительной внешностью, так и поведением. Не сомневаясь в истинной цели их появления, Рюльер ехидно отмечает: «Двое Орловых выбрали в качестве предлога путешествия по Италии простое любопытство... Но во время своего пребывания в Венеции, где терпимо относятся к греческой религии и куда по делам торговли постоянно прибывают славяне и греки, они ежедневно показывались в православных церквах, и проявлениями набожности, производили сильное впечатление на этих суеверных народов, воспринимавших их как представителей государя — защитника их религии. По выходе из церкви, в окружении толпы приверженцев, они останавливались, запускали руки в карманы, один полный золотых, другой — серебряных монет, раздавая их с величественной щедростью. Различные эмиссары приходили к ним с докладами. Но осторожная и недоверчивая Венеция вскоре заметила эти маневры и попросила братьев избрать другое местопребывание»¹³.

Экспедиция требовала больших расходов, а между тем в итальянских городах российская империя не имела ни торговых, ни политических связей. И первым лицом среди множества эмиссаров и приверженцев стал грек Пано (Павел) Маруцци, чья семья с XVI в. обосновалась в Венеции, где занятия торговлей и банковским делом принесли ей большие богатства и связи. Маруцци, — пишет Рюльер, — «удовлетворив свое тщеславие титулом маркиза (от Австрии) и орденом св. Анны (от России), превратился в русского агента при всех дворах Италии. Он был готов пожертвовать все свое огромное состояние, состояние своей семьи и всех связанных с ним лиц в других городах и портах, успеху начинаний русского двора»¹⁴.

Заинтересованность Маруцци находит свое объяснение в ряде опубликованных документов¹⁵, которые свидетельствуют о стремле-

¹² Атлас Архипелага и рукописные карты Первой Архипелагской экспедиции русского флота 1769–1774 гг. М., 1997. С. 9.

¹³ *Rulhière Cl. Op. Cit.* P. 141.

¹⁴ *Ibid.* P.140.

¹⁵ Документы об установлении прямых русско-итальянских торговых связей в середине XVIII века // Советские архивы. 1972. № 2.

нии итальянской стороны, прежде всего, Венеции и Генуи, установить взаимовыгодные торговые связи с Россией уже в 40–60-е годы XVIII в. Черноморская торговля России с Италией имела давнюю историю. Поездки итальянских купцов в Москву, а купцов-москвичей на юг известны с XIV в. Поэтому захват турками во второй половине XV в. Константинополя и итальянских колоний в Крыму был бедствием не только для Генуи и Венеции, но и для России. Несколько оживились русско-итальянские экономические связи в начале XVIII в., при Петре I. В Венеции было основано первое русское торговое консульство (1711 г.), начали действовать официальные торговые агенты.

Оживлению торговли России с итальянскими государствами способствовал Белградский мирный договор, заключенный между Россией и Турцией после войны 1735–1739 гг. Россия возвратила Азов, получила выход в Черное море, продвинулась в район южного Днепра, начала осваивать территории на юге вплоть до Буга. Если до этого почти вся торговля с европейскими странами велась через балтийские порты, то теперь появилась возможность вести ее через Черное море. С начала 40-х гг. XVIII в. заметно повышается интерес русских торгово-промышленных и правительственных кругов к торговле с восточными (Персией, Турцией) и средиземноморскими странами (Францией, Венецией, Генуей, греческим Архипелагом). Инициатором в обсуждении вопросов черноморско-средиземноморской торговли выступила Коммерц-коллегия¹⁶. С февраля по октябрь 1741 г. ее вице-президент И.А. Мелиссино (кстати, потомок знатной греческой семьи) разработал несколько вариантов проекта развития торговли по Черному морю. 30 октября 1741 г. окончательный вариант проекта был представлен Сенату. Были и встречные предложения со стороны Венеции и Генуи.

Именно в это время в Италию отправился вице-канцлер Михаил Илларионович. Воронцов¹⁷. В свете сказанного, надо пола-

¹⁶ Коммерц-коллегия — центральное правительственное, учреждение, созданное Петром I для покровительства торговле 12 февраля 1712 г.

¹⁷ Вышеприведенные слова Дашковой свидетельствуют о том, что контакты банкирского дома Маруцци с российской стороной в лице вице-канцлера начались гораздо раньше, задолго до появления братьев Орловых. Вероятно, они произошли уже в ходе первого заграничного путешествия Михаила Илларионовича Воронцова, в то время вице-канцлера, которое состоялось в 1745–1746 гг. В 1758 г. он занял пост канцлера. Однако дворцовый переворот 1762 г. изменил расстановку сил при дворе. Во второе путешествие за границу он отправляется 7 августа 1763 г., после того, как получил отставку с поста канцлера. Оно продлилось до февраля 1765 г.

гать, что вице-канцлеру М.И. Воронцову было что обсуждать с главой богатого банкирского дома Маруцци и с другими заинтересованными в торговле с Россией лицами. К такому выводу склоняет одно из высказываний княгини Екатерины Романовны Дашковой¹⁸, будущего директора Академии наук и президента Академии Российской, совершавшей в 1781–1782 гг. путешествие по Европе с сыном Павлом Михайловичем (1763–1807) — выпускником Эдинбургского университета с целью осмотра самых прославленных достопримечательностей. Она так описывает встречу с П. Маруцци: «В Венеции наш представитель, маркиз Маруцци, приготовил для нас свой дом, окружив нас роскошью и великолепием. Он был очень многим обязан покойному моему дяде, государственному канцлеру графу Воронцову, и я приписывала великолепие оказанного нам приема его благодарности и тщеславию. Он только что получил орден св. Анны и поэтому повсюду в его доме, на дверях, на воротах, на экипажах красовались либо лента, либо звезда этого ордена. Он мне доставил самое большое удовольствие (и я им пользуюсь и поныне) уступкой двух великолепных картин Каналетти»¹⁹.

Во время своего пребывания в течение двух недель в Италии Орловы установили контакты и общались с представителями высшей итальянской аристократии, особенно греческого и южнославянского происхождения и православного вероисповедания. Кроме семьи Войновичей к их числу можно отнести графов Мочениго, Джика (Гика), Маруцци, впоследствии некоторые из них навсегда остались на русской службе. Все это послужило для подготовки Архипелагской экспедиции, имевшей целью поддержать сухопутные действия русской армии против турок. Венецианец Антонио Джика по поручению А.Г. Орлова занялся вербовкой волонтеров

¹⁸ Дашкова Екатерина Романовна (1744–1810), княгиня, урожденная Воронцова. Указом императрицы от 24 января (4 февраля) 1783 г. назначена на пост директора Петербургской Академии наук при президентстве графа К.Г. Разумовского, который она занимала до 12 (23) августа 1794 г. (уволена в отпуск) и до 12 (23) ноября 1796 г. (уволена от дел вовсе); президент Императорской Российской академии (в те же годы).

¹⁹ Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810. Л., 1985. С. 125. Маруцци также разбирался в искусстве, хорошо знал художников, и ему поручали делать заказы и приобретать редкие полотна для пополнения Эрмитажа и частных коллекций. В этом контексте уместно упоминание картин Каналетто (1697–1768), итальянского живописца эпохи классицизма и офортиста, прославленного мастера панорамных видов Венеции.

Грек в национальной одежде

в воинский легион не только среди греков, южных славян и итальянцев, но и албанцев.

Но, наиболее важную роль в подготовке российской военно-морской экспедиции в Эгейское море, наряду с тайной миссией Орловых сыграл привлеченный на русскую службу венецианский маркиз и банкир Пано (Панайотис, Павел) Маруцци. Переход на русскую службу и приобретение высокого русского покровительства были для П. Маруцци столь привлекательны, что он соглашался исполнять поручения русского двора безвозмездно²⁰. Кроме того маркиз взял на себя кредитование итальянских расходов Архипелагской экспедиции. По

сути, заинтересованность в развитии черноморской торговли с Россией была взаимной. В 1767 г. П. Маруцци был представлен графом Г.Г. Орловым Екатерине II и имел с ней одну или несколько продолжительных бесед. Императрица должным образом оценила его дипломатические качества и средиземноморские связи и предоставила ему право письменно обращаться напрямую к ней. Помимо этого в порядке поощрения, а также для придания ему большего веса в дипломатических кругах, императрица наградила Маруцци орденом Св. Анны первой степени, прежде чем он приступил к исполнению своих обязанностей в Италии. 10 марта 1768 г. было официально объявлено о назначении П. Маруцци российским поверенным в делах при Венецианской республике и других торговых городах Италии, а также на Мальте.

Сфера деятельности Маруцци в Средиземноморье была достаточно обширной. Согласно его донесениям российскому Двору, он информировал о ситуации в Черногории, о ходе восстания

²⁰ *Кадырбаев А.Ш.* Российские военные моряки — выходцы из иностранных фамилий в Восточном Средиземноморье. 1767–1833 // Елагинские чтения. СПб., 2011. Вып. V. С. 18–34.

на Корсике против Франции, о попытках тайных переговоров с корсиканским предводителем Паоли с целью в перспективе обеспечить на этом острове базы для русского флота. Ему предлагалось также способствовать переселению греков в Россию, предварительно выяснив их настроения и материальные возможности. «Если люди греческого вероисповедания обратятся с желанием переселиться в Россию, в таком случае имеете маркиз обнадеживать их Высочайшею Ее императорского Величества милостию и протекциею и, наведываясь о их состоянии и ремесле, обстоятельно сюда доносить... ожидая отсюда резолюции».²¹

Содействуя греческой эмиграции, Екатерина II не только стремилась привлечь к освоению земель юга России, тогда совершенно пустынных, население, отличавшееся разнообразными талантами и предприимчивостью и с древних времен колонизовавшее черноморское побережье. Покровительство греческим переселенцам было частью более обширных политических планов императрицы, нашедших воплощение в «Греческом проекте», который предусматривал изгнание османов из Европы, создание греческого государства во главе с внуком Екатерины — Константином. Поэтому императрица всячески стремилась упрочить свое влияние среди греков, предоставляя греческим переселенцам особые привилегии²².

Но вернемся к Алексею Орлову, который с помощью агентов приступил к подготовке населения Черногории, Мореи (Пелопоннеса) и островов Архипелага к вооруженному восстанию и в письме императрице предлагал «употребить» «себя к службе Отечества вместе с православными греческими и славянскими народами»²³. А. Орлов был назначен Екатериной руководить экспедицией. Отношения субординации не были сформулированы ею достаточно четко, что привело впоследствии к конфликтам между адмиралом Г.А. Спиридовым²⁴ и контр-адмиралом Дж. Эльфинстоном²⁵, А.Г. Орловым и контр-

²¹ Там же. С. 31.

²² Греки России и Украины. С.39.

²³ См.: Долгоруков П.В. Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840 г.

²⁴ Спиридов Григорий Андреевич (1713–1790) — русский адмирал. В 1771–1773 гг. успешно командовал русским флотом в районе греческого Архипелага, а в 1774 г. ушел в отставку.

²⁵ Эльфинстон Джон (1720–1785), английский контр-адмирал, на российской службе с 1769 г., участник Чесменской битвы. За потерю линейного корабля на скалах уволен от службы в 1771 г.

адмиралом И.Н. Арфом²⁶. За отсутствием опыта дальних морских плаваний, эскадра понесла большие потери.

Когда в конце февраля 1770 г. эскадра подошла к порту Витула (Итило) на побережье Мани, то в составе ее было три линейных корабля и два небольших судна, на борту которых находилось немногим более 2 тысяч 500 человек. Однако здесь почва была подготовлена агентами Орлова, и здесь проживал Мавромихали, начальник Греческих легионов, носивших тогда название «Спартанских». Именно к Мавромихали обратился с письмом от 22 января 1769 г. граф Панин²⁷, называя его «благородным капитаном» и указывая, что война, объявленная Портой России, предоставляет «всем православным народам Эллады» заслужить «милости, могущественную защиту и покровительство» русской императрицы, а себя освободить от ига порабощения²⁸. В ноябре 1769 г., а затем и в начале следующего года граф Орлов отправил Мавромихали письма с призывом собрать всех воинов и действовать против турок, «чтобы окончить начатое великое предприятие, которое всякому принесет честь, мзду и счастье»²⁹.

Несмотря на малочисленность русских сил, появление их в Море вызвало большой энтузиазм у местного населения. К базе русского флота стали стекаться добровольцы. Из них были сформированы два легиона: западный, которым командовал генерал-майор князь Ю.В. Долгоруков³⁰, и восточный под командованием капитана

²⁶ Иван Николаевич Арф, контр-адмирал; в 1770–1772 гг. служил на русском флоте по приглашению «из датского флота» императрицей Екатериной II.

²⁷ Панин Никита Иванович (1718–1783), граф, русский дипломат и государственный деятель, наставник великого князя Павла Петровича, глава русской внешней политики в первой половине правления Екатерины II, автор плана «Северного Союза (Аккорда)» и одного из первых в России конституционных проектов.

²⁸ Сафонов С. Остатки греческих легионов в России, или нынешнее население Балаклавы // ЗООИД. Т. 1. Одесса, 1844. С. 206.

²⁹ Там же. С. 208.

³⁰ Юрий Владимирович Долгоруков, князь, генерал-майор, был назначен под начальство графа А.Г. Орлова, и отправлен в Черногорию, для приведения населения в подданство России. За исполнение этого важного поручения и участие в Чесменской битве, где кн. Юрий Владимирович, никогда не служивший во флоте, командовал кораблем «Ростислав», он был награжден, по возвращении в Петербург (22 сентября 1770 г.), Георгиевским крестом на шею, и спустя два месяца (24 ноября 1770 г.) орденом Св. Александра Невского. Потом князь служил снова

Баркова³¹. Западный легион овладел Каламатой, Аркадией и очистил от турок всю Мессению. 10(21) апреля 1770 г. объединенными силами западного легиона и морского отряда под командованием деда А.С. Пушкина бригадира И.А. Ганнибала³² был взят Наварин (о. Занте). Успешно действовал и восточный легион. 8(19) марта 1770 г. Баркову сдалась центральная крепость Пелопоннеса Мистра (Мизитра, Лакония), гарнизон которой состоял из 2 тысяч человек.

Взятие Мистры было омрачено грабежами и жестокостями, привычными в ходе вековых столкновений турок и клефтов-майнотов. Турки, запросив капитуляции, по рассказу Рюльера, «мирно складывали оружие, и в это время «самое свирепое племя майнотов спустилось со склонов гор и начало грабить и убивать турок без различия пола и возраста. Последние в ужасе бежали из крепости и устремились в церковь. Архиепископ и все духовенство в облачениях и с крестами умоляли этих разбойников не осквернять храм»³³. По рассказу Баркова, турки, закрепившись в крепости, защищались семь дней, но, лишенный воды, 8 марта 3,5-тысячный гарнизон капитулировал. «При сем случае, — сообщает Барков, — не мог я удержать майнотов от наглости и кровопролития, при котором, в нарушение капитуляции, убито в предместьи более 1000 турок и разграблены имения... С великим трудом и опасностью едва удалось мне сбересть начальников с остатками пленного гарнизона, который роздан был от меня по домам жителей греков по дальнейшей о них резолюции»³⁴. Эти жестокости так напугали турок, что в дальнейшем они отказывались от капитуляции и держались до конца.

в Морее, и, наконец, по желанию своему, под знаменами Румянцева и произведен был в генерал-поручики (21 апреля 1775 г).

³¹ Корней Иванович Барков, поручик, за отличия в войне с турками был награжден орденом св. Анны 3-ой степени «За храбрость». Штабс-капитан Барков погиб без вести 26 сентября 1812 г., будучи в разведке.

³² Иван Абрамович Ганнибал, бригадир артиллерии (сын хорошо известного «Арапа Петра Великого»). Командовал взятием крепости города Наварин, организовал его полную блокаду с суши и моря, а также приказал установить на господствующих над городом высотах снятые с корабля две артиллерийские батареи, обстрел которых скоро вынудил турок к капитуляции. После их ухода русские войска вступили в город 10 апреля, а 17 апреля 1770 г. в порт вошла вся русская эскадра. За взятие крепости Наварин И.А. Ганнибал был удостоен ордена Св. Георгия 3-й степени.

³³ *Rulhière Cl. De.* Op. cit. Т. 3. 1862. P. 169.

³⁴ *Плугин В.А.* Алехан или человек со шрамом. Жизнеописание графа Алексея Орлова-Чесменского. М., 1996. С. 223.

Первоначальные успехи повстанческих отрядов, взятие Мистры вскоре сменились неудачами — последовало поражение у Триполицы (Триполис), под Модоном, что объяснялось как малочисленностью десанта, так и отсутствием дисциплины и недостатком военной подготовки среди восставших. Участие майнотов наводило ужас на население. Память об этом осталась надолго и откликнулась даже в поэзии Джорджа Байрона. В кратком предисловии к поэме «Гяур» поэт избирает временем действия «Пелопоннесское восстание майнотов с участием русских, когда в феврале 1770 г. русская эскадра, (фактически имевшая целью отвлечение турецкой армии с Дунайского фронта), прибыла в Коронский (ныне Мессенский) залив». В законченном виде, продолжает Байрон, рассказ должен был заключать в себе «историю невольницы, брошенной, по мусульманскому обычаю, в море за неверность, за которую мстит молодой венецианец, ее возлюбленный. Событие. это отнесено к тому времени, когда Семь Островов³⁵ были под властью Венеции и вскоре после того, как арнауты были прогнаны из Мореи, которую они опустошили несколько времени спустя после вторжения русских. Отпадение майнотов после того, как им не позволили разграбить Мистру (Мизитру), помешало предприятию русских и привело к разграблению Мореи, во время которого жестокость, проявленная всеми, была беспримерной даже в летописях правоверных³⁶.

«Отпадение майнотов после того, как им не позволили разграбить Мизитру, помешало предприятию русских...», — пишет английский поэт. Действительно, попытки русских офицеров остановить жестокости и грабежи приводили к ссорам предводителей повстанцев с Орловым. Жестокости греков к пленным и гражданскому населению значительно осложнили последующие действия союзников в Морее, вынудив турок к упорному сопротивлению. И хотя, воодушевленные успехом Баркова, в его лагерь стали стекаться греки и к концу марта численность восточного легиона возросла до 8 тысяч человек³⁷, успехи сменились неудачами.

29 марта (9 апреля) в районе Триполицы в Аркадии совместный отряд из около 600 русских и более 7 тысяч греческих повстанцев потерпел поражение от турок, потеряв около 2000 человек, и вы-

³⁵ Семь Островов... Острова Корфу, Левкас, Кефалония, Закинф и др. в Ионическом море принадлежали Венеции с начала XIII в. до 1797 г.

³⁶ *Байрон Дж. Гяур. Предисловие.* (Перевод С. Ильина). Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 3. М., 1981.

³⁷ *Арш Г.Л. Греция: Торговля. Просвещение. Война 1768–1774 гг. Восстание в Морее // История Балкан: Век восемнадцатый.* М., 2004. С. 422–445.

нужден был отойти к Мистре, а вскоре оставить и ее. После ухода русских войск город был захвачен и разорен албанскими отрядами. Повстанцы, несмотря на их многочисленность, были слабо организованы и плохо вооружены, они нуждались в опытных инструкторах и контингентах регулярных русских войск. К тому же имевшиеся небольшие по численности десантные войска использовались неправильно. Вместо того чтобы подкрепить греческие силы, действовавшие во внутренних районах Мореи, они, вместе с наиболее боеспособными из греков — маниотами, — безуспешно осаждали турецкие крепости на юге полуострова.

Революционер из северной Греции

Пелопоннесское восстание потерпело поражение, дальнейшие военные действия велись уже на море. Остатки двух легионов присоединились к российским морским силам в качестве моряков, участвуя в операциях в Эгейском море и в восточном Средиземноморье. Два лидера этих добровольцев являлись представителями основных маниотских кланов — Стефан Мавромихали и Димитрий Григораки, оба были возведены в ранг майора.

Повстанцы во главе с Мавромихали способствовали победам русского флота в Архипелаге, за что он был награжден Екатериной II Большой золотой медалью. «Во все это время Спартанские легионы служили без всякого жалованья, — пишет С.В. Сафонов³⁸, — но неоднократно давали убежище и оказывали гостеприимство русским войскам в собственных домах и убежищах своих.

³⁸ С.В. Сафонов (1808–1862) — тайный советник, сенатор, личный секретарь, а затем директор гражданской канцелярии М.С. Воронцова в бытность его кавказским наместником, писатель, историк и общественный деятель. Действительный член Императорского Одесского общества истории и древностей, издававшего с 1844 по 1919 гг. «Записки», сокращенно ЗООИД, всего 33 тома, в которых представлен богатейший материал по истории южной России.

Веда, однако-же, такую упорную борьбу против врагов, разорвав с властелинами своими все связи подчинения и покорности, греки должны были думать о будущности, думать о том, что ожидало их семейства по окончании войны»³⁹.

По заключении Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.), на основе которого Крымское ханство было объявлено независимым от Османской империи, но ни слова не было сказано о Греции, за свободу которой так храбро сражались архипелажцы, принимавшие участие практически во всех сражениях русских с турками, они обратились к Орлову с «единодушным прошением». В своем ответе от 2 сентября 1774 г. Орлов обратился ко всему албанскому войску с воззванием, в котором именем императрицы обещает всем, кто пожелает переселиться в Россию, убежище, чины, воинские почести и жалованье.

Получив эти заверения от Орлова-Чесменского, греки в 1775 г. отправили к императрице депутацию, возглавляемую капитаном Мавромихали, который «во время войны сражался с собственными его спартанскими легионами без всякого жалованья, получил золотую медаль за атаку и взятие Наварина, и отличался примерным мужеством, неустрашимостью, щедростью и неограниченным доверием и любовью к нему всех его соотечественников»⁴⁰. Депутация была принята «благосклонно и с особенным вниманием». Итогом встречи стал «Высочайший рескрипт», данный на имя графа Орлова за подписью Екатерина II от 28 марта 1775 г. В документе отмечалось, что служба греков в российском флоте вызывала уважение, а своими подвигами они прославили Россию. Императрица разрешила грекам, которые служили на флоте под руководством графа Орлова, поселиться в Керчи и Еникале и в Таганроге с предоставлением им особых льгот и приказала отправить их в Россию за казенные средства и на российских кораблях. Отдельные положения документа касались условий несения греками военной службы по охране границ Российской империи.

Это положило начало переселению в Российскую империю греков — военнотружущих «Греческого» или как их еще называли «Албанского» войска, прославившихся в боях под Чесмой, Наварином и в других сражениях. Среди них были выходцы из Пелопоннеса, Эпира, Македонии, Крита, различных островов Эгейского и Ионического морей, объединенные командиром Стефаном Мавро-

³⁹ Сафонов С. Указ. соч. С. 209.

⁴⁰ Там же. С. 211.

михали в «спартанские легионы». Прибывшие на российских кораблях греки и члены их семей (около 1500 человек) вначале были размещены в Керчи, Еникале и Таганроге.

Массовый исход начался в 1775 г., после того, как Мавромихали осмотрел выделявшиеся им земли в Керчи, Еникале (Ениколь) и в Азовской губернии. Решение покинуть родину давалось нелегко, да и сам процесс переселения в необжитые или разоренные войной земли был труден. Однако под угрозой турецких репрессий повстанцам и их семьям пришлось покинуть Грецию. В текст Кючук-Кайнарджийского мирного договора между Россией и Османской империей, заключенного 10 (21) июля 1774 г. и завершившего Русско-турецкую войну, была включена особая 17-я статья, на основе которой правительство султана должно было амнистировать греческих повстанцев и освободить греческое население на два года от любых налогов. Порта обязывалась разрешить свободный выезд с имуществом тем жителям, которые пожелают оставить Османскую империю на протяжении года со дня подписания договора.

Тем временем, хотя, согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, была объявлена независимость Крыма от Турции, последняя не оставляла надежд взять реванш. Опираясь на враждебную России татарскую знать, турки возмущали татар, засылали под видом мусульманских проповедников своих агентов, подстрекавших к мятежу. Кроме того, не прекращались провокации со стороны турецкого флота. В результате в 1777–1778 гг. произошел открытый мятеж крымских татар, в усмирении которого особую роль сыграли недавно переселившиеся греки. Учитывая их богатый опыт ведения боевых действий в горах и на побережье, российское командование зимой 1776–1777 гг. направило это военное формирование для сражения с турецким десантом и восставшими мусульманами в горных районах полуострова. К тому же, как говорилось в донесениях, оно действовало в Керченском уезде, при покорении городов Кафы и Судака, занятых турецкими войсками.

В аттестате генерал-поручика, командующего войсками, расположенными по левую сторону Днепра, в Крыму и на Кубани, Платона Прозоровского⁴¹ сообщалось, что во время мятежа с декабря 1777 по март 1778 гг. «войско Албанское взято мною из Еникалы и употреблено

⁴¹ Судя по всему, речь идет об А.А. Прозоровском (1732–1809), князе, генерал-поручике, командовавшем корпусом войск в Крыму и на Кубани, которого в начале 1778 г. сменил А.В. Суворов. См. прим. 49.

по сродности их в горы... во всех сражениях с татарами дрались от высшего до нижнего с отменной храбростью, поражали всюду неприятеля и доказывали при всяком случае ревностное к Высочайшей службе усердие». Храбрость албанского воинства отмечалась непосредственным участником боевых действий генерал-майором Павлом Потемкиным⁴² в аттестате, завершавшемся словами: «Я сие свидетельство даю сему храброму войску тем охотнее, чем ближе был я очевидным свидетелем мужества его, и чем оно достойнее одобрения и похвал, ибо невозможно иметь более мужества и усердия к службе, колико (сколь) оно войско изъявило. Апреля 1 дня 1778 года»⁴³.

При этом следует отметить, что прибывшие в Крым греки-военнослужащие, вооруженные вековым опытом партизанской войны с османами, «войны без правил», со всеми ее средневековыми ужасами с обеих сторон, с особой жестокостью подавили выступления крымских татар и турок. Причем, во время этих военных действий пострадали и греки-старожилы, населявшие горные села. Кровь, которая пролилась с обеих сторон, стала причиной недоверчивого, а порой и враждебного отношения нескольких поколений крымских татар и урумов к этой группе греков-новопоселенцев. Это стало одной из важных причин усиленной эмиграции местного населения непосредственно после присоединения Крыма к России.

Этого вопроса касается в своих «Мемуарах» граф Олизар⁴⁴, один из ранних владельцев поместья в Крыму. Помимо земельных споров, пишет он, «другого рода тягостью для туземцев было учреждение Балаклавского греческого батальона, коему поручена охрана морского берега. Греки привнесли сюда из своего отечества сильный антимусульманский фанатизм и стали, благодаря ему, столь неудобными соседями для татар, что те, в значительном количестве случаев предпочитали удалиться. Понемногу южный берег очистился от прежних жителей и начал заселяться новыми»⁴⁵. «Антимусульманский

⁴² Павел Сергеевич Потемкин (1743–1796), граф, русский военный и государственный деятель из рода Потемкиных, участник Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

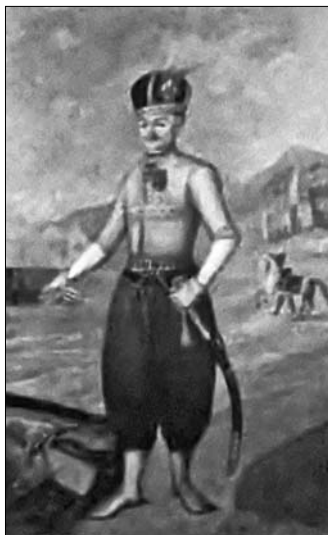
⁴³ Цит. по: Сафонов С. Указ. соч. С. 218.

⁴⁴ Олизар (1798–1865), граф, польский поэт, публицист, мемуарист, общественный деятель. С 1821 по 1824 гг. — киевский губернский предводитель дворянства. Подозревался в связях с декабристами, был связан с польскими патриотическими кругами. Знакомый А.С. Пушкина. После неудачного сватовства к Марии Раевской приобрел в Крыму близ Аю-Дага имение, названное им Кардиатрикон (Утешение сердца) и некоторое время жил в нем.

⁴⁵ Мемуары графа Олизара // Русский вестник. 1893. Август. С. 110.

фанатизм» был выношен маниотами за века притеснений и жестокостей, в ходе чего они уподобились своим врагам — туркам⁴⁶.

Наконец, следует отметить еще одно обстоятельство, осложнявшее отношения греков-новопоселенцев с местным населением. Как отмечалось выше, греки-майноты и у себя на родине не испытывали уважения к остальным соотечественникам, обвиняя их в «рабологии» и «трусости» по отношению к поработителям-османам. Примерно так же отнеслись они к грекам-старожилам и татарам, не делая особых различий между ними. О весьма любопытных обстоятельствах заселения Балаклавы и окрестностей читаем у Кондараки⁴⁷:

Мавромихали — портрет

«Греки начали бесцеремонно похищать у татар и караимов дочерей и, женившись на них, упрочили свое племя»⁴⁸. А.В. Суворов⁴⁹ также принял участие в судьбе греков-переселенцев новой волны. В письме от 4—8 августа 1778 г. П.И. Турчанинову⁵⁰, он писал: «Бога ради, осемьяните албанцев, или, наконец, они вымрут, как древле-мекленбургская армия⁵¹. На ком им здесь женитца? Одна синица

⁴⁶ Образ «арнаута» или «грека-людоеда» прочно вошел в татарский песенный устный фольклор.

⁴⁷ Василий Христофорович Кондараки (1834—1866) — видный краевед, историк и этнограф Крыма второй половины XIX в.

⁴⁸ *Кондараки В.Х.* Указ. соч. С. 78.

⁴⁹ В марте 1778 г. Суворова назначают командующим войск не только Кубани, но и всего Крыма. Он предпринимает ряд мер, способствующих интеграции южных территорий в состав России, а также защите новых границ от вторжения, для чего оборудовал прибрежную линию постами, разместив на них русские гарнизоны и вооружение.

⁵⁰ П.И. Турчанинов (1746—1823), генерал-поручик, в 1778 г. правитель канцелярии Г.А. Потемкина; в 1791—1793 гг. кабинет-секретарь императрицы Екатерины II. Член Российской академии (1783).

⁵¹ Среди греков почти не было женщин, и Суворов, заботясь об их судьбе, ссылается на трагическую судьбу армии герцога Карла Леопольда Мекленбург-Шверинского, набранную им для борьбы со своими вышедшими из повиновения подданными. После поражения герцог

моря не зажжет. Они храбры, их немного; переселите их, пусть они плодятся, им же с Николаем Володимировичем очень скушно»⁵².

3 августа 1779 г. Екатерина II подписала указ о формировании из Албанского войска Греческого пехотного полка, на чем настаивал Потемкин. В его состав вошли восемь рот, названия которых — Афинская, Македонская, Спартанская, Коринфская, Эпирская и др. — напоминали о Древней Элладе. Основным заданием военнослужащих была охрана черноморского побережья от Севастополя до Феодосии. Формирование полка происходило в Таганроге и продолжалось на протяжении четырех лет, с конца 1779 г. по 1783 г. Если в конце 1779 г. в его списках было чуть больше тысячи воинов, то к завершению комплектования его численность составляла 850 человек, сократившись за счет естественной убыли. В этом составе полк прибыл в Керчь, в разгар событий, связанных с отречением от престола крымского хана Шагин-Гирея в пользу России.

8 апреля 1783 г. Манифестом Екатерины II Крым был присоединен к Российской империи. Вскоре последовало официальное признание этого факта со стороны Оттоманской Порты. Корабли Черноморского флота вошли в Ахтиарскую бухту, давно уже намеченную Потемкиным для строительства военно-морской базы; началось строительство Севастополя. 2 февраля 1784 г. была учреждена Таврическая область под управлением князя Г.А. Потемкина, возведенного в чин генерал-фельдмаршала. Высочайшим повелением от 18 февраля 1784 г. правителю Таврической области было предписано «Балаклаву исправя, как она есть, содержать ее поселенным тут греческим войском».

Переведенный в Балаклаву 3 августа 1784 г. полк получил название Балаклавского греческого дивизиона. Полк получил задачу: нести пограничную службу от Севастополя до Феодосии и, в случае войны, оказывать поддержку флоту десантными отрядами и абордажными командами, нести надзор за порядком на полуо-

просил Петра I разрешить расквартировать армию на Украине. Петр уважил своего родственника (женатого на его племяннице Екатерине Иоанновне), и в 1720 г. армия оказалась на Украине. Брошенные на произвол судьбы солдаты бедствовали и, чтобы не умереть с голода, занимались на полевые работы. Через несколько лет мекленбургская армия перестала существовать.

⁵² Суворов А.В. Письма. Изд. А.В.Лопатина. М., 1986. С. 45. Примечания к письму приводятся по тому же изданию. Комендантом крепости Еникале, где проживали «албанцы», был генерал-майор Николай Владимирович Борзов (1729–?).

строве. В окрестностях Балаклавы грекам были выделены земли близ деревень Камары, Кады-Кой, Карань, Лака (находилась южнее Тепе-Кермена) и Керменчик (маленькая крепость) — между реками Бельбек и Кача, а также в Аутке, Алсу и в других местах (современные пригороды Балаклавы, с. Оборонное, с. Чернореченское и прилегающая округа). Указом Екатерины II в городе запрещалось иметь недвижимость лицам, не имеющим отношение к дивизиону. Согласно приказу Потемкина командир получил 240 десятин земли, офицеры — по 60 десятин, нижние чины — по 20 десятин земли; даровались грекам в пожизненное пользование, и они освобождались от обязательных податей⁵³.

В сложившейся обстановке необходимо было обезопасить морское побережье Крыма от возможной высадки турецкого десанта или очередных выступлений татар. Малоизвестная местность, горные леса и отсутствие дорог весьма способствовали развитию партизанской войны. По этой причине в Крыму было необходимо держать не столько регулярные части, сколько отряды подвижные, готовые к ведению действий небольшими группами в условиях горной местности. Вместе с тем Потемкин не оставлял попыток осуществить план реорганизации греческого войска, по которому на его основе создавался бы Греческий пехотный полк в составе регулярных войск. Однако план Потемкина имел много противников, и долго откладывался.

После смерти в 1796 г. Екатерины II и воцарения Павла I, 30 января 1797 г. императорским указом полк был переведен в ведомство военной коллегии под названием Балаклавского греческого батальона, основав его на положении донских казаков и в зависимости от гражданского суда. Тем же указом было велено вооружить их по их обряду и обмундировать цветом красным и зеленым «по их обычаю»⁵⁴. Солдаты батальона были одеты в красные рубахи, зеленые куртки, украшенные шитьем золоченой нитью, на головах красовались красные островерхие шапки, каждый из них был вооружен шашкой и ружьем. Балаклавский греческий батальон просуществовал вплоть до окончания Крымской войны, и в 1859 г. был упразднен.

Вклад «спартанцев» в историю освоения Крыма неоценим. Нет, пожалуй, ни одного события в ней, в котором они бы ни принимали деятельного участия: здесь и высадка десанта, и карантинная служба, и охрана границы, и подавление татарских мятежей и т. д.

⁵³ Сафонов С. Указ. соч. С. 221.

⁵⁴ Там же. С. 224.

Но, не менее важна и другая сторона их деятельности: оживление и обновление мест расселения греков-христиан, восстановление и строительство церквей.

А. Бертье-Делагард сетовал, что столь яркая, полная приключений и проявлений героизма страница Русско-турецких войн не нашла своего историка, не записаны воспоминания участников. Его путешествие в «крымскую глушь» имело целью собрать уцелевшие остатки воспоминаний о героическом прошлом архипелажцев. «Меня всегда удивляло, — продолжал исследователь, — отчего никто из них не возьмется собрать в одно место все семейные рассказы, все воспоминания, все похождения, даже все легенды этих мнимых «албанцев». Не думаю, чтобы нашелся роман с большим подъемом чувств, с большим драматизмом и разнообразием..., громады кораблей блестящего Орлова, эпические бои, где дрались лицом к лицу, грудь с грудью (так в тексте. — Т.Ф.), Наварин, Корон, Хио, Метелино и многие другие, да и самая Чесма; надежда на уничтожение векового врага, грезы о независимости, свободе веры и родины; потом нежданный мир, необходимость удаления в далекую, чужую страну... Это было бы лучшим памятником всем этим безвестным борцам за веру и родину».

Устные воспоминания держались два-три поколения, но потомки этих греков расселились по лицу земли русской. И здесь оказалось, что память о них сохранилась не в писаниях, а в восстановленных и вновь построенных церквях на крымских землях, которые они считали искони православными. Именно это отметил в завершение своего повествования Бертье-Делагард: «Значительность населения Керменчика еще лучше доказывается обилием церквей. В его окрестностях и теперь известны развалины одиннадцати церквей; девяти сохранились и названия: Троицы, Космы и Дамиана, Феодора Тирона, Феодора Стратилата, Успения Богородицы, Евфимия, Иоанна Предтечи и Максима. Конечно, все это маленькие церковки, от которых большею частью сохранились только едва приметные развалины; но все же я не знаю в Крыму нигде ничего даже и близко подобного. Если прибавить три церкви в Лаке, то на пространстве не более четырех верст окажется четырнадцать церквей»⁵⁵.

⁵⁵ Бертье-Делагард А.Л. Указ. соч. С. 34.

Ю.Д. Пряхин
(Санкт-Петербург)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЯВЛЕНИЯ В КРЫМУ ГРЕЧЕСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА, ЕГО РАЗМЕЩЕНИЯ В БАЛАКЛАВЕ, СЛУЖБЫ ВОИНОВ-ГРЕКОВ

До сих пор в истории переселения в Керчь-Еникале в 1775 г. Албанского (Греческого) войска после завершения Русско-турецкой войны 1768-1774 гг., формирования из его состава Греческого пехотного полка, размещения его в Балаклаве, а также в вопросах организации повседневной и боевой деятельности воинов-греков, на наш взгляд, все еще немало белых пятен, неопубликованных документов, забытых подробностей и деталей. Это, несомненно, являет собой не до конца изученный исторический пласт, способный и сегодня вызывать немалый интерес у серьезных исследователей, любителей истории, как в России, так и на Украине и в Греции.

Хорошо известно, что греки-повстанцы проявляли храбрость и упорство, участвуя в большинстве морских и сухопутных сражений на Средиземноморье, в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Отличились во взятии турецких приморских крепостей в Мореи, в освобождении островов Архипелага, в захвате турецких торговых судов, в знаменитом Чесменском сражении, полностью уничтожившего турецкий флот в Эгейском море, и в других сражениях войны. За свои боевые заслуги они щедро поощрялись командованием, Высочайше награждались: получали офицерские чины, российские ордена и медали, денежные поощрения¹.

После заключения в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мира все острова Греческого архипелага, в том числе и те из них, жители которых приняли российское подданство (это около 20 островов. — Ю.П.), были возвращены Оттоманской Порте. При этом Порта официально приняла российские условия: «не мстить жителям, не стеснять христианского вероисповедования, не взыскивать повинности за время их пребывания под властью России (в российском подданстве. — Ю. П.), позволить желающим переселиться в другие

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 216, Л. 3; Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 227. Оп. 1. Д. 30. ЛЛ. 101–102.

места»². Однако русское командование в Средиземноморском регионе понимало, что репрессии против бывших повстанцев-христиан под прикрытием надуманных поводов неминуемы.

Во всей остроте встал вопрос о судьбе бойцов «Албанского (Греческого) войска» и их семей, а также жителей Архипелага — активных участников борьбы с турками.

Наряду с этим, и сами греки справедливо предполагали, что после ухода российского флота из Архипелага их неминуемо ждет мщение со стороны турок, жестокие репрессии. Поэтому, с целью сохранения своих жизней и семей они готовы были покинуть родные места, бросить нажитое имущество, свои дома и уйти на российских кораблях к единоверцам, в новые места жительства, под защиту и покровительство России, стать беженцами-переселенцами.

Следует заметить, что опасения греков-христиан вскоре полностью подтвердились. Многие из оставшихся на месте жителей островов, особенно из числа воевавших против турок, сотрудничавших с российскими моряками, принявших российское подданство, подверглись жестокому преследованию: были осуждены, лишались имущества, земель, своих домов, свободы, нередко и самой жизни. И такие явления были повсеместны, несмотря на прежние официальные заверения турецких властей.

Представляет несомненный интерес условия, на которых греки решились покинуть Родину, переписка, связанная с подготовкой и вывозом в Крым греков на кораблях российского флота.

26 декабря 1774 г. граф А.Г. Орлов-Чесменский информирует императрицу из Пизы о начале переговоров с турецкими властями «о скорейшем пропуске наших судов» в Черное море, о своих действиях по переселению архипелагских греков и их семей в Крым. В своем письме А. Орлов сообщает Екатерине II «приказано от меня вице-адмиралу Елманову всех желающих переселиться под покровительство Вашего Императорского Высочества сажать на суда, сколько поместиться может, и отсылать их в завоеванные места, принадлежащие Вашему Императорскому Величеству, снабдя при этом довольным числом провианта и письмами к начальникам тех мест, чтобы оные приняты были как подданные российские, и я надеюсь, Всемилостивейшая Государыня, что со временем многие переселятся во оную страну, а более всего будет зависеть от начала, когда первым удастся»³.

² Записки гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1849. Ч. VII. С. 391.

³ Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. 12. С. 250–252.

Весной 1775 г. Екатерина II подчеркнуто благосклонно и с «особым вниманием» принимает депутацию греков во главе с майором Константином Георгия и капитаном Стефаном Мавромихали. На имя графа А.Г. Орлова-Чесменского следует Высочайший рескрипт от 28 марта 1775 г., дававший переселенцам значительные льготы и преимущества. Так, грекам-переселенцам было обещано: обеспечить «в Отечестве нашем прочное и полезнейшее со всем семейством их пристанище»; учредить в Керчь-Еникале «свободный и вольный в тех местах порт»; строительство за счет казны домов и храмов. А также освобождение от уплаты налогов на 30 лет, от постоев и содержания почты в мирное время. Обещано также создание казенного госпиталя и аптеки «для сохранения здоровья», с «потребным числом медицинских служителей» и многое другое⁴.

Вскоре грекам-воинам были официально доведены и разъяснены установленные переселенцам льготы, «сделано объявление, ежели хотят ехать в Крым с женами и их родом, то для отвозу их суда с провиантом готовы»⁵.

Раскрывает, уточняет детали подготовки и осуществления этой необычной морской операции переписка и действия флотского командования, отраженные в архивных документах. Так, в своем письме от 23 марта 1775 г. вице-адмирал А.В. Елманов, сменивший адмирала Г.А. Спиридова на посту командующего Архипелагской экспедицией, информирует вице-адмирала А.Н. Сенявина, находившегося в Керчи, что «граф Алексей Григорьевич Орлов препоруча мне управление в Архипелаге флота и распоряжение дел, прошлого 1774 года, августа от 9, повелеть соизволил, чтоб из греков и албанцев, которые пожелают в Россию, забирать на корабли больше молодых и прочных к службе или поселению, а обнадеживаниев им более никаких не давать, как только следующие:

1. Что они все, как единовѣрные с нами не будут оставлены, и никогда не укреплены навсегда, имея свою вольность;
2. Желающие поселиться, будут все выгоды иметь равно с российскими;
3. Буде пожелают в службу, тогда будут приниманы;
4. Ежели кому, как в службе, так и в России не захочется остаться, таковые будут отпускаемы по их желаниям»⁶.

⁴ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2713. ЛЛ. 3–5; Ф. 383. Оп. 29. Д. 947. ЛЛ. 11–13.

⁵ Материалы для истории русского флота. С. 301.

⁶ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 413. Л. 61.

Даже ознакомившись позднее с содержанием рескрипта Екатерины II от 28 марта 1775 г., предоставившим в 21-ом пункте более значительные льготы и привилегии переселенцам-воинам, чем это объявлялось прежде флотским командованием, многие греки все же сомневались, мучительно колебались. Весьма болезненным и трудным было расставание с Родиной, с родными и близкими, с привычным укладом и образом жизни. Все это задерживало уход боевых кораблей Архипелагской экспедиции на Балтику, в Россию в соответствии с условиями мирного договора, с определенными им сроками.

В накалившейся до предела обстановке, весьма твердо и категорично звучал приказ главнокомандующего графа А. Орлова вице-адмиралу А.В. Елманову передать грекам: «буде ехать хотят, так ехали б, а из того буде поупрямятся, оставить им на волю и распустить всех несмотря уж ни на что», а самому с эскадрой «нимало не мешкая выходить из Архипелага»⁷. Только тогда, отбросив последние колебания, многие греки поспешили на давно готовые к выходу корабли, получив установленное им довольствие, денежное жалованье, а «сверх того и впредь на два месяца».

Весьма сложным для флотского командования, направившего для этих целей в Константинополь «бригадира-флота капитана Борисова», оказалось получение согласия Османской Порты на проход через проливы российских военных кораблей с греческими переселенцами на борту, ибо это расценивалось Портою как серьезное государственное унижение, как одностороннее действие, не оговоренное условиями мирного договора⁸.

Об этом можно судить в частности из письма российского поверенного в делах в Константинополе полковника Петерсона, направленного в Архипелаг на имя вице-адмирала А. Елманова, а также из реляции генерал-фельдмаршала графа А.А. Румянцева Екатерине II.

В письме к адмиралу Елманову, полковник Петерсон просил неукоснительно исполнять оговоренные и согласованные дипломатами просьбы турецких властей и тем избавить их «от поношения и стыда видеть подданных своих во время, как еще ненависть от войны не простыла, пред глазами Государя и в виду всей нации проезжающих чрез самую столицу, для поселения в чужой земле, а как сего в Трактате нет, то Порта, хотя и не согласна о таковом пропуске подданных

⁷ Материалы для истории русского флота. С. 301.

⁸ РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 3. Л. 286.

ея, но не будет же со сторону ея и воспрещения, токмо бы то было не поносительным для нея образом исполнено»⁹.

Таким образом, турецкие власти прямо ставили вопрос о маскировке прохода русских военных кораблей и провоза на них своих подданных в Черное море, для поселения их в Крыму. Указанные и другие просьбы Оттоманской Порты в целом были удовлетворены. В результате активных переговоров, все детали прохода российских кораблей через проливы были согласованы. Это позволило российскому командованию, уже в марте 1775 г., отправить в Керчь два первых боевых корабля с 270-ю переселенцами: фрегаты «Почталъон» и «Архипелаг», замаскированных под купеческие суда. А в мае, значительно задержав выход всего флота на Балтику, ушли еще одиннадцать кораблей с беженцами, также замаскированные под купеческие суда под конвоем фрегата «Африка». Охранял суда в Эгейском море и обеспечивал проход проливов еще один корабль, фрегат «Наталия»¹⁰. Выполнив поставленную им задачу, фрегаты возвратились к эскадре, убывавшей на Балтику, к российским берегам.

Среди командиров замаскированных боевых кораблей, осуществлявших переход в Керчь с беженцами на борту, были и греки. Так, например, фрегатом «Святой Николай» командовал Георгий Карандино, а фрегатом «Победа» Николай Кумани, впоследствии отважный командир линейного корабля во флоте адмирала Ф.Ф. Ушакова, участник многих победных морских сражений, контр-адмирал российского флота¹¹.

По архивным данным в Керчь в целом благополучно, хотя и не без происшествий, прибыло свыше двух тысяч человек.

В то время плавание на парусных кораблях из Эгейского в Черное море, особенно в район Керченского пролива, считалось достаточно продолжительным, трудным и опасным, что и подтвердилось в ходе перехода судов с переселенцами в порт назначения — Керчь.

Так, например, одиннадцать судов с беженцами были вынуждены сделать незапланированную остановку у острова Тенедос из-за обнаружения сильной течи у некоторых транспортов, «оказались оные суда гнилыми». Казалось бы безвыходную обстановку сумел разрядить греческий судовладелец и капитан Иероним Витали, волонтер на русской военно-морской службе, лейтенант флота, возвратившийся после выполнения заданий командования из Константи-

⁹ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 413. Л. 61; РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 3. Л. 286.

¹⁰ РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 3. Л. 286.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 7. Д. 12. ЛЛ. 195–196; Д. 30. ЛЛ. 941–945.

нополя и нашедший стоянку российских кораблей. С целью спасения соотечественников Иероним Витали совершает благороднейший поступок. Он безвозмездно передает свое судно в распоряжение россиян, «...принужден я, — пишет он об этом Екатерине II в своем прошении в 1776 г., — с тех судов людей и экипаж перегрузить на свое судно, дабы она эскадра не могла потерять своего времени, отправил в Черное море»¹². Сам же лейтенант И. Витали перешел на фрегат «Африка» и на нем прибыл на Балтику, в российские порты.

Черное море встретило суда с переселенцами сурово. Пришлось им испытать и штормовой ветер, и огромные волны, и изнурительную качку, а некоторым и кораблекрушение. Так, фрегат «Победа» под командованием Николая Кумани, опытнейшего моряка, проверенного в морских походах и сражениях капитана, в Черном море на переходе Константинополь-Керчь был застигнут сильным штормом, долго боролся со стихией, потерял такелаж и 6 сентября 1775 г. сел на мель и был сильно разбит волнами у Балаклавы. Благодаря умелым и отважным действиям капитана фрегата Н. Кумани и его экипажа удалось спасти всех пассажиров, «которых и привез в Еникаль благополучно» опытный флотский командир-грек¹³.

Задолго до прибытия переселенцев Керчь-Еникальским местным военным властям было строжайше предписано: «равномерно принимать, поступать по предписаниям..., дабы служащие не имели в провианте и в квартирах нужды, а вольнопоселяющимся фамилиям, которые объявят купечество, хлебопашество или же ремесло и художество, дать места и, на первый случай квартиры, которые непременно им будут нужны...»¹⁴

Однако, реальная обстановка оказалась намного сложнее, и не было возможности все делать так, как было заранее предписано.

В своих рапортах командованию от 21 и 30 мая 1775 г. полковник Ступишин сообщает о прибытии и размещении в крепости Еникале первой партии переселенцев. Керченская крепость, весьма обветшавшая, частично полуразрушенная, характеризовалась мало надежной в военном отношении. «...замок, так и стены крепости весьма в ветхом состоянии и нападения всегдашнего ожидать надлежит», — объяснял свое решение князю Г. Потемкину полковник Ступишин¹⁵.

¹² Там же. Ф. 212. Оп. 4. Д. 74. ЛЛ. 195–196.

¹³ Там же. Ф. 406. Оп. 7. Д. 30. Л. 941; Ф. 172. Оп. 1. Д. 413. ЛЛ. 141–144.

¹⁴ Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). Симферополь. 1907. №41. С. 15; РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 413. Л. 62.

¹⁵ Российский государственный Военно-исторический архив (РГ ВИА). Ф. 52. Оп. 1. Д. 110. Л. 72.

Действительно, только более надежные еникальские крепостные стены могли дать приют и защитить, прибывших 18 мая 1775 г. в порт Керчь на фрегатах «Архипелаг» и «Почталъон» 270 переселенцев: майора — Георгия Дуси; трех капитанов: Анастасия Метакса, Яниса Посполитаки, Сидорса Пени; четырех поручиков, девяти прапорщиков (знаменосцев), 30-ти десятников, 143-х рядовых. Всего 190 воинов. А также прибывших с ними «жен и родственников мужского пола 20, женского пола 60» человек¹⁶.

По мере постепенного подхода остальных кораблей с переселенцами самыми острыми стали проблемы обеспечения жильем, топливом и продовольствием прибывших людей. Разрушенные турками при уходе, разграбленные татарами жилые дома использовать без серьезного ремонта было невозможно. На это обстоятельство в один голос постоянно указывали в своих донесениях воинские начальники всех рангов, настаивая на организации доставки строительных материалов, топлива и дополнительного продовольствия, выделения необходимых денежных средств, для осуществления ремонтных и строительных работ, укрепления крепостей, налаживания жизни переселенцев в соответствии с пунктами Высочайшего рескрипта.

Еще в декабре 1774 г. командующей 2-й российской армией в Крыму князь В.М. Долгорукий, анализируя обстановку в Керчи-Еникале, докладывал Г.А. Потемкину: «...ежели какое заведение по укреплению Керчи и Яниколя располагать изволите, то наверное и люди и материалы неотменно туда доставлены быть должны, поелику нет там ни бревна ни доски...»¹⁷.

Командование стремилось наладить коммуникации, по которым бы в обе крепости поступал лес, топливо, продовольствие, боеприпасы, воинская амуниция, медикаменты и другое имущество, необходимое для российских гарнизонов, а затем и для прибывших переселенцев, но сделать это было чрезвычайно сложно.

Трудности доставки грузов сухопутным путем через территорию Крыма объяснялись сложностью обстановки на полуострове: недоброжелательностью татарского населения, разжигаемого сторонниками Оттоманской Порты, агентами турецких властей, мусульманским духовенством, соперничавшими группировками, боровшимися за власть и другими обстоятельствами. Все это провоцировало нападения на российские транспортные караваны, «разбойнические

¹⁶ РГА ВМФ. Ф.172. Оп. 1. Д. 413. Л. 66.

¹⁷ ИТУАК. Симферополь. 1914. № 51. С. 44–45.

нападения на проезжающих», несмотря на то, и это видно из докладов керченского командования, что «везены оныя были на наемных татарских повозках», как того требовали подписанные соглашения с крымским ханством, и двигались они «со специальными татарскими провожатыми и ханской охраной»¹⁸.

В конечном счете, все это предопределило необходимость налаживания морских перевозок от Петровской крепости и Таганрога, что также было непростым, весьма дорогостоящим делом; потребовало выделения специальных сил и дополнительных средств¹⁹.

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на Высочайшие повеления, Керчь и Еникале не сумели в полной мере подготовить к приему переселенцев-греков и к содержанию потребного количества российских войск. Это вызвало целый ряд серьезных трудностей в обустройстве и жизнеобеспечении прибывших, недовольство многих греков, посчитавших себя обманутыми, жалоб в адрес князя Г.А. Потемкина, императрицы. Стихийным проявлением недовольства греков стали побеги из Керчи и Еникале уже летом 1776 г. и образование, с вынужденного согласия властей, греческих поселений в Збурьевском ретраншаменте и в Кинбурне²⁰. Вместе с тем, все желающие могли переселиться в Таганрог и размещались в зданиях, где прежде был расквартирован казачий полк.

Часть самовольно покинувших Керчь-Еникале сумели добраться до Кефе и Козлова, сели на купеческие корабли и отправились в Варну и Константинополь «искать у Порты прощенья, кои все там и погибли»²¹.

Оценив сложившуюся обстановку, военный губернатор Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний князь Г.А. Потемкин 9 июля 1776 г. обратился к Екатерине II с просьбой увеличить ассигнования на нужды греков. В своем письме он пишет императрице: «... приемлю смелость поднести Высочайшему рассмотрению краткую ведомость о потребной для них по настоящему числу людей сумме, как ежегодному отпуску, так и единовременному на построение всех нужных зданий». Следует заметить, что выделение средств, просимых Г.А. Потемкиным, было императрицей утверждено. С 1776 г. на нужды греческих переселенцев, размещенных в Керчь-Еникале, Таганроге стало выделяться ежегодно не 50, а 72 ты-

¹⁸ Там же. С. 17,46.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 39. ЛЛ. 38, 44.

²⁰ РГ ВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 106. Ч. 2. ЛЛ. 17–19, 21.

²¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 927. Л. 36.

сячи рублей. Кроме того единовременно было отпущено еще 64 тысячи на строительство необходимых зданий и сооружений²².

Все это значительно облегчило материальное положение греков и сняло многие проблемы переселенцев, ускорило их обустройство в местах нового жительства. 2 августа 1776 г. губернатор-князь Г.А. Потемкин своим ордером требует от местных властей «...устремить все силы и возможности к успокоению в пределах Ея Императорского Величества сих прославленных воинов, доставлением им наилучших к жизни выгод...», то есть добиться безусловного выполнения Высочайшего рескрипта от 28 марта 1775 г.

Вскоре грекам-воинам, сохранившим свою военную структуру и ее боеготовность, представилась возможность на деле продемонстрировать свою преданность российскому престолу, свои боевые качества. В конце 1777 — начале 1778 гг. «до 600 человек, из числа оставшихся к тому времени в Еникале», приняли участие в подавлении антироссийского бунта татар. Их действия в ходе подавления мятежа, были высоко оценены командованием: «...невозможно иметь более мужества, отважности и усердия к службе, — отмечал генерал-майор П.С. Потемкин, — колико оное войско изъявило»²³. Боевые качества греков произвели впечатление и были оценены. Особо отличившиеся в боях были поощрены вице-президентом Военной коллегии князем Г. Потемкиным, отмечены также и Высочайшими наградами. Вместе с тем, было решено из воинов Албанского (Греческого) войска, оказавшего «так много услуг» и «ревностное к Высочайшей службе усердие», создать воинскую часть, соответствующую принятым в империи армейским структурам и положениям, требованиям воинских уставов.

3 августа 1779 г. Екатерина II утвердила проект Военной Коллегии, предоставленный генерал-аншефом, Светлейшим князем Г.А. Потемкиным, о порядке и сроках формирования Греческого пехотного полка в составе 1762 человек. Основу его должны были составить греки-переселенцы, все еще числившиеся в составе Албанского (Греческого) войска, способные по своему возрасту и состоянию здоровья носить оружие, служить в армии, решать, поставленные им боевые задачи.

Как это видно из документов, целью создания данного полка было: «с одной стороны, вознаградить службу тех греков, кои в Ар-

²² Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИИД). Одесса. 1872. Т. 3. С. 210.

²³ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 176. ЛЛ. 82–83; *Загорский Е.А.* Военная колонизация Новороссийска при Потемкине. Одесса, 1913. С. 31.

хипелаге сражались за Россию и доставить им пристанище, с другой, чтобы посредством их умножить и число полезных поселян»²⁴. Вместе с тем, предполагалось в полной мере использовать боевые качества греков, их выучку, желание и способность нести воинскую службу, готовность к боевым действиям, в том числе и в горно-лесистых, прибрежных районах Крыма, в условиях почти полного бездорожья, характерного для данных районов полуострова.

Формирование полка было поручено полковнику Дмитрову, штаб-квартирой определен форштадт г. Таганрога. Здесь и шло его комплектование с конца 1779 по 1783 гг. К сентябрю 1779 г. в списках греческого войска оставалось немногим более одной тысячи воинов, из них — 102 офицера.

Из которых: в Керчь-Еникале размещалось 592 человека, в Таганроге — 288, в Збурьевском ретраншаменте — 130 солдат и офицеров, из коих 28 находились в «дальних отлучках», в поездках за своими семьями²⁵. В силу ряда обстоятельств и прежде всего отсутствия необходимого контингента, в полку вместо 12 было сформировано 8 рот, носивших названия: Афинская, Спартанская, Коринфская, Македонская и другие. Общая численность греческого пехотного полка не превышала в период завершения комплектования 850 человек. Числился он в составе иррегулярных войск, находился в подчинении Новороссийского генерал-губернатора и, после своего формирования прибыл в г. Керчь, где продолжил готовиться к выполнению определенных ему задач.

В феврале 1783 г. крымский хан Шагин-Гирей отказался от престола в пользу России, а 8 апреля того же года, Манифестом Екатерины II Крым был присоединен к Российской империи. Достаточно скоро Оттоманская Порты, оценив обстановку и свои возможности, смирилась и официально признала присоединение Крыма к России. 2 февраля 1784 г. указом императрицы была учреждена область Таврическая под управлением князя Г.А. Потемкина. Высочайшей наградой ему за присоединение Крыма к России стали чин генерал-фельдмаршала и должность президента Военной коллегии.

Указ императрицы от 10 февраля 1784 г. «Об устройстве новых укреплений по границам Екатеринославской губернии» определил судьбу Греческого пехотного полка. Он предписывал правителю области Таврической генерал-фельдмаршалу Г.А. Потемкину: «Балаклаву исправя, как она есть, содержать ее поселенным тут греческим войском».

²⁴ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 176. Л. 84.

²⁵ РГ ВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 202. Ч. 3. ЛЛ. 1–2.

Таким образом, Высочайше было определено: поручить грекам охрану южной части Крыма и тем обеспечить защиту побережья от возможной высадки турецкого десанта. Полк должен был владеть обстановкой, предупреждать местные конфликты, проявление недовольства властями, не допускать впредь новых, общекрымских мятежей местных татар.

Императрица запретила иметь в Балаклаве недвижимостъ лицам, не принадлежащим к греческому войску, установила выделить всем воинам-грекам землю с правом пожизненного пользования: командиру полка — 240 десятин, офицерам — по 60, нижним чинам — по 20 десятин земли. Греки-воины и их семьи были освобождены от обязательных податей.

В соответствии с повелением Екатерины II, вновь созданный Греческий пехотный полк, в середине 1784 г. из Керчи направился на вновь определенное ему место постоянной дислокации в город Балаклаву и его окрестности. Оставаясь в составе иррегулярных войск и подчиняясь правителю области Таврической, греческий полк, находясь в Балаклаве, должен был решать следующие основные задачи: нести кордонную службу, охранять южное побережье Крыма от Севастополя до Феодосии, осуществлять «надзор за порядком на полуострове». А с началом войны направлять часть своих сил на корабли флота в качестве десанта, что и имело место во время Русско-турецких войн.

Приходилось полку выполнять и другие задачи, поставленные командованием. Например, создавать военные, охранные карантинные цепи вокруг территорий в Крыму, где возникали очаги эпидемий холеры и чумы, чтобы предотвратить дальнейшее распространение на другие территории России опаснейших, заразных заболеваний.

Благодаря тому, что греки сравнительно быстро освоили татарский язык, уклад жизни татарского народа, их обычаи и традиции, а также хорошо изучили местность, подразделениям греческого полка удавалось своевременно выявлять и пресекать факты неповиновения властям, предотвращать попытки вооруженных восстаний татарского населения. Так, например, в 1812 г. командир греческого батальона майор Феодосий Ревелиоти с небольшим отрядом греков сумел практически бескровно разогнать пытавшихся поднять мятеж значительную группу вооруженных татар, захватить при этом организаторов и наиболее активных подстрекателей восстания. Затем, как отмечают документы, «многих из них предав в руки правосудия и положив конец возникшим беспорядкам»,

майор Ревелиоти без потерь успешно выполнил непростую задачу, возложенную на подчиненный ему греческий батальон.

Штаб иррегулярной греческой воинской части, командование и необходимые вспомогательные структуры располагались в Балаклаве. Воины полка, семьи офицеров и солдат, прибывавшие переселенцы составили подавляющую часть населения города и близ лежащих сел, оставленных местными греками при их переселении в район Мариуполя. Так, в Балаклаве и ее ближайших окрестностях, в селах Карань, Кадыкой, Камары, Керменчук, Лаки и селе Аутка (Южный берег Крыма. — Ю.П.) появились специфические, военизированные поселения греков. Во всех из них греки создали приходы, восстановили православные церкви во имя прежних святых, где и начались регулярные богослужения.

В свободное от службы время греки, получившие наделы земли, активно занимались сельским хозяйством, садоводством, виноградарством, виноделием, различными национальными ремеслами, рыболовством, торговлей и другим мирным трудом, что не возбранялось и даже приветствовалось командованием. Так, своим Ордером от 1786 г. князь Г.А. Потемкин одобрил, например, желание премьер-майора К. Чапони «завести шелковый завод». Приветствовались и различные другие хозяйственные инициативы греков-воинов.

Однако не забывалось и основное, служебное предназначение полка. Так, усилиями его командования, от Севастополя до Феодосии была создана сеть постоянно функционирующих наблюдательных постов-пикетов, на которых организовано и бдительно несли кордонную службу воины Балаклавского греческого пехотного полка.

В 1797 г. Балаклавский греческий пехотный полк указом Павла I был реорганизован в Балаклавский греческий батальон, получил статус регулярной воинской части и стал подчиняться военному ведомству. Павел I потребовал от Военной коллегии «вооружить их (греков. — Ю.П.) по их обряду и обмундировать их по их обычаю красным и зеленым», при этом, «оружие и амуницию повелено иметь по-прежнему свои собственные»²⁶. Для подготовки кадров для батальона была создана школа кантонистов.

На основании итогов специальной проверки из состава греческой части, по повелению Павла I, были удалены случайные люди, лица других национальностей, оказавшиеся в ней в силу различных обстоятельств. Греческий батальон был утвержден численностью в 396 человек и состоял из трех рот. Он, как и прежде, успешно нес

²⁶ ЗООИИД. Т. 1. 1844. С. 215–237.

кордонную службу, участвовал во всех Русско-турецких войнах, направляя большую часть своих сил на корабли Черноморского флота в качестве десанта и абордажных команд.

В них греки зарекомендовали себя как храбрые и умелые воины. Они участвовали во многих сражениях и серьезно отличились в ряде из них. Большинство воинов-греков за время службы были отмечены командованием. Они награждались орденами и медалями, получали очередные чины, денежные и другие поощрения. Среди получивших награды были как офицеры, так и нижние чины. Так, например, Ордером Г.А. Потемкина от 19 февраля 1791 г. были награждены 400 нижних чинов батальона, «бывших, — как отмечал Ордер, — в прошлом 1790 году в неоднократных с неприятелем сражениях флота севастопольского». Все они получили «на каждого по одному рублю». И это было почетное и весомое по тем временам поощрение.

Активно участвовал греческий батальон и в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг., где опять отличился во многих сражениях, особенно при защите Балаклавы, в охране южного берега Крыма, не допустив высадки вражеских агентов и десантов.

Около 75 лет греки-воины добросовестно служили России. Они бдительно несли службу по охране южного берега Крыма, активно участвовали в войнах, ответственно и умело выполняли и другие, возлагавшиеся на них боевые задачи.

Завершили свою служебную деятельность греки с почетом в 1859 г., когда, указом императора Александра II, прославленный Балаклавский греческий батальон был расформирован²⁷.

В заключение можно сделать следующие обобщения и выводы:

- появление в Крыму греков-воинов явилось одним из закономерных итогов, завершившейся в 1774 г. Русско-турецкой войны. Судьба большинства греков, прибывших из Архипелага в 1775 г. в Крым, складывалась нелегко, в серьезных трудностях и лишениях, но в целом достаточно благополучно;
- греки из состава Албанского (Греческого) войска в своем подавляющем большинстве посвятили себя воинской службе. Они продолжили ее в составе Греческого пехотного полка, затем Балаклавского греческого батальона и до преклонных лет самоотверженно служили России, были активными участниками всех прошедших войн, в которых отличили себя мужеством и храбростью, явились основателями российской ветви своих фамилий;

²⁷ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 33098. ЛЛ. 1–4; там же. Д. 176. ЛЛ. 82–83; там же. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2713. ЛЛ. 3–5; РГА ВМФ. Ф. 197. Оп.1. Д. 20. ЛЛ. 1–5.

- в силу различных причин и обстоятельств, прибывшие в Керчь воины Албанского (Греческого) войска расселились в ряде мест Крыма, Северного Причерноморья, Приазовья, образовав достаточно крупные греческие общины (поселения) в районах городов: Керчь-Еникале, Балаклава, Таганрог, Херсон; селений: Збурьевск, Кинбурн и других, которые стали притягательными центрами для новых переселенцев из Османской Порты;
- греки-воины из батальона, дислоцировавшегося в Балаклаве, не утратили своей национальной самобытности, своей духовности, бережно сохраняли свой язык, традиции и обычаи, элементы национального быта, традиционные ремесла и занятия своего народа;
- отношения греков-воинов с местным населением в целом были доброжелательны, строились на основе законов Российской империи, что обеспечивало взаимопонимание лиц различных национальностей, поддержание порядка и правил их совместного проживания, установленных в империи, выполнение всех требований местных властей;
- губернские власти, командование, мобилизуя воинов-греков на добросовестное выполнение воинских обязанностей, вместе с тем стремилось приобщить греков и к мирному труду, к работе на земле, к земледелию, садоводству, виноградарству, поощряли национальные промыслы, рыболовство, торговую деятельность;
- из числа архипелажских переселенцев, многим из которых довелось служить также и в Балаклаве, вышло немало замечательных, известных личностей, вошедших в историю России, ее флота. Среди них можно назвать имена: Ламбро Кацони, Николая Кумани, Ивана Анастаси, Георгия Карандино, Ивана Варваца, Стефана Мавромихали, Евстафия Сарандинаки, Михаила Чефалиано и многих, многих других. О славных делах и непростой жизни этих людей, их заслугах перед Россией и Грецией, несомненно, еще расскажут историки.

*И.В. Мосхури
(Москва-Симферополь)*

СЛУЖАЩИЕ ПОСЕЛЕННОГО В БАЛАКЛАВЕ ГРЕЧЕСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА: ГРЕКИ ИЛИ АРНАУТЫ?

Арнауты представляют собой субэтническую группу албанцев, выделившуюся из собственно албанского этноса между 1300–1600 гг. в ходе балканских миграций, вызванных нашествиями крестоносцев, ослаблением Византийской империи и вторжением турок. К концу вышеназванного периода и вплоть до начала XX в. арнауты составляли значительную часть (до 20%) населения Греческой Республики. Из-за этого многие ученые-этнографы считали, что собственно греки — потомки древних греков — были истреблены во время долгого периода падения Византийской империи, практически исчезнув в Европе, а основное население получившей в 1830 г. независимость новой Греции (Королевство Греция) составляли албанцы.

В отличие от основного албанского ареала, арнауты, переселившиеся в пределы исторической Греции — в Аттику, Беотию, Пелопоннес и некоторые греческие острова — еще в византийский период, подверглись аккультурации и частичной эллинизации, поэтому они остались верны православию и после нашествия турок. Арнауты также хорошо владели греческим языком, хотя он не был для большинства из них родным вплоть до середины XIX в.

В конце XVIII – начале XIX вв. название «арнауты», как экзотоним, закрепилось за албанцами и представителями других балканских народов, переселявшихся из Турецкой империи на земли, отвоеванные Российской империей у Турции в ходе Русско-турецких войн второй половины XVIII в. В дореволюционной России арнаутами порой называли всех выходцев с Балканского полуострова. Не были исключением в этом и балаклавские греки. Попробуем разобраться, так ли это.

Одна из статей Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. предоставляла право свободного выезда греков в Россию, но распространялась она лишь на жителей островов Греческого Архипелага, перешедших в 1771 г. в российское подданство, потому и переселенцев этой волны греческой эмиграции называли «архипелажскими выходцами» или «архипелагскими греками». В статье

говорилась: «Фамилиям, пожелавшим оставить свое отечество и в другие места переселиться, позволить свободный выезд со всем их именем»¹. На переселение давался один год со дня подписания мирного договора.

Воюя против Турции на стороне единой России, греки постоянно думали о том, что ожидало их семьи после ухода флота А.Г. Орлова из Средиземного моря. «Они сражались за веру, за жен и детей, и без сомнения весьма способствовали успеху Архипелажской экспедиции», находясь под «мощным покровительством русского оружия»². С уходом российского флота из Средиземного моря их ожидало «преследование турок, мщение, жестокости и угнетения всякого рода»³. Греки помнили слова, сказанные в 1770 г. графом А.Г. Орловым накануне Морейского восстания: «В счастливом окончании сего великого дела заключается ваша честь, мзда и счастье»⁴.

11 сентября 1774 г. к графу Орлову прибыли депутаты от Греческого войска с прошением о переселении их с семьями в Россию. «Приехали сюда из Архипелага двое: майорского чина командир батальонный Константин Егоров и правящий ротую Степан Мавромихали депутатами от албанских батальонов в службе Вашего Императорского Величества с просьбою, чтоб позволено было всем оным войскам переехать на земли Вашего Императорского Величества в Крым, — сообщал граф Орлов императрице Екатерине II. — Они же желание имеют, чтоб проехать в Крым сухим путем и осмотреть те места, которые буде угодно будет Вашему Императорскому Величеству им отвести»⁵.

Побывав в Крыму и осмотрев Керчь и крепость Еникале, отошедшие по условиям Кючук-Кайнарджийского мира к России, представители Греческого войска признали их удобными для поселения. В том же году греки отправили в Петербург депутацию во главе с капитаном Стефаном Мавромихали. Депутация была принята Екате-

¹ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (Его подготовка и заключение). М., 1955. С. 352–355.

² Сафронов С.В. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы. Исторический очерк. // Записки Одесского Императорского общества истории и древностей. Т. I. Одесса. 1844. С. 208.

³ Там же. С. 208.

⁴ Там же. С. 209.

⁵ Всеподданнейшее донесение графа Орлова из Пизы. 26 декабря 1774 г. (6 января 1775 г.). В кн.: Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. XV. С. 250.

риной II «благоклонно и с особым вниманием». Последствием этой исторической встречи был Высочайший рескрипт, данный 28 марта 1775 г. на имя графа А.Г. Орлова, закреплявший права и привилегии, изъявивших желание поселиться в России⁶. Этим было положено начало массовому переселению греков в Крым, куда, по разным источникам, переселилось от 3 до 5 тысяч человек.

Организацию переселения греков А.Г. Орлов возложил на вице-адмирала А.В. Елманова. 23 марта 1775 г. он сообщал вице-адмиралу А.Н. Сенявину из порта Аузо, что граф А.Г. Орлов, возложив на него командование флотом в Архипелаге, «повелеть соизволил, чтоб из греков и албанцев, которые пожелают в Россию [выехать], забрать на корабли больше молодых и прочих к службе или поселению»⁷. Так в 1775 г. началось организованное переселение в Россию греков, которых впоследствии будут называть «Албанским войском», «арнаутом», «архипелажскими греками». С ними уехали многие греческие священнослужители, в числе которых были митрополит Монеувассийский Анфим, умерший и погребенный начале XIX в. в Еникале, архимандрит Захарий Петропуло, племянник которого стал впоследствии жителем Севастополя, и другие⁸.

В Керчи переселенцы нашли древнюю, пришедшую в ветхость греческую церковь во имя св. Иоанна Предтечи и немногочисленных старожилов-греков, фамилии которых были до такой степени изменены, что «не представлялось возможности открыть их национального происхождения»⁹. В конце XVIII в. Керчь, по свидетельству современника, представляла собой «не город, а скорее массу избушек между развалинами города, занятых архипелажскими греками, перешедшими после Наваринской и Чесменской битвы в подданство России. Все они свирепого вида и всегда вооружены»¹⁰.

В официальных российских документах и литературе конца XVIII–XIX вв. сформированное в ходе Морейского восстания 1770 г. «Греческое войско» (или «Спартанские легионы») называют «Албанским», а его служителей — «албанцами» или «арнаутом». Французский путешественник Жильбер Ромм, посетивший

⁶ Сафронов С.В. Указ. соч. С. 211.

⁷ Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. XI. С. 250. Сообщение вице-адмирала А.В. Елманова вице-адмиралу Сенявину из Архипелага. 23 марта (3 апреля) 1775 г.

⁸ Мосхури И.В. Греки в истории Севастополя. Севастополь. 2006. Т. 1. С. 23.

⁹ Кондараки В.Х. память столетия Крыма. Первые годы нашего господства в Крыму. М., 1888. С. 62–63.

¹⁰ Кондараки В.Х. Указ. соч. С.171.

в 1786 г. Керчь, отмечал, что «помимо гарнизона, в городе живет очень небольшое количества жителей, и среди них нет ни одного татарина; все они либо греки, либо арнауты»¹¹. В.Х. Кондараки также сообщал, что после присоединения Крыма к России, в Керчи около 1780 г. «были поселены арнауты и греки с островов Архипелага»¹². Таким образом, современники выделяли среди греческих переселенцев две этнические группы — собственно греков и арнаутов, то есть албанцев.

Первые годы жизни переселенцев проходили в условиях накаленной обстановки в Крыму, где в любой момент могла вспыхнуть новая война, поэтому князь Г.А. Потемкин занялся устройством Греческого войска, «оказавшего так много услуг» при подавлении мятежа в горной части полуострова, вспыхнувшего в 1777 г. Тактика греков при усмирении татарских мятежников наглядно показала, что «удобность сабель, особливо на неровных местах, преимуществует много перед штыками». После подавления мятежа в Крыму Потемкин обратился к императрице с предложением сформировать из переселенцев «по собственному их желанию и к собственной их пользе» Греческий пехотный полк. 3 августа 1779 г. предложение было Высочайше утверждено, и началось формирование полка, продолжавшееся до 1783 г.

После присоединения Крыма к России в 1783 г. князь Г.А. Потемкин, назначенный генерал-губернатором Таврической области, видя необходимость охраны покрытого горами южного побережья, не имевшего в то время дорог, и надзора за скрытой гаванью при селении Балаклава, стал размышлять о том, кому доверить охрану береговой линии от Севастополя до Феодосии. Для этого требовались «люди храбрые, испытанного мужества, знакомые с горными местами, привыкшие к морской и сухопутной службе, и к тамошнему образу жизни, и — что всего важнее — на верность коих можно было бы положиться»¹³. Выбором Потемкина стал Греческий пехотный полк, в формировании которого он принимал деятельное участие, считал служивших в нем греческих солдат и офицеров «самыми надежными людьми» и говорил, что

¹¹ Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 году. Пер. К.И. Раткевич. Л., 1941. С. 51.

¹² Кондараки В.Х., Указ. Соч. С.171.

¹³ Петр Иванович Сумароков, посетивший в 1799 г. Балаклаву, рассказывая в своих воспоминаниях об «удивительном искусстве хождения по горам» балаклавских греков, упоминает, в частности, что «они не знают усталости и цепляются по утесам, как козы». См.: Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму и Бесарабии в 1799 году. М., 1800. С. 110.

«пока арнауты будут в Тавриде, он не побоится вывести из нее все русские войска»¹⁴.

В 1784 г. Греческий пехотный полк был переведен в Балаклаву. За недостатком места служившие в нем офицеры и нижние чины были наделены землей в ее окрестностях при селениях Карань, Камары, Алсу, Аутка и Лаки. Незначительное число служивших полка поселилось и постоянно проживало в Бахчисарае (247 человек обоего пола в 1849 г.)¹⁵. Несмотря на то, что служившие в Греческом полку греки были выходцам из Мореи, Греческого Архипелага, Ионических островов и Эпира, всех их со временем «по главному месту жительства» стали называть «балаклавскими греками» или «балаклавцами»¹⁶.

Наряду с этим за балаклавскими греками и их потомками прочно закрепилось название «арнауты». Иллюстрированным примером этого служат произведения многих художников того времени, например, известная гравюра О. Рафе «Береговые патрульные арнауты. Балаклава (Крым) 25 августа 1837 г.». В конце XIX — первой половине XX вв. балаклавцев устойчиво называли арнаутом не только горные и южнобережные крымские татары, но и греки более поздних волн греческой эмиграции, а образ «арнаута» или «грека-людоеда» прочно вошел в крымско-татарский песенный и устный фольклор.

Так были ли среди балаклавцев этнические албанцы (арнауты), или это следствие глубокого заблуждения? Ответ на этот вопрос дает И.М. Муравьев-Апостол, посетивший в 1820 г. Балаклаву. Он сообщает, что «весь этот город населен греками, потомками тех морейцев, которые передались нам во время пребывания нашего флота в Архипелаге в 1770 году», но со слов «одного спартанца» ему стало известно, что после усмирения вспыхнувшего в 1777 г. татарского мятежа, поселившиеся в Балаклаве греки оставались «не любимые татарами», которые называли их «арнаутом»¹⁷.

¹⁴ Кондараки В.Х. Указ. соч. С. 83.

¹⁵ Н. Берг в походных заметках, написанных в 1855–1856 гг., отмечал, что «третью часть народонаселения в Бахчисарае составляют греки-балаклавцы», «греческие солдаты Балаклавского гарнизона», которых местные жители «зовут здесь по-простому балаклавцами». См.: Берг Н. Бахчисарай (Отрывок из походных заметок). Новороссийский календарь за 1867 г. Одесса. 1868. С. 19–20.

¹⁶ Списки населенных мест Российской империи. Т. XLI. Таврическая губерния: Список населенных мест по сведениям 1864 г. СПб., 1865. С. XLI.

¹⁷ Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. С. 102, 103.

Аналогичной точки зрения придерживается и французская путешественница Адели Оммер де Гель, посетившая Балаклаву в 40-е годы XIX в.: «Балаклава с ее греческим населением, с ее поясом скал и ласковым небом походит на <...> маленькие города Архипелага». Прибывших встречали «группы матросов, арнаутов и девушек, столь же стройных, что и обитательницы греческих островов». Балаклава, по мнению восхищенной городком и его обитателями путешественницы, являла собой «скромный центр маленькой греческой колонии, образование которой восходит к царствованию Екатерины II, где насчитывается несколько деревень, состоящих приблизительно из 600 семей». И здесь же поясняет, что поселившихся в Балаклаве греков «после покорения полуострова <...> видели смиряющими мятежи и повергающими татар в ужас кровавой жестокостью своих походов. Именно в ту пору мусульмане Тавриды дали им имя арнаутов, сохранившееся до наших дней»¹⁸.

Настоящее исследование позволяет сделать вывод, что «арнау-тами» в Крыму называли греков, состоявших на службе в Греческом пехотном полку, преобразованном впоследствии в Балаклавский греческий пехотный батальон. Это название было прочно усвоено местным мусульманским населением и вплоть до настоящего времени употребляется по отношению к потомкам балаклавских греков.

¹⁸ Путешествие в Прикаспийские степи и Южную Россию Адели Оммер де Гель // Историческое наследие Крыма. 2004. № 8. С. 191–192.

С.А. Пинчук
(Москва)

БАЛАКЛАВСКИЙ ГРЕЧЕСКИЙ ПЕХОТНЫЙ БАТАЛЬОН В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

*Прибрежье бурного Эвксима
Сыны Эллады стерегут:
Неодолима их дружина
И неподкупен Арнаут.
У караулни стройно, чинно,
Как рыцарь в повести старинной
Пред заколдованным дворцом,
С ружьем он ходит молодцом!
Его глаза всмотрелись в море,
Как соколиные, блестят,
Гуляют на его просторе —
И трепетной добыче горе
Иль смерть нежданную сулят!¹*

Появление русской эскадры под начальством адмирала Г.А. Спиридова у берегов Мореи в феврале 1770 г. дало мощный импульс для присоединения местного греческого населения к действиям против турок на суше и на море. Добровольцы в основном прибывали из трех географических пунктов: островов Греческого Архипелага, горных областей Мани (Пелопоннеса) и Химары (южной Албании, где традиционно проживали греки и православные албанцы). В период с 1770 по 1774 годы греки принимали участие практически во всех морских и сухопутных экспедициях русского флота в Средиземноморье. Они составили костяк так называемого Албанского войска, переселившегося в Россию². До начала XIX в. это подразделение

¹ *Бороздна И.* Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма (письма в стихах). М., 1837. С. 174.

² «...Россия пользовалась греками почти каждый раз, когда возникали осложнения и войны с Турцией, — подытоживал автор статьи в много-томной энциклопедии «История русской армии и флота», — Подстрекательные и соблазняемые нашими агентами, игравшими на единоверии и обещаниях политической свободы, греки каждый раз приходили России на помощь, своими восстаниями оттягивали на себя значительную часть турецких сил, но по окончанию Русско-турецких войн на их головы обрушивалось жестокое мщение турок» — *Каллистов Н.Д.* Греческий вопрос, как наследие, доставшееся императору

еще дважды поменяет свое название, чтобы окончательно войти в историю под именем Балаклавского греческого пехотного батальона, уникального воинского формирования в составе русской армии. Просуществовав более 80 лет, вплоть до 1859 г., оно сыграло важную роль в колонизации и освоении Крыма и Кавказа.

В боевой летописи батальона, пережившего немало структурных перемен, было шесть военных кампаний, в которых принимала участия Россия в конце XVIII — XIX вв. О подвигах Балаклавского греческого батальона созданы легенды. Отличительной особенностью воинов-балаклавцев была их многофункциональность. Они хорошо зарекомендовали себя как на суше, в том числе в условиях высокогорья (Крым, Кавказ), так и на море во время проведения десантных операций. Все они были приучены с детства «к беганию по горам, к езде верхом, к пехотному и артиллерийскому действию и к различному мастерству»³.

Созданная в батальоне система непрерывного военного обучения и даже непрерывной военной жизни, — от школы кантонистов, куда в 7–10 летнем возрасте поступали дети балаклавцев, до их зачисления на службу нижними чинами, — позволяла готовить высокопрофессиональные военные кадры. В то же время старослужащие в экстренных случаях всегда могли выставить резерв. Именно эти ветераны дали достойный отпор англичанам во время героической обороны Балаклавы осенью 1854 г. «Солдаты эти, — как впоследствии писал крымский историк Василий Кондараки, — по воспитанию стояли выше армейских офицеров нашей пехоты»⁴.

Ближайшим аналогом Балаклавского греческого пехотного батальона могут считаться национальные подразделения сипаев, рекрутировавшихся англичанами в колониальной Индии, и зуавов, военнослужащих легкой пехоты во французской армии, части которой формировались в основном из жителей Северной Африки⁵. Однако в отличие от сипаев и зуавов, балаклавцы не были профессиональными наемниками или просто ландскнехтами: они верой и правдой служили своей новой Родине.

Сохранились воспоминания Феодосия Ревелиоти, командира Балаклавского греческого батальона, о первых шагах становления

Николаю I от предыдущего царствования // История русской армии и флота. М., 1913. Том IX. С. 180–181.

³ Кондараки В.Х. История Крымской войны с частными эпизодами. М., 1883. С.6–8.

⁴ Там же.

⁵ Первые подразделения были созданы на базе одноименной племенной группировки арабского племени кабилов.

новой боевой единицы русской армии. Они были записаны статским советником А.Я.Фабром из уст самого Ревелиоти, очевидно, между 1829 и 1831 гг. (25 июня 1829 г. Ревелиоти было присвоено звание генерал-майора, а в 1831 г. он вышел в отставку)⁶. По словам Ревелиоти, греки «оставили свое Отечество, пошли под русские знамена и составили морское ополчение под названием Греческого войска, коего первым начальником был майор Константин Чапони. По окончании кампании императрица Екатерина II Высочайшим рескриптом на имя графа Орлова, данным от 28-го марта 1775 г., пригласила греков, оставшихся из ополчения, поселится в России. Она даровала им охранную грамоту, в которой утверждалась льгота от податей и повинностей на 30 лет⁷. Из них часть составила Греческий пехотный полк; прочие же поселились для земледелия и промыслов в Керчи, Ениколе, Таганроге и в окрестных ими заведенных селениях под названием «албанских»; греки получали сначала и денежное пособие от казны (22,374 руб. в год), которое впоследствии времени заменено дарованием земель; военную службу несли наравне с поселенными полками, в особенности по охране берегов Черного и Азовского моря»⁸.

В 1784 г. Албанское войско полностью перевели в Крым и поселили на отведенных землях при г. Балаклаве, которую предписывалось: «...исправя, как она есть и содержа стражу ея поселенным тут греческими войсками»⁹. И.М. Муравьев-Апостол, дипломат и переводчик, посетивший Балаклаву в 1820 г., зафиксировал рассказ одного «спартанца» о том, как состоялось перемещение греков из Керчи в Балаклаву: «...посланные оттуда через Арбатскую косу к Каффе они оттуда без милосердия гнали бедных татар вдоль сего южного берега и конечно бы загнали их в море, если бы мир не настиг гонителей в Балаклаве». После вытеснения татар начался процесс переселения

⁶ Сведения об арнаутах и албанцах, т.е. греках-переселенцах, ныне Балаклавском греческом батальоне, были доставлены ст. сов. Фабру от Г.М. Ревелиоти, бывшего их командиром. См.: *Скальковский А. История Новороссийского края 1730–1823. Часть 1. С 1731-го по 1796-й. Одесса, 1836. С. 255.*

⁷ №14.284. Марта 28. Именно, данный генералу графу Орлову. «О дозволении служившим во флоте под предводительством его грекам поселиться в городах Керчи и Ениколе с предоставлением им особых выгод». См.: *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XX. 1775–1780 гг. СПб., 1830. С.101–104.*

⁸ Там же. С. 126–127.

⁹ Там же. Том XXII. 1784–1788 гг. СПб., 1830. С. 22.

греков, растянувшийся на несколько лет. В августе 1779 г. по предложению князя Потемкина, занимавшего пост военного министра, Албанское войско было переформировано в Греческий полк¹⁰.

В то же время льготы и земельные наделы не компенсировали хроническую задержку с выплатой жалования, материальное положение военнослужащих батальона и их семей граничило с нищетой. «Албанской команды военно-служители претерпевают крайнюю нужду, — жаловался в рапорте к князю Потемкину Константин Чапони, второй командир Греческого полка, в декабре 1785 г., — ... людей не прибывает, а более из команды умалается»¹¹. Более того, часть греков, поселенных в Таганроге, чтобы хоть как-то прокормить себя и свои семьи, возделывали землю. Они категорически отказывались переселяться в Балаклаву до сбора урожая, требуя выплаты жалования, которое им задолжала казна с января 1784 г.¹²

В свою очередь «светлейший» переадресовывал просьбы греков местным властям, рекомендуя им разобраться, «какие и в чем именно имеет войско недостатки» и принять, по возможности, меры. Но и через три месяца, к марту 1786 г. без жалования, согласно рапорту Чапони, кроме офицеров продолжали оставаться еще 44 капрала и сержанта и 190 рядовых. В этих условиях Потемкин был вынужден пойти на радикальные меры, резко сократив выплату жалования из «албанских сумм» кригс-комиссариата (интендантства) исключительно тем военнослужащим, которые служили на флоте в Архипелаге и имели соответствующие аттестаты. «Всех прочих, кои в оном окажутся не из архипелажских греков, — указывал он, — необходимо ...исключить из той команды и обратить их в таврические поселяне»¹³. Мы полагаем, что это решение повлияло на сокращение Албанского войска с 8 рот до нескольких сотен человек.

Заканчивался «золотой век» Екатерины: блистательных побед русского оружия, территориальной экспансии, просвещенного абсолютизма и провального экономического администрирования. Как и после Петра Великого, страна и армия оказались на грани

¹⁰ Там же. С. 855.

¹¹ Ордера князя Потемкина. 1786 г. (Продолжение) // Известия Таврической ученой архивной комиссии (далее — ИТУАК). Симферополь, 1897. Том 4. С. 6–7.

¹² Там же. С. 22.

¹³ Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического губернского правления (1784–1796) // ИТАУК. Том 3 (1897 [II]). С. 20–21; По ведомости, поданной Чапони Потемкину, в Албанском войске 69 человек были из «малороссиян, гусар и крымских греков».

финансового коллапса¹⁴. Екатерина оставила своему преемнику огромный долг, около 200 млн. рублей, равный трем годовым бюджетам, и постоянный дефицит госбюджета — проблема, с которой не мог справиться и Павел I¹⁵. Греки в условиях хронической задержки с выплатой жалования были вынуждены самостоятельно добывать себе пропитание, занимаясь торговлей и земледелием. В Санкт-Петербурге с раздражением отмечали, что батальон «не отправляет никакой службы, а составляющие оный большей частью разъезжают по городам для своих промыслов»¹⁶.

Офицер Греческого полка

Только к началу правления императора Павла I жизнь Греческого полка вошла в нормальное русло. В результате реформ Павла, отличавшегося страстью к «мелкостям» военной службы и бюрократии, были заложены организационно-правовые основы функцио-

¹⁴ «Армия императрицы Екатерины II более беспорядочная толпа, нежели правильно устроенное войско. Процветает масса злоупотреблений, вкравшихся во все отрасли управления войсками. Большинство высших генералов постоянно живут в столице, оставивших войска на свои штабы. Многие офицеры постоянно живут в своих имениях, отдавая за это свое жалованье своим командирам. Солдаты, знающие ремесла постоянно живут и работают в имениях своих начальников. Я насчитал до 50 тысяч таких отсутствующих солдат. В лейб-гвардии Преображенском полку состоит 8 полковников, 26 подполковников и 6 тысяч унтер-офицеров дворян на 3 с половиной тысячи рядовых. Но каждый день в полку я вижу только одного майора, несколько писарей». См.: Записки генерала Н.А. Саблукова о временах императора Павла и о кончине этого государя. М., 2002. С. 115.

¹⁵ Чечулин Н.Д. Очерки по истории финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 313, 344–374.

¹⁶ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XLIII. Часть 1. Книга штатов 1797 г. Отделение первое. СПб., 1830. С. 785.

нирования Балаклавского батальона. 30 января 1797 г., буквально через полтора месяца после восшествия нового императора на престол, вышел именной указ, в котором впервые прозвучало название «греческий батальон»¹⁷. А уже 13 апреля этого же года полк был приведен в трех-ротный состав (всего 346 человек: по 100 рядовых на каждую роту и по 10 унтер-офицеров) и под названием Греческого пехотного батальона подчинен Государственной военной коллегии (как тогда называлось военное министерство). Этим же указом была официально утверждена и форма батальона, просуществовавшая до 1830 г.: «Мундиры всем чинам иметь собственные, цвета зеленые с красным, по апробированному образцу, вооружение же и амуницию такие, какие по их обычаю употребляются также, собственные».

Для ежегодного содержания офицеров и рядовых из казны была определена сумма в размере 14 571,30 руб. При этом командиру батальона полагалось жалование в размере 460 руб., офицерам — от 200 до 340 руб., унтер-офицерам — 57,60 руб., нижним чинам — 28.80 руб. Дополнительные 16 132,97 руб. предназначались для обеспечения батальона медикаментами, бумагой и сургучом «для подачи рапортов и производства дел», а также для закупки провианта «в натуре» — муки и крупы¹⁸.

Осенью 1797 г. последовал следующий указ, согласно которому «денежное и хлебное жалование должны получать только те, кои настоящую службу исправлять будут, и в оной действительно останутся». Этим же рескриптом балаклавцам были выделены земельные наделы «по берегу моря в пристойных местах»¹⁹. С этого времени за батальоном закрепилось название Балаклавский. Оно не было утверждено официально, а являлось данью традиции, по которой русским полкам присваивались название либо по месту их формирования, либо дислокации.

С начала XIX в. Балаклавский греческий пехотный батальон и его аналог из Южной Пальмиры — Одесский греческий батальон, участвовали в событиях очередной Русско-турецкой войны, ведшейся с небольшими перерывами с 1806 по 1812 гг. Вопреки мнению ряда современных авторов (Кибовский, Леонов²⁰), утверж-

¹⁷ Там же. Том XXIV. 6 ноября 1796–1798 гг. СПб., 1830. С. 312.

¹⁸ Там же. Том XLIII. Часть 1. Книга штатов 1797 г. Отделение первое. СПб., 1830. С. 20–21; См. также: там же. Том XXIV. 6 ноября 1796–1798 гг. С. 790.

¹⁹ Там же. Том XLIII. Часть 1. Книга штатов 1797 г. Отделение первое. СПб., 1830. С. 785.

²⁰ Кибовский А.В., Леонов О.Г. 300 лет российской морской пехоте. М., 2007. Т. I (1705–1855). С. 88–108.

дающих, что Балаклавский батальон был задействован «во всех десантных операциях Русско-турецкой войны», действия греков носили эпизодический характер и не могли оказать сколь-нибудь существенного влияния на ход военной кампании²¹.

Этот вывод не сложно проверить, сопоставив работы дореволюционных историков, в которых подробно описаны сражения, проходившие на Дунае и Кавказе: А.Н. Петрова, А.М. Михайловского-Данилевского, Д.П. Бутурлина и П.И. Савваитова²². Так, в капитальном труде крупного русского военного историка Андрея Петрова «Война России с Турцией 1806–12 гг.», составленном им в период работы библиотекарем Генерального штаба, содержится огромный фактический материал военно-ученого архива. Петров скрупулезно привел в книге данные обо всех войсковых подразделениях, когда-либо принимавших участие в морских десантных операциях во время этой кампании. Греки среди них отсутствуют. Единственным исключением явился краткий эпизод осенью 1810 г., связанный с походом Черноморского флота к азиатским берегам.

Ради объективности мы не можем не упомянуть, что другой военный историк — Михайловский-Данилевский — включил некий «батальон греческих полков» в список военных частей, принимавших участие весной 1807 г. в экспедиции черноморской эскадры под начальством контр-адмирала С.А. Пустошкина к турецкой крепости Анапе²³. Тем не менее, эта информация не нашла документального подтверждения в ходе изучения формулярных и именных списков офицеров, унтер-офицеров и рядовых Балаклавского греческого пехотного батальона за 1812–1813 гг., отложившихся в Российском военно-историческом архиве в фонде № 489. В них,

²¹ В десантных операциях в Средиземном море во время Адриатических походов адмирала Сенявина активное участие принимали сулюты, переселившиеся на о-в Корфу и составившие Албанское войско. В 1807 г. с согласия русского правительства они перешли на службу Франции, с «условием не быть употребленными против России». См.: Военно-энциклопедический лексикон. Часть первая. СПб., 1837. С. 224.

²² Бутурлин Д.П. Картина войн России с Турцией в царствования императрицы Екатерины II и императора Александра I. Часть первая. СПб., 1829. С. 126–128; Михайловский-Данилевский А.И. Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 по 1812 год. СПб., 1843. С. 126–132; Петров А.Н. Война России с Турцией 1806–1812 гг. СПб., 1885. Том I. С. 232–234; Савваитов П.И. Взятие Анапы эскадрой Черноморского флота, под командою контр-адмирала С.А. Пустошкина в 1807 году. СПб., 1851.

²³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 88–92.

в графе «во время службы находился в походах и делах против неприятеля, где и когда был», четко фиксировалось участие военнослужащих в боевых действиях. Чаще всего в подобной колонке попадает типичная запись: «789, 790 и 791 на флоте Черноморском в кампаниях и сражениях были». Только в пяти случаях из почти 394 человек нами были выявлены локальные свидетельства об их участии в военных действиях более раннего периода.

Например, в формулярном списке унтер-офицера Ивана Михайлова сына Марио, 32 лет, указано, что он был в «809 на флоте Черноморском при взятии города Анапа и при атаке города Платана и Трапезонта, 810 — при анатолийских берегах» (л. 93)²⁴. Второй — рядовой Афендило Данило, который в «809 при флоте и сражениях при анатолийских берегах был»²⁵. Приблизительно в такой же редакции, — «809 на флоте Черноморском в кампаниях и сражениях был», — мы находим аналогичные записи в формулярных делах Панаюти Георгиева сын Цагули, 45 лет²⁶, Михайлы Маноилова сына Маноиди, 33 лет²⁷, Дмитрия Дмитриева сын Афинео, 40 лет и Лазаря Анастасиева сына Димитрия, 32 лет²⁸.

Эти записи, на наш взгляд, скорее исключение из правил, чем подтверждение факта участия всего батальона в боевых действиях в 1806–1809 гг. Что же касается данных военнослужащих, то вполне вероятно, что они могли привлекаться в качестве «охотников» или переводчиков, прикомандированных к другим частям. Наша версия подтверждается записью в формулярном деле подпоручика Аргирия Евстафьева сына Цакни, который в 1807 г., когда флот «следовал для взятия крепости Анапа», был послан «от бригадного начальника по секретной экспедиции, которую исполнил исправно»²⁹. Соответственно, отпадает предположение, высказанное В.Х. Казиным в хронологическом сборнике «Казачьи войска», о том, что «Балаклавский Греческий батальон имел Георгиевское знамя, вероятно, за взятие Анапы 1807»³⁰.

Все же «понюхать пороху» балаклавцам в Русско-турецкую войну довелось. Но далеко не всем. В сентябре 1810 г. два обер-офицера

²⁴ Именные и формулярные списки офицеров и солдат Балаклавского греческого пехотного батальона за 1812 г. 1 января 1813 г. // РГВИА. Ф. 489. (Т.1. ч.1) Оп. 1. Д. 66. Л. 93.

²⁵ Там же. Л. 115. Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 104 об.

²⁸ Там же. Л. 106 об.

²⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 68. Л. 134 об.-135.

³⁰ Казачьи войска. СПб., 1912. С. 23–24.

и 33 пехотинца Балаклавского батальона (1/10 численности всего подразделения) под руководством своего командира Феодосия Ревелиоти, начавшего свою службу еще в 1787 г. во флотилии знаменитого екатерининского корсара Ламбро Качиони, были включены в общий состав десантной группы генерал-майора С.Г. Гангелова³¹. В нее, помимо греков, входили два батальона Эстляндского, два 12-го и один 4-го егерских полков, а также 200 пеших казаков и полурота легкой артиллерии.

Флот с десантом вышел из Севастополя 28 сентября 1810 г. по направлению к Трапезунду. Эта военно-морская операция чуть было не закон-

чилась полным провалом, который Михайловский-Данилевский деликатно назвал «безуспешным покушением на Трабизонд». Ревелиоти при огневой поддержке с двух фрегатов смог высадиться на берег в Платанской гавани, неподалеку от Трапезунда, и с боем овладеть турецкой батареей. Турки окружили десант, отрезав его от берега, не дав высадить подкрепление: «Тогда Ревелиоти ударил в штыки и проложил к себе путь к судам, потеряв при этом 87 человек, убитыми, ранеными и взятыми в плен»³².

В формулярном списке Ф.Ревелиоти, составленном с его слов и подписанным им лично, это сражение описано следующим образом: «Октября 17-го дня отправился с препорученным отрядом для десанта гребными судами на анатолийский берег к Платану, где с всевозможною поспешностью сошедши на берег выгнал неприяте-

Рядовой и унтер-офицер первого батальона Греческого полка

³¹ Семен Егорович Гангелов (1757–1827), генерал-майор, шеф 13-го егерского полка (ставшего с 8 марта 1800 12-м егерским полком). В 1807 г. участвовал в боях с горцами на Кавказе, в 1810 г. — в неудачной десантной операции под Трапезундом.

³² Там же. С.126–132; *Петров А.Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг. СПб., 1887. Том III. С. 232–234.

ля из закрытых кустарниками скрытных ложементов, и, поражая оною, невзирая на превосходную силу коего было более четырех тысяч человек, напал на неприятельскую батарею из трех пушек состоящую, сбил с оной неприятеля. При нападении (на) оную, заклепав пушки, при взятии которой батареи ранен двумя пулями в правый бок и одною в правую руку, потом возвратившись с флотом в Севастополь 29-го Октября и прибыл к батальону»³³.

Малозначительную роль в Русско-турецкой войне, несмотря на храбрость отдельных солдат и офицеров, сыграли и греки Одесского батальона. В 1807 г. батальон, насчитывавший в то время только 165 нижних чинов, что соответствовало численности всего лишь роты армейского пехотного батальона, под командованием майора Константина Патераки отправился в Бессарабию³⁴. В составе отряда Ланжерона греки сражались у Туртукая и на острове Четал, где были «почти ежедневно с неприятелем в перепалках». В 1807 г. Одесский батальон был помещен в крепости Килия на флотилию из 5-ти военных кирлашей и принимал участие в штурме Измаила. С 1810 по 1812 гг. чины батальона находились на флотилии при Галаце, держа брандвахтенные посты, прикрывавшие килийское устье Дуная³⁵. Таким образом, встает вопрос о пересмотре и адекватной переоценке роли греков в этих событиях, не умаляя при этом их реальных военных заслуг.

Анализ всех вышеприведенных фактов, убеждает нас в том, что Балаклавский батальон в период Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и последующие десятилетия в основном использовался для карантинно-пограничной охраны и обеспечения тыла южных рубежей империи. Эта задача представлялась военному и гражданскому руководству Новороссии более значимой и актуальной, чем участие малочисленного греческого подразделения в морских десантах и крупномасштабных сухопутных операциях. Рапорты и отчеты Феодосия Ревелиоти, руководившего батальоном с 1809 по 1831 гг., подтверждают правильность нашей гипотезы.

³³ Формулярный список о службе и достоинстве командира Балаклавского Греческого пехотного полка подполковника Феодосия Дмитриева сына Ревелиоти // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 66. Л. 2–4.

³⁴ *Теохариди Т.Ю.* Греческая военная колонизация на юге Украины // Греки и Россия в XVIII–XIX вв., СПб., 2007. С. 179–183.

³⁵ Послужной список Одесского Греческого пехотного батальона о службе и достоинстве командующего оным батальоном майора за вторую половину 1813 г. // РГВИА. Ф.489. Оп. 1. Д. 68. 1814. Л. 2–3 об.

В 1830 г. Ревелиоти составил обстоятельное письмо на имя царя, изложив в нем все наиболее значимые события своей долгой военной карьеры. По его словам, в «1807 году во время бывших в Крыму военно-политических обстоятельств употреблялся в оные по препорученности адмирала маркиза Детраверси и сверх того имел в распоряжении своем все по Южному берегу Черного моря от Севастополя до города Феодосии кордоны и посты»³⁶. Действительно, с самого начала войны, управляющей Херсонской губернией, генерал-лейтенант Дюк Ришелье был серьезно обеспокоен охраной Черноморского побережья на случай возможного вторжения турок. В своем рапорте № 64 от 6 января 1807 г. на имя военного министра, он представил свои соображения, указывая, что при малочисленности Черноморского флота, насчитывавшего всего 7 кораблей с небольшим числом фрегатов (большая часть флота была направлена в Средиземное море), необходимо обеспечить оборону Крыма при помощи сухопутных войск.

В итоге по проекту генерала от инфантерии А.С. Феньша³⁷ было решено «иметь в общем сборе, отряд из 5000 человек для быстрого его передвижения к тому пункту, где окажется надобность». В состав подвижного отряда входили Эстляндский мушкетерский полк, 2 батальона Полтавского, по одному батальону 22 и 12 егерских полков и 6 гарнизонных батальонов, включая Балаклавский греческий пехотный батальон. Отряд, разделенный на две части, был размещен в Карасубазаре, рядом с административным центром управления Крыма Симферополем. Выбор Симферополя был продиктован не только потому, что в нем находились «значительные казенные суммы», а потому, что из него можно было оперативно, «в два перехода попасть к любому пункту на южном берегу Крыма или к Севастополю», чтобы соединиться с местными войсками, надзиравшими за береговой линией³⁸. Размещенные по кордонам, греки несли гарнизонную службу, выделяя в дневное и ночное время суток отдельные команды для караулов, разъездов для подвижного осмотра местности, расставляли секретные дозоры. Даже такой скептик как военный министр, генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай де Толли, в феврале 1810 г. отмечал, что «греки, держа кордонную стражу,

³⁶ РГВИА. Ф.395. Оп. 136. Д. 294. Л. 3об.

³⁷ Андрей Семенович Фенш (Феньш, Феншоу) (1757–1828) — российский генерал, участник Русско-турецкой и Русско-шведской войн. С 4 марта 1804 г. по 20 ноября 1807 г. был феодосийским градоначальником.

³⁸ Петров А.Н. Война России с Турцией 1806–1812 гг. СПб., 1885. Том I. С. 326–330.

могут с лучшей пользой употреблены на другие предметы, более им сродные и приличные»³⁹.

Кроме гарнизонной службы, балаклавцы занимались и сугубо мирным ремеслом — «они время от времени, среди скал южного берега строили лодки и суда, для прибрежного плавания способные, до сих пор именующиеся «балаклавскими». В 1811 г. предприимчивый Ф. Ревелиоти обратился к губернатору края Ришелье с дозволением «людям сего войска заниматься кораблестроением, мореходством и торговлей», как ремеслом, к которому «они издавна охочи, подобно прочим их Архипелажским единоплеменцам»⁴⁰. Герцог, стимулировавший развитие «российского судостроительства», не только дал свое согласие, но и просил «поощрять между греками столь полезные предприятия»⁴¹. Есть косвенные сведения, что помимо строительства судов и рыболовства балаклавские греки, в свободное от службы время, промышляли и каботажным мореходством, перевоза различные грузы между портами Черного и Азовских морей⁴². Нередко им приходилось выступать и в роли спасателей судов, терпящих бедствия в прибрежных водах: «быстро в лодках по водам они летают здесь и там, как эллины Архипелага не сводят с моря зорких глаз — и погибавшим много раз была спасеньем их отвага»⁴³.

Опишем, как была устроена жизнь самой Балаклавы и ее обитателей. В первой четверти XIX в. город состоял всего «из 60 домов, расположенных в одну линию по пологому берегу моря, обитаем одним Греческим батальоном»⁴⁴. Ревелиоти в своих регулярных отчетах называл его «местечком Балаклавой Симферпольского уезда», избегая употреблять слово «город». Любопытно, что однажды, видимо, желая подчеркнуть образцовый порядок, царивший в Балаклаве, подписал свой рапорт «Таврическая губерния, Симферопольского уезда, благополучная Балаклава». В 1803 г. в Балаклаве по статистическим данным, собранным офицерами Генерального штаба, без учета слу-

³⁹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. Том XXXI. Приложение. СПб., 1830. С. 3–4.

⁴⁰ Скальковский А.А. Торговая промышленность в Новороссийском крае. СПб., 1851. С. 10.

⁴¹ Он же. Хронологическое обозрение Истории Новороссийского края 1730–1823. Одесса, 1836. Часть 2. С. 173–175.

⁴² Он же. Торговая промышленность в Новороссийском крае. С. 20–21.

⁴³ Бороздна И. Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма. С. 212.

⁴⁴ Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М., 1800. С. 111–112.

жащих батальона («окроме военно-служителей»), проживало 995 душ мужского и 698 женского пола⁴⁵.

Устройство домов и сам быт поселян, очевидно, воспроизводил типичную среду обитания их греческих предков, выходцев с островов Архипелага и Мореи. Прямо в открытых лавках готовили пищу и продавали нехитрую снедь. В городе было чуть больше 20 лавок, исключенных от оброка с тем, чтобы доход от их коммерческой деятельности поступал на «общественные городские надобности»⁴⁶. Стоит отметить, что в начале XIX в. это был второй город в Российской империи, после

Офицер, унтер-офицеры и рядовые второго батальона Греческого полка

⁴⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Том 11, часть 2. 1849. С. 110–111; Согласно ведомости Новороссийской казенной палаты от 18 августа 1802 г. «в местечке Балаклаве греческого войска окладом не обложенных по силе дарованных им привилегий» насчитывалось 995 душ. См.: Лашков Ф.Ф. К вопросу о населении Таврической губернии в начале XIX в. столетия // ИТУАК. Симферополь, 1916. № 53. С. 168–172. Поэтому сложно поверить в рассказ адъютанта Ришелье графа Рошешуара, проводившего вместе со своим начальником осенью 1811 г. инспекторский смотр Балаклавского батальона, о численности подразделения в 1100 человек. Греки, по словам графа, показали себя во время смотра и маневров с лучшей стороны: «по нашему настоянию командир батальона сделал примерный приступ и взял крепость». См.: *Rochechouart L. Souvenirs sur la Revolution, l'Empire et la Restauration par le general comte de Rochechouart.* Paris, 1933. P. 166, 167. Пер. с фр. Д.И. Горшкова, 2006 г. // Военно-исторический журнал. 2008. №8; также *Рошешуар Л.-Г. Из воспоминаний графа Рошешуара.* Извлечения // Русский архив, 1890. Кн. 1. Вып. 4. С. 473–500.

⁴⁶ Балаклава // Городские поселения в Российской империи. СПб., 1864. Т. 4. С. 723.

Мариуполя, где население говорило исключительно на греческом языке. Балаклава, а также окрестные селения управлялись батальонным командиром Ф. Ревелиоти, отличавшегося отменным гостеприимством⁴⁷. «Вот я нахожусь теперь у заслуженного, израненного⁴⁸ начальника Балаклавы и Греческого батальона Ревелиотиса, как у себя дома; и точно так, сказывают, он всех заезжающих у себя принимает; рад служить всем, что имеет; и вся семья его старается как бы лучше угодить и чем бы лучше угостить», — так передавал свои впечатления от знакомства с Ревелиоти и его семейством Иван Муравьев-Апостол. Столичный гость оставил следующее описание дома Ревелиоти: «Чистенький веселый домик его стоит на конце города, на восточном берегу узкоустой гавани, которая будучи стеснена между двух высоких гор, сходствует более с рекою, чем с заливом морским». С южной стороны дома Ревелиоти, по словам Муравьева-Апостола, открывался изумительный вид на Генуэзскую башню.

В том же году еще один путешественник из Петербурга, писатель Гавриил Гераков (*Гераки*) посетил Крым, где остановился у Феодосия Ревелиоти, своего давнего знакомого. Еще в 1800 г. Ревелиоти, находясь по делам в столице, нередко бывал у Геракова, своего земляка, воспитанника гимназии для чужестранных единоверцев в Петербурге. В разговоре с хозяином дома Гераков затронул чувствительную тему освобождения исторической родины. Ревелиоти, по словам, Геракова, со вздохом отвечал, «все будет по-старому в Греции; только бы российский монарх восхотел двинуть часть войск своих против агарян, и мы бы увидели вскоре возродившихся Сократов, Периклов, Эпаминодов — слезы, катящиеся из огненных очей его, воспрещали продолжать — мы обнялись — и пошли обедать»⁴⁹. Это была настоящая греческая тради-

⁴⁷ Командир батальона также выполнял функции и полицейского начальства. Дворянина порядка в городе командиром батальона по очереди назначался один из офицеров, «дежурный по батальону». Определенными элементами демократизма, издавна присущими греческому социуму, были институт «выборных» из числа наиболее авторитетных военных поселян и суд старейшин, решавших спорные вопросы гражданского населения.

⁴⁸ Медицинское свидетельство подписано штаб-лекарем П. Вебокозовым: «Нашли 1 на передней части головы рану, прошедшую от удара саблею и 2 две раны на правом боку пулею, из коих одна на вылет; как от ран слаб, так равно и от старости». Ревелиоти в своем прошении отмечал, что первый раз он был ранен во время во время абордажа турецкого судна 8 мая 1790 г. // РГВИА. Ф. 395. Д. 537. Л. 5.

⁴⁹ *Гераков Г.В.* Продолжение путевых записок по многим российским губерниям 1820 и начала 1821 года. Спб., 1830. С. 31–33.

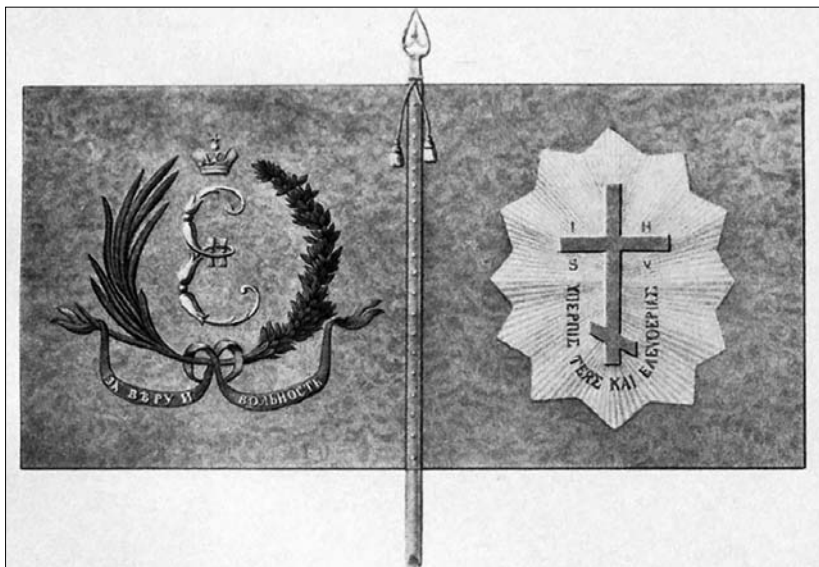
ционная кухня: «суп *еварлакия*, *яхни*, *долмадес*, *кефте*, *ангинарес*, *псито*, *кюлпасты*, *егурты*. Товарищу моему, — как отмечал Герарков, — почти воспитанному в чужих краях и на французской кухне возросшему, понравились греческие кушанья. Фрукты и вина, все не купленное, а домашнее, и все очень хорошее»⁵⁰. Гостей угощала жена Ревелиоти, «женщина умная, из фамилии Клендо».

Чистотой и уютom отличались дома и простых солдат батальона. Олимпиада Шишкина, посетившая Балаклаву спустя 20 лет, в 1845 г., провела жилище двух отставных солдат, чье время службы пришлось как раз на первую четверть XIX в. Ветераны батальона жили вчетвером на маленьком дворике: «у каждого особое крыльцо, около которого, по связанным веревками кольями, вьется виноград со множеством плода, теперь еще зеленого; прелестное убежище от жары, какого в наших краях не может иметь ни один богач. В верхних горницах нет потолка; прямо кровля, как и стены, хорошо выбелены; вообще все очень чисто, хотя пол и земляной. Лучшее убранство образа, пред которыми горят лампы». Шишкина отмечала демократичность балаклавских греков, набожность, что «облагораживала их движения», простоту и, одновременно, изысканность их пищи, состоящей в основном из рыбы и овощей.

Еще одной традицией балаклавцев было бережное отношение к оружию, передававшемуся из рук в руки на протяжении нескольких поколений. В 1820 г. Муравьев-Апостол описывал часового Балаклавского батальона с «длинным албанским ружьем в руках, с таковыми же саблею и висящим подле нее пистолетом». Эти же «албанские ружья», четверть века спустя, заметила Олимпиада Шишкина: «после обеда, услужливый хозяин позвал унтер-офицера Греческого батальона в полном вооружении, которое они должны иметь собственное. За плечами у него был в сумке турецкий пистолет, доставшийся от прадеда вместе с саблею, украшенной серебряною чеканкою, и он держал албанское ружье, длиннее русских, и не одинаковое с солдатскими».

Новые перемены в устройстве жизни балаклавцев произошли в 1810 г.: батальон был переведен в разряд военного поселения, особой административной единицы, подчинявшейся гражданским и

⁵⁰ По воспоминаниям Шишкиной во время обеда у командира батальона М. Манто, они ели «какую-то зелень с оранжевыми семенами, похожую на самую нежную капусту, и вкусных морских ершей: сами они невелики, но с преобладающими головами» // Шишкина О.П. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году. М., 1848. Том I. С. 175–177.

Знамя Греческого пехотного полка, 1779 г.

В 1779 году для Греческого пехотного полка были построены: 1 белое и 9 зеленых знамен, с изображениями: на одной стороне — золотого вензеля Императрицы, в зеленом венке, перевязанном, внизу, фиолетовою лентою, с надписью, золотыми буквами: «За Веру и Вольность», а на другой — золотого креста, окруженного серебряным сиянием, в виде двенадцатиугольной продолговатой звезды. В нижней половине сего сияния изображена золотом греческая надпись, одного содержания с предыдущею русскою, а выше ее поставлены четыре лтеры: Ι. Η. Ξ. Ι, имеющая значение (Иисус Назарянин, Царь Иудейский). Ширина знамен, по древку, и длина — 1 арш. 11 вершк.; древки темно-красные; кисти золотые; копыя вызолоченные, с двуглавым орлом, в середине.

военным властям. Этому решению предшествовал непростой этап аппаратной борьбы. Министр военно-сухопутных сил М.Б. Барклай де Толли, категорически настаивавший на ликвидации батальонов или их переподчинению МВД, был вынужден уступить под давлением влиятельного генерал-губернатора Новороссии герцога Ришелье⁵¹, чью позицию в конечном итоге поддержал

⁵¹ Ришелье Арман Эммануэль дю Плесси (1766–1822), в 1805–1814 гг. генерал-губернатор Новороссии, содействовал освоению края и развитию Одессы. В указанный период являлся еще Херсонским военным губернатором.

царь⁵². На заседании Комитета министров 9 ноября 1810 г. статс-секретарь Александра I П.С. Молчанов объявил окончательную волю государя: «чтобы означенные греческие батальоны не были исключаемы из военного ведомства, но были обращены в военные поселяне»⁵³.

Начало Русско-французской войны не принесло существенных изменений в деятельность греческого батальона, продолжавшего выполнять те же пограничные функции. В 1812 г. греки содержали кордоны по побережью Крымского полуострова — от города Севастополя до деревни Алушта на расстоянии 220 верст. По решению властей Таврической губернии, «некоторым нижним чинам» было позволено проживать в городах, однако все они, согласно донесениям своего начальства, умудрялись отбывать службу и содержать кордоны по южному берегу Крыма. Согласно месячному строевому рапорту командира батальона майора Ф.Ревелиоти от 1 февраля 1812 г., в нем, «на лицо», числились 6 штаб-офицеров, 42 обер-офицера, 88 унтер-офицеров и 297 рядовых нижних чинов (4 были отнесены в разряд «нестроевых»⁵⁴.

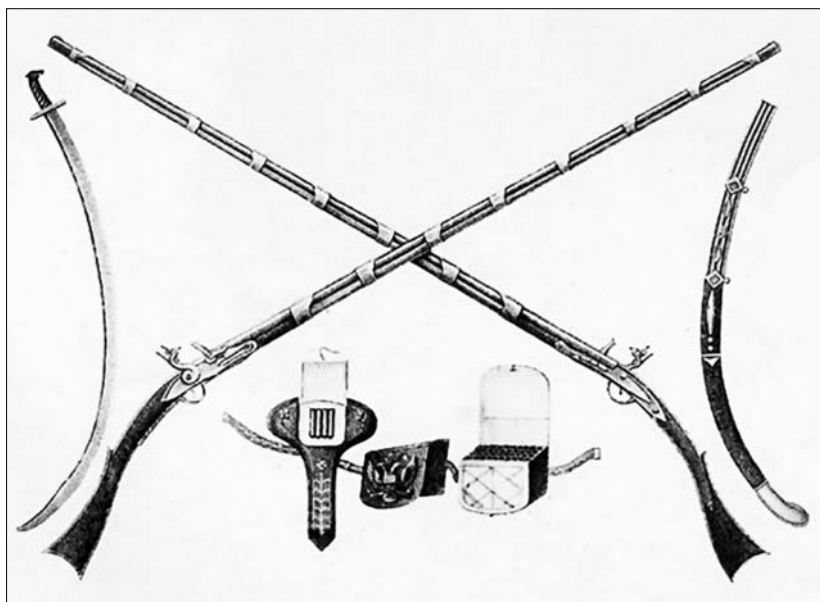
Структурно батальон состоял из трех рот, насчитывавших в среднем по 100 рядовых (рота «подполковничья», рота «вакантная» и рота «Васильева»). Первой командовал сам Феодосий Ревелиоти, второй — штабс-капитан Феофил Курчили, «из беломорских греков», третьей — поручик Христофор Васильев, уроженец «острова Мореи». Военнослужащие батальона располагали собственным «оружием разных калибров», а на каждого десятого человека полагалась «подъемная лошадь» для перевозки тяжестей, запасной провиант состоял из сухарей. Порох для учебных стрельб батальон получал от ахтырских артиллерийских гарнизонных рот.

Приведем краткие характеристики старших офицеров батальона. Его командир Феодосий Ревелиоти, «из дворян Мореи», родился в 1766 г. в г. Триполица, историческом центре Пелопонесса. Осенью 1787 г. он поступил на русскую службу прапорщиком на знаменитое судно «Минерва» гребной флотилии, которой командовал полковник Ламбро Качони. В 1797 г. Ревелиоти был переведен в

⁵² Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. Том XXXI. Приложение. СПб., 1830. С. 2–4.

⁵³ Албанские войска в России // Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1852. Том I. С. 217.

⁵⁴ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 65. Л. 2.

Оружие и амуниция

Балаклавский греческий пехотный батальон с «награждением капитанским чином», а с ноября 1809 г., после увольнения в отставку предыдущего командира, майора Христо Кирико⁵⁵, возглавил его (*Подробнее см. Приложение 1 и 2 к настоящей статье*).

Вторым по значимости среди обер-офицеров батальона значился капитан Иван Павлов сын Мина, 45 лет, «из греческих дворян города Загора». Поручиком в апреле 1789 г. он был зачислен на Средиземноморскую эскадру подполковника Ламбро Качиони, затем почти два десятилетия прослужил в Одесском греческом пехотном батальоне. В 1807 г. Мина участвовал в сражениях в Молдавии и Бессарабии, а с ноября 1807 г. по февраль 1809 г. командовал 9 лодками флотилии Галацкого отряда. В мае 1812 г. он был переведен в Балаклавский батальон⁵⁶.

⁵⁵ Майор Христо Кирико руководил батальоном с 19 марта 1803 г. по ноябрь 1809 г., вплоть до «дня увольнения в отечество» // ЗООИД, Том первый. Одесса, 1844. С. 238.

⁵⁶ Формулярный список о службе и достоинстве Балаклавского греческого пехотного батальона капитана, штабс-капитана и аудитора титулярного советника. Генваря 8-го дня 1812 года // Ф. 489. Оп. 1. Д. 66. Л. 5об.-6.

Следующим по старшинству был командир роты, штабс-капитан Феофил Александров сын Курчили, 54 лет, «из беломорских греков»⁵⁷. По Высочайшему приказу он был определен поручиком в 3 Чугуевский полк, в 1788 г. Курчили принимал участия в сражениях против Оттоманской Порты в Средиземноморье под командованием генерала-майора В.С. Томары. В 1799 г. по «высочайшему повелению отставлен от службы штабс-ротмистром», а в 1801 г. переведен в Балаклавский батальон.

Аудитором батальона был титулярный советник Федот Васильев сын Курина, 39 лет, «из малороссийских старшинских детей»⁵⁸. Он поступил на службу в Греческий полк сержантом-аудитором в 1790 г. В 1791 г. Курин служил на Черноморском флоте, где был в «кампаниях и сражениях». В 1804 г. он был назначен губернским секретарем, а в 1808 г. стал титулярным советником. За время долголетней службы в Балаклавском батальоне малоросс Федот Курин сроднился с греками: он не только научился говорить по-гречески и по-турецки, но и женился на гречанке Ирине Лугонской, сестре своего сослуживца — адъютанта батальона подпоручика Леонтия Лугонского. Леонтий Петров сын Лугонский, 41 лет, был из дворян Киевской губернии. Он начинал свою карьеру в гражданской службе регистратором, а в 1804 г. был определен в батальон прапорщиком⁵⁹.

Нельзя не сказать о командире еще одной роты, роты «Васильева», — поручике Христофоре Васильеве, сыне Васильева, 58 лет, с «острова Мореи из греков». В службу он вступил раньше других, в 1771 г. С 1771–1773 гг. сражался в Архипелаге, в 1774–1778 гг. уже был в Крыму «при усмирении татар», затем был во флотилии на Очаковском лимане и принимал участие в штурме крепости Очаков, а также «в Польше в армии в кампаниях против Франции в сражении был»⁶⁰. Добавим еще один штрих к биографии Васильева — он был отцом самого большого семейства из 8 душ. Его старший сын, Афанасий служил в том же батальоне, а дома командира роты ждали еще младшие дети — трое мальчиков и девочек⁶¹.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. Л 13.

⁶⁰ Там же. Л.9.

⁶¹ «У него жена Мария 34, сыны Афанасий, 21 в сем батальоне на службе, Михайла 10, Спиру 7, Костандин 5, дочери Зоица 19, Панаиота 14, Елена 2 лет» // Формулярный список о службе и достоинстве Балаклав-

Определенный интерес представляют формулярные списки еще нескольких офицеров — Афанасия Манияти, Христофора Треглазова и Михайлы Мавромихали. Поручик Афанасий Дмитриев сын Манияти, 41 лет, провел более десяти лет в турецких тюрьмах (!). Этот уроженец «острова Мореи из греков», вступил в русскую службу рядовым в 1782 г. во Средиземноморскую флотилию, принимал участие в сражениях под командованием Ламбро Качиони 6 и 7 мая 1790 г. с турецким и алжирским флотами. Был взят турками в плен и «в оном находился по 802-й г.». В 1810 г. он снова принял участие в военных действиях, находясь в составе десантной группы Черноморского флота «при берегах азиатских»⁶². Его антиподом в каком-то смысле был поручик Христофор Алексеев сын Треглазов, 55 лет, отсидевший больше года под судом «по сумнению в смертоубийстве» в 1806–1807 гг. Кроме этой сомнительной характеристики, бросавшей тень на честь офицера, стоит отметить, что Треглазов отличился при штурме крепости Очаков, за что был награжден золотым георгиевским крестом⁶³. Младшим офицером в батальоне служил и сын его первого командира Стефана Мавромихали, прапорщик Михаил Мавромихали. В его формулярном деле записано, что Михайла Степанов сын Мавромихали, 41 года, «греческой нации полуострова Мореи из дворян». Он поступил на службу в 1788 г. унтер-офицером, в 1790 г. сражался на эскадре Ламбро Качони, затем был определен в Одесский греческий пехотный батальон, участвовал в бесславном походе Черноморского флота к Трапезунду, а в 1811 г., по предписанию дюка Ришелье, зачислен в Балаклавский батальон «сверх комплекта»⁶⁴, то есть без жалования.

Важно отметить новую тенденцию в истории Балаклавского пехотного батальона, отчетливо проявившуюся к началу 1812 г.: военнослужащие-ветераны, записанные в графе «из архипелагских греков» постепенно умирали или выходили в отставку, а на их место приходило новое поколение греков, рожденных уже в Крыму. И, если среди офицерского и унтер-офицерского состава еще преобладали люди, начавшие свою службу в русской армии и во флоте еще во времена Архипелаг-

ского Греческого пехотного батальона поручиков за 1815-й г. Генваря 1 дня 1816 г. // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 68. Л. 131.

⁶² Там же, Л. 131об.-132.

⁶³ Там же, Л. 130 об.-131.

⁶⁴ Там же, Л. 110.

ских экспедиций в 1770–1789 гг., то уже среднее и молодое поколение было широко представлено «служительскими детьми» и «служительскими родственниками». Согласно Своду военных постановлений (статья 2693, Том II, образование военных учреждений), батальон, по мере убыли людей, комплектовался из греков, населявших Балаклаву и обращенных в военных поселян, а также их детей в порядке очередности. В виде исключения разрешалось отбывать воинскую повинность за очередника, который был обязан внести определенную плату, желающему вместо него нести службу. В военное время, все принадлежащие к составу батальона, в том числе, находившиеся в резерве, становились под ружье⁶⁵.

Особенно большое пополнение личного состава произошло в период с 1809–1812 гг., когда в батальон влилось много 20–30-ти летних солдат — 95 человек. К 1812 г. они составляли примерно треть всех нижних чинов. В 1812 г., к примеру, на службу поступил рядовой Бамбука Яни Федоров, «из служительских детей», отец будущего героя Крымской войны, получившего три Георгиевских креста за воинскую отвагу, Георгия Бамбуки. Среди них были и представители других национальностей. Кроме уже упомянутого «малоросса» Курина, в списке батальона фигурирует некий Ивани Петро сын Иванов, «из молдован», женатый «на гречанке Марии»⁶⁶, унтер-офицеры Алберт Ефим Егоров «из выкрещенных турок»⁶⁷, и Афанасьев Манойла Афанасьев, 32 лет «из болгар»⁶⁸. В то же время между военнослужащими батальона продолжал сохраняться существенный разрыв в возрасте. Так самым старым в батальоне являлся поручик Ставриян Ятрудаки, которому в 1813 г. исполнилось 79 лет (!)⁶⁹, а самым молодым был 17-ти летний Илья Петров Ламбрино, из «служительских детей», поступивший на службу в июле 1811 г.⁷⁰

⁶⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том XI. Ч.2. Таврическая губерния. СПб., 1849. С. 38–39.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 65. Л. 39.

⁶⁷ Краткий именной список по алфавиту Балаклавского Греческого пехотного батальона нижним чинам за 1812 г. Генваря 1 дня 1813 г. // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 66. Л. 20 об.

⁶⁸ Там же. Л. 18 об.

⁶⁹ Формулярный список о службе и достоинстве Балаклавского Греческого пехотного батальона поручиков // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 66. Л. 8.

⁷⁰ Там же. Л. 52.

Таблица 1. *Офицеры*

Звание	Возрастная группа	Кол-во военнослужащих
капитаны	45–54	2
поручики	52–79	5
подпоручики	38–60	6

Таблица 2. *Унтер-офицеры и рядовые*

Звание	Возрастная группа	Кол-во военнослужащих
Унтер-офицеры и капралы	40–70	111
	18–40	16
Рядовые	50–72	124
	30–50	13
	17–30	130
	Всего	394

В 1812–1813 гг. батальон располагался на «временных квартирах» в Симферопольском уезде на расстоянии шести верст от своей «штаб-квартиры» в Балаклаве⁷¹ в деревнях: Кадыкой, Карани, Комарах, Керменчике, Лаках и Алсу. В окрестностях этих деревень были расположены земли, выделенные в свое время балаклавцам⁷². Так что, в какой-то мере, они охраняли и собственное имущество. До первой половины 1812 г. греки находились в распоряжении командира 13-й пехотной дивизии генерал-майора Гангеблова, затем их перевели под контроль гражданской администрации Таврической губернии. Временная перемена субординации была связана с решением целого ряда социально-политических задач: во-первых, надзором за крымскими татарами, во-вторых, организацией карантинного оцепления во время эпидемии чумы, вспыхнувшей в Новороссии в конце 1812 г.

Отдельно стоит остановиться на эпизоде, который до сих пор в исторической литературе преподносится как «бунт» татар. В такой трактовке он возник под пером Н.Сафонова, создавшим первое полноценное описание истории Балаклавского батальона. По словам Сафонова, в 1812 г. майор Ф.Д.Ревелиоти⁷³ с небольшим числом греков разогнал в Байдарской долине мятежных татар, «ослепленных обманчивыми и пустыми надеждами» в связи с вторжением наполео-

⁷¹ Там же. ЛЛ. 3.об. – 4.

⁷² *Щавшин В.* Балаклава. Симферополь, 1994. С. 20.

⁷³ Генерал-майор Феодосий Ревелиоти был командиром Балаклавского пехотного батальона с 20.10.1809 г. по 3.02.1831 г. // *Сафонов С.* Указ. соч. С. 238 (согласно формулярным спискам Ревелиоти был назначен батальонным командиром не в октябре, а ноябре 1809 г. — С.П.).

новской армады в Россию, «многих из них предав в руки правосудия и положив конец возникшим беспорядкам»⁷⁴. Сафонову вторили и другие авторы. К примеру, Олимпиада Шишкина считала, что крымские татары, «забыв благодеяния русских государей, по вражде к христианам, вздумали отложиться от России»⁷⁵. Подобное толкование событий, вызывающее ассоциации о каком-то масштабном партизанском сопротивлении в тылу русских войск и соответствующих карательных акциях со стороны властей, до сих пор встречается в трудах современных исследователей. Но так ли было на самом деле? Есть все основания усомниться в версии Сафонова и его последователей.

В терминологии XIX в. любые действия, направленные на сопротивление власти, по законам, изданным еще Петром Великим, определялись как бунт и нарушение установленного социального порядка. В реальности «бунтом» было названо дело № 119 за 1813 г. канцелярии Таврического губернатора «О сопротивлении горских татар при наборе ратников в силу высочайшей воли для укомплектования Симферопольского, Феодосийского и Перекопского полков» (ныне Ф. 26 и Ф. 27 Государственного архива Крыма)⁷⁶. Череда войн, следовавших одна за другой, опустошили Таврическую губернию. Край обезлюдел, торговля практически прекратилась, коммуникации из-за эпидемии чумы с остальной частью России были нарушены. В этих условиях объявленный властями дополнительный набор ратников для доукомплектования четырех конных татарских полков, вызвал серьезное социальное напряжение в наиболее зажиточных татарских волостях Симферопольского уезда — Актачинской, Мохолдурской и Чоргунской.⁷⁷ Ситуация усугубилась еще и тем, что добровольно-принудительный набор был объявлен посреди сезона сбора урожая в губернии, пережившей несколько неурожайных лет, крайне холодную зиму и засушливое лето⁷⁸.

Подчеркнем, что татары были основной тягловой силой экономики Таврической губернии. Кроме бремени текущих налогов и податей, они выставляли ратников, оплачивали содержание почт и

⁷⁴ Сафонов С. Указ. соч. С. 230.

⁷⁵ Шишкина О.П. Заметки и воспоминания русской путешественницы... С. 168–169.

⁷⁶ Маркевич А.И. К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов. Исторический очерк // ИТУАК. Симферополь, 1913. Т. 49, С. 82.

⁷⁷ Там же. С. 75.

⁷⁸ Скальковский А. Хронологическое обозрение Истории Новороссийского края 1730–1823. Одесса, 1836. Ч. 2. С. 227–230.

карантинов, отбывали земские повинности, несли караулы, предоставляли квартиры и топливо для проходящих войск, неоднократно жертвовали денежные средства для ополчения. Татары справедливо негодовали, что «в прошлом году они принесли государю большое денежное пожертвование, а крымское дворянство, не следуя им в этом случае, вместо денежного пожертвования, предоставило лишь себя для защиты России», но государь своим манифестом исключил Таврическую губернию от формирования ратников. Под круговой порукой татары поклялись «ни в каком случае не давать ратников, хотя бы пришли к ним войска», усматривая в действиях местных властей самоуправство и желание выслужиться перед Петербургом⁷⁹. 7 июня 1813 г. через своих выборных они подали петицию губернатору Бороздину, в которой, указывая на свое бедственное положение, просили освободить их от сбора ратников⁸⁰. Два человека, явившиеся к губернатору с посланием, были посажены им в тюрьму.

Попытки Бороздина лично и через мусульманское духовенство увещевать татар не дали желаемого результата, а наоборот, вызвали обратную реакцию. «Бунтовщики дошли до такого буйства, — указывал А.М. Бороздин в своем рапорте на имя Ришелье, — что угрожали жечь дома тех, кто не явится в их скопище»⁸¹. В качестве превентивных мер, чтобы «предупредить распространение этого зла со стороны этих весьма опасных людей», губернатор срочно вытребовал из Севастополя войска. В этой полицейской операции приняли участие один батальон 4-го морского полка, несколько рот Галицкого пехотного полка, рота Балаклавского греческого батальона и казаки Черноморского войска. Шесть рот морского полка вместе с двумя ротами Галицкого, переправившись через Северную бухту, пошли маршем на Бахчисарай, а «остальные две роты с присоединением албанцев из Балаклавы — мимо Чоргуна, деревни Шулю, Каралез и Буюк-Сюрен, тоже к Бахчисараю»⁸².

Таким образом, район волнений — Бахчисарай и Байдарская долина — были окружены. Принятые решительные меры и, главное, быстрый приход войск охладил пыл татар. Уже к началу июня Бороздин доносил Ришелье, что «неприятная сия история кончилась успешно», а главные зачинщики неповиновения (14 человек) были

⁷⁹ Маркевич А. Указ. соч. С. 73–74.

⁸⁰ Прощение жителей Мухулдурской волости Таврическому губернатору. // Там же. С. 81–82.

⁸¹ Маркевич А. Указ. соч. С.75.

⁸² Там же. С. 77.

отправлены в Симферополь в тюрьму⁸³. Остальные участники дела находились по месту жительства под надзором. Все они были амнистированы в 1814 г. в силу «высочайшего манифеста». О мало-значительности этого эпизода для боевой истории Балаклавского греческого пехотного батальона говорит и отсутствие упоминания о нем в формулярных делах Ревелиоти и других военнослужащих батальона за 1813–1816 гг.

Кроме «усмирения» татар, Балаклавский греческий батальон оказал действительно важную услугу во время вспыхнувшей в 1812 г. вспышки чумы, содержа в исправности протяженную цепь карантинных кордонов от Севастополя до Судака «на расстоянии 218 верст». Организация и проведение мероприятий по предупреждению и ликвидации чумы стала самой главной задачей для герцога Ришелье, обротившего «весь край в целый ряд строгих карантин»⁸⁴. Тем более, «по общему недостатку в войсках», выполнение подобной задачи было «сопряжено с большими затруднениями».⁸⁵ О том, что карантинная служба была не из легких, свидетельствует рапорт Ф. Ревелиоти от 6 июля 1813 г. в инспекторский департамент Военного министерства, в котором он объяснял задержку со своевременным представлением регулярных данных о батальоне за 1812 год ссылкой на сложные «карантинные обстоятельства в Крыму».⁸⁶ Только за 1812 г. от различных болезней умерло 13 военнослужащих батальона, а один из солдат во время дежурства, сорвался в пропасть и погиб в районе Камышовой бухты.⁸⁷ В целом же 1813 г., по выражению Сафонова, первого летописца Балаклавского батальона, прошел спокойно⁸⁸.

26 апреля 1814 г. с разрешения военного министра структура батальона была доведена до четырех рот. В ее состав поступили, «как прежние выходцы из Архипелага, так и другие греки, приписавшиеся к батальону». Как представляется, это решение было принято вовсе не из-за «недостатка нижних чинов» в батальоне. В нем числилось достаточное количество сверхкомплектных офицеров, унтер-офицеров и нижних чинов. А с 1806 г., как мы показали, начался плановый процесс обновления и ротации личного состава. Увольняли в отставку по представлению батальонного командира

⁸³ Там же. С. 80.

⁸⁴ Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1730–1823. С. 221.

⁸⁵ Сафонов С. Указ. соч. С. 230–231.

⁸⁶ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 66. Л. 126.

⁸⁷ Там же. Л. 125.

⁸⁸ Сафонов С. Указ. соч. С. 232.

по предписанию Инспекторского департамента военного министерства, а зачисляли «на место уволенных и исключенных из батальона того же числа в отставку нижних чинов». Так, 1 января 1814 г. в батальон прибыло 38 человек: 1 подпоручик (Аргирий Дракопуло) и 37 рядовых, а убыло 45 унтер-офицеров и 25 рядовых⁸⁹. В следующем, 1815 г., список Балаклавского Греческого пехотного батальона пополнился еще 3 офицерами и 25 рядовыми, а убыло 5 унтер-офицеров и 14 рядовых⁹⁰.

Основная причина формирования четвертой роты, как мы полагаем, была связана с попыткой военных и гражданских властей Новороссии решить судьбу одесских греков. Еще в 1806 г. дюк Ришелье полагал «лучшим и полезным» присоединить Одесский батальон к Балаклавскому, но с началом активной фазы Русско-турецкой войны, в которой участвовали одесситы, этот вопрос отошел на задний план. К 1814 г. ситуация с Одесским греческим пехотным батальоном обострилась. За семь лет службы на Дунайской флотилии при крепости Килии, где военнослужащие батальона тянули лямку на брандвахтенных постах, его численность сократилась вдвое. Вынужденное бездействие и плохие климатические условия (болотистая местность т.п.) оказывали деморализующее воздействие на нижних чинов. Только за год в Измаильском морском лазарете от «горячки, цынготной, венерической» болезнью умерло 9 рядовых и унтер-офицеров, участились и случаи дезертирства: с февраля 1813 по август 1813 г. из батальона сбежало 14 человек, а в первой половине 1814 г. еще два унтер-офицера⁹¹.

Батальон таял на глазах. От 165 нижних чинов, состоящих на службе в 1807 г., в 1814 г. осталось только 39 унтер-офицеров и 41 рядовой. Таким образом, на одного офицера приходилось всего два рядовых. Понимая неизбежность распада этой воинской части, герцог Ришелье инициировал перевод в Балаклаву наиболее дееспособных офицеров. Например, в 1813 г. в Балаклавский пехотный батальон по его решению были переведены подпоручик Дмитрий Егоров, «из греческой нации города Константинополя», выпускник Корпуса чужестранных единоверцев и его сослуживцы подпоручики Афанасий Маларов и Михайла Мавромихали⁹². Логическим завершением этого процесса стал указ об оконча-

⁸⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 68. ЛЛ. 120–122.

⁹⁰ Там же. Л. 150 об.

⁹¹ Там же. ЛЛ. 64–64 об.

⁹² Там же. ЛЛ. 133 об.–134.

тельном расформировании Одесского греческого пехотного батальона в 1819 г. (по причине того, что «имея весьма малое количество нижних чинов, не приносит для службы никакой пользы») и присоединении его бывших военнослужащих к Балаклавскому пехотному батальону⁹³.

Еще одной вехой в истории Балаклавского батальона в первой четверти XIX в. стал приезд в Крым, в 1818 г. императора Александра I. Новый начальник Новороссийского края граф Ланжерон представил записку о нуждах батальона. С самим батальоном царь непосредственно ознакомился в Бахчисарае, где brave балаклавцы содержали караулы. Вскоре последовал Высочайший указ на имя начальника Главного штаба, генерал-адъютанта князя Волконского, в котором предписывалось улучшить содержание батальона «во внимание, с одной стороны, к военным заслугам, коими батальон сей издавна отличается, а, с другой, к той пользе, которую он приносит, содержа постоянно по берегу Черного моря кордонную стражу на значащем пространстве Крымского полуострова»⁹⁴. Грекам были отведены дополнительные 14,512 десятин земли, повышено жалование штаб- и обер-офицерам, установлено содержание вдовам и малолетним детям умерших военнослужащих, учреждено отделение Военно-сиротской школы для детей офицеров и нижних чинов. Кроме того, царь разрешил грекам заниматься коммерцией.

С этого момента, по словам С.Сафонова, Балаклавский батальон получил свое «законченное устройство и соответствующее назначение».

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. «Формулярный список о службе и достоинстве Греческого пехотного батальона подполковника Феодосия Дмитриева сына Ревелиоти»⁹⁵

Генваря 12-го дня 1813 г.

Чин Имя с отчеством и прозванием:

Подполковник; батальонный командир

Феодосий Дмитриев сын Ревелиоти

⁹³ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXXVI. 1819 г. СПб., 1830. С. 203.

⁹⁴ Там же. Том XXXV. 1818 г. СПб., 1830. С. 545–546.

⁹⁵ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 66. ЛЛ. 2–4.

Сколько от роду лет

48

Из какого состояния будет из дворян в которых губерниях и уездах сколько имеет мужского пола душ крестьян:

Острова Мореи из дворян

В службу вступил и в оной какими чинами происходил и когда:

Чины

В службу прапорщиком 787 октября 20 в Средиземном море с Гребной флотилии

Поручиком 791 мая 20

Капитаном 797 генваря 31. Из оной по переводу поступил в сей Батальон с награждением капитанского чина

Майором 808 августа 27 В сем батальоне

Подполковником 812 февраля 10

Во время службы находился в походах и делах против неприятеля где и когда был:

Находясь в команде командира флотилии г-на полковника Ламбро Качони на судне «Минерпа» сперва в Архипелаге во время прошедшей с Портою Оттоманской войны, 788 июля 13-го в сражении с турецким судном под островом Занте — которое пленили, с августа 20-го в сражении с турецкой флотилией между островами Родос и Спарпафтос 789 апреля 8-го на том же судне отправился в Средиземное море Маия 6-го в сражении с турецким флотом под островом Тино, октября 12-го в сражении с двумя Турецкими Ескадрами под островом Тасом, 790-го года в море с мая 6-го и 7-го и числе в сражении с турецким и алжирскими флотами между островами Андрос и Ипадора⁹⁶, где получил рану в голову саблею во время абордажа; 807-го года во время бывших в Крыму военно-политических обстоятельств употреблялся в оные по препорученностям г-на адмирала и кавалера Маркиза Детраверсе, и сверх того по повелению г-на генерал-лейтенанта Пущина 1-го имел в распоряжении своем все состоящие по южному берегу Черного моря от Севастополя до города Феодосии кардоны и все посты; и напоследок 1810-го года сентября с 28-го по повелению бригадного командира 13-й дивизии в Крыму расположенных генерал-майора Гангеблова отправился с двумя обер-офицерами и тридцатью тремя человеками нижних военно-служителей Балаклавскаго Греческаго Батальона на флоте Черноморском.

⁹⁶ Ипадора — предположительно это мыс Кафиреас или Каво д'Оро (остров Эвбея).

На нем прибывши к анатолийским берегам под город Платан где по распределению сухопутных войск бывших на флоте для десанта г-ном генерал-майором Панчулидзевым 1-м по поручению коего октября 17-го дня отправился с препорученным отрядом для десанта гребными судами на анатолийский берег к Платану, где с всевозможною поспешностью сошедши на берег выгнал неприятеля из закрытых кустарниками скрытных лажементов, и поражая оного невзирая на превосходную силу коего было более четырех тысяч человек, напал на неприятельскую батарею из трех пушек состоящую, сбил с оной неприятеля при нападении (и овладевшую) на оную заклепал(и) пушки, при взятии которой батареи ранен двумя пулями в правый бок и одною в правую руку, потом возвратившись с флотом в Севастополь 29-го октября и прибыл к Батальону.

Российской грамотой читать и писать и другие науки знает ли:

Грамоте по-русски и гречески читать и писать и часть арифметики знает

В домовых отпусках был ли и когда именно на какое время и какого срока:

Не был

В штрафах был по суду или без суда за что именно и когда:

Не был

Холост или женат имеет ли детей:

У него жена Анна Мария 31-го года дочери Елена 10 Аспасия 3-х

В комплекте или сверхкомплекта при батальоне или в отлучке где именно по чему повелению и с какого года находится:

В комплекте при батальоне и налицо.

2. «Об увольнении от службы за ранами командира Балаклавского греческого пехотного батальона, генерал-майора Ревелиоти с следующими ему по положению наградами; о пожаловании сверх того земли 1800 десятин, и о назначении на сею место командиром того батальона Майора Качиони»⁹⁷

23 октября 1830 г. № 83407.

По III Отделению инспекторского департамента Главного Штаба его императорского величества.

Генерал-майор Ревелиоти, из дворян полуострова Мореи города Триполици, состоит в вечном России подданстве, в службу вступил:

⁹⁷ РГВИА. Ф. 395. Оп. 136. Д. 294. ЛЛ. 7–10.

Прапорщиком	787 октября 20	В Средиземном море в Гребной флотилии
Поручиком	791 мая _	
Капитаном с переводом	797 января 31	В Балаклавском Греческом пехотном батальоне
Майором	808 августа 27	
Батальонным командиром	809 ноября 22	
Подполковником	812 февраля 10	
Полковником	818 мая 18	
Генерал-майором	829 июня 25	

Всего в службе и в офицерских чинах состоит 42 года и 11 ½ месяцев.

В настоящем чине генерал-майора 1 год и 3 ½ месяцев.

Был в походах в 787, 789, 790, 807 и 810 противу турок; в 790 ранен в голову саблею, и в 810 двумя пулями в правый бок и получил контузию пулею в левую руку.

В штрафах и под судом не был.

К повышению аттестуется достойным.

От роду ему 65 лет.

Имеет ордена Св.Георгия 4-го класса, Св. Владимира 4 степени и Св. Анны 2-й степени с алмазами, пожалованные ему первые двое за выслугу лет и последний за отличное усердие по службе, сверх сего в 1810 г. пожаловано на лечение ран 1000 руб.

Окладного жалованья получает по 1800 руб. и столовых по 500 руб. в год. Справка по Уставу 6-го декабря 1827 г. воинские генерал-майоры, получающие сверх жалования столовые деньги и прослужившие более 35 лет получают в пенсион полный оклад 2-го разряда, то есть по 3 т. руб. в год. Высочайшим повелением в августе 1829 г. назначено: всем тем увольняемым от службы генералам и штаб-офицерам, как пользовались на службе жалованием и столовыми деньгами, и имеют право на пенсии, определенные в расписании при уставе изданном, но по их жалованье и столовые деньги на службе составляют менее окладов значащихся по тому расписанию, давать пенсии не по расписанию, а по мере оклада и жалования и столовых денег производимых каждому.

На сем основании генерал-майору Ревелиоти, при увольнении от службы, следует пенсия по 2300 руб. в год и мундир о награждении же его испрашиваемую землю представляется на благоусмотрение.

Дежурный Генерал (подпись неразборчива).

Ар.А. Улунян
(Москва)

26 СЕНТЯБРЯ 1854 г.
(ГРЕЧЕСКИЕ ЗАЩИТНИКИ БАЛАКЛАВЫ
В БРИТАНСКОЙ МЕМУАРИСТИКЕ)¹

Британская историография Крымской войны (1853–1856) имеет давнюю традицию, а само направление исследований, посвященных изучению участия Англии в этой военной кампании и в целом международным отношениям накануне и в годы «Русской войны», как она нередко называется, продолжает оставаться одним из наиболее актуальных. Примечательным в данном контексте является и то, что появление отдельных работ по данной теме сопровождается оживленной дискуссией, как в научных английских изданиях, так и СМИ.

Публикация осенью 2010 г. 608-страничного исследования профессора колледжа Бёрбек (Birkbeck College) Лондонского университета, специалиста по российской истории Орландо Файджиза (Orlando Figes) под названием «Крым: последний крестовый поход»² привлекала внимание. Она обсуждалась в исключительно жесткой тональности историками (часть из которых вообще категорически заявила об отказе от написания рецензий на работу) и публицистами, а в отношении самого автора, ввиду его активной деятельности, направленной на популяризацию своего труда с использованием неприемлемых для научной дискуссии методов, предпринимались попытки судебного преследования³. Вопреки распространенному и утвердившемуся в мировой научной традиции взгляду на Крым-

¹ Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нация и государство в мировой истории».

² *Figes O. Crimea: The Last Crusade*. London, 2010

³ О полемике вокруг книги см. рецензии в: *Crimea: The Last Crusade by Orlando Figes: review Was it a religious conflict or a strategic one, an old-fashioned campaign or a modern one?* Noel Malcolm praises Orlando Figes's *Crimea*, a masterful untangling of a misunderstood war. By Noel Malcolm//*The Telegraph*, 3.10.2010; *Macqueen A. Orlando Figes's study of the Crimean war is assured. But even he is unable to explain the purpose of the battle*//*The Observer*, 10. 10. 2010; *Crimea: The Last Crusade by Orlando Figes — review. Orlando Figes's history of the Crimean conflict is splendid. By David Hearst*// *The Guardian*, 30.10. 2010.

скую войну («Восточную войну» в русскоязычной версии, принятой и О. Файджилом, отказавшимся от использования британского термина «Русская война»), автор характеризует ее как религиозную войну между французским католицизмом и русским православием⁴.

Исследования Крымской войны приобрели в Великобритании организационную форму в виде существующего с 1983 г. «Общества по изучению Крымской войны» (Crimean War Research Society (CWRS), издающего собственное научное периодическое издание (журнал «The War Correspondent») и имеющего собственный интернет-ресурс (<http://cwrs.russianwar.co.uk/>). Значимость событий этой войны не только как части британской политической и военной истории, но и семейной, имеющей отношение к сохраняющей популярность в части британского общества генеалогии, нашла свое отражение в существовании постоянно действующего специального электронного ресурса «Форума Крымской войны» (Crimean War Forum — <http://genforum.genealogy.com/crimeanwar/>), на котором его участники достаточно часто обращаются к семейной истории, так или иначе связанной с «Русской войной».

В определенной степени это является продолжением складывавшегося еще в период боевых действий, а также после окончания войны особого направления британской историографии, посвященной событиям 1853–1856 гг., и принявшей форму мемуаристики. Ее характерными особенностями стали широкий социально-профессиональный спектр авторов и различный по своему масштабу пространственно-хронологический контент оставленных ими публикаций. Доминирование материалов военно-политического, этнографического и социально-бытового характера в воспоминаниях известных британских политиков, высших военных чинов, а также рядовых очевидцев и участников Крымской войны позволяют обратиться и к сюжетам, касающимся участия в вооруженной борьбе представителей конкретных этнических групп, проживавших на территории Крыма, ставшего одним из театров боевых действий. К их числу относились греки Крыма, во многом находившиеся под влиянием событий на Балканах и в самой Греции, в течение короткого времени фактически участвовавшей на началь-

⁴ Этот аспект особо подчеркивался в рецензии американско-британской писательницы, историка и биографа А. Формэн в: *Crimea: the Last Crusade* By Orlando Figes. Reviewed by Amanda Foreman // *New Statesman*, 28.10.2010.

ном периоде войны против Османской империи и стремившейся освободить Эпир, Македонию и Фессалию, но, в конечном счете, вынужденной отказаться от этого под нажимом Британии, Франции, а затем и Австрии.

Описание так называемого греческого следа в событиях Крымской войны именно в контексте участия местных греков в боевых действиях в составе русской армии против сил союзников имело иногда исключительно драматичный характер, что, например, нашло свое место в воспоминаниях — Джеймса Генри Скинии (James Henry Skene) (1812–1886), выходца из известной шотландской семьи, британского путешественника и дипломата — генерального консула в Алеппо (1855–1877) и автора ряда работ по этноконфессиональным проблемам Балканского полуострова, Османской империи⁵. Уже описывая события зимы 1855 г., он сообщал о некоем морском офицере, командовавшем подразделением, состоявшим из матросов, греческих добровольцев и четырех батальонов солдат⁶. Среди трагических моментов войны, очевидцем которых он был, Скинии отмечал в своих воспоминаниях и такой: «Капитан Браун... был застрелен командиром греческих добровольцев, которого тут же закололи бойцы подразделения английских фузилёров»⁷. Событие, лишь упоминавшееся Скинии, в действительности расценивалось российскими современниками как одно из значимых, вошедших в историю под названием «дело Камчатки», в котором себя и проявил капитан-лейтенант Л.И. Будищев⁸.

⁵ Skene J. H. The three eras of Ottoman history, a political essay on the late reforms of Turkey, considered principally as affecting her position in the event of a war taking place. London, 1851; *он же*. Anadol: the Last Home of the Faithful. London, 1853; *он же*. The Frontier Lands of the Christian and the Turk, Comprising Travel in the Regions of the Lower Danube in 1850 and 1851. London, 1853.

⁶ Skene J. H. With lord Stratford in the Crimean war. London, 1883. P. 202.

⁷ *Op. cit.* P. 203.

⁸ Автор выражает искреннюю благодарность исследователю, потомку одного из греческих защитников Севастополя С. Пинчуку-Галани за ценную информацию об этом событии и выявленные данные о Л.И. Будищеве. В частном письме автору данной статьи от 2.02.2013 г. С. Пинчук-Галани писал по поводу произошедшего: «"Морской офицер" — это капитан-лейтенант Л.И. Будищев, дело, описываемое Скинии — это "дело Камчатки", сражение у Камчатского люнета в ночь с 10–11 марта, греки — волонтеры из Легиона Императора Николая I. Сегодня мы можем более или менее достоверно определить, кто был тем самым "командиром греческих добровольцев", заколотом

Широкое участие греков Крыма в боевых действиях в составе русской армии способствовало распространению слухов о греческом происхождении русских офицеров, известных среди союзников своим мужеством и удачливостью при проведении боевых операций. Так, в частности, в воспоминаниях Дж. Скинии приводится британская версия происхождения и продвижения по службе командира «пароходофрегата» «Владимир» Григория Ивановича Букатова. Это нашло свое отражение в утверждении о том, что Букатов был греком по фамилии Вукатос (Vukatos), которая была, затем русифицирована в форме Букатов (Boukatof), а сам капитан был назначен командиром «Владимира» за мужество, проявленное в предыдущих сражениях. Тактика командира фрегата, как она описывалась Дж. Скинии, заключалась, помимо прочего, в маскировке корабля под гражданское судно, плавающее под австрийским флагом и носящее название «Arciduca Giovanni». В соответствии с этой версией Букатов останавливал все корабли в Босфоре, проверял их документы, а в случае, если они везли провизию и уголь союзным войскам, то перехватывал их и препровождал а Севастополь. С началом блокады города флотами союзников антирусской коалиции, он смог прорваться, встав на рейд в Карантинной бухте, и ударить по противнику»⁹.

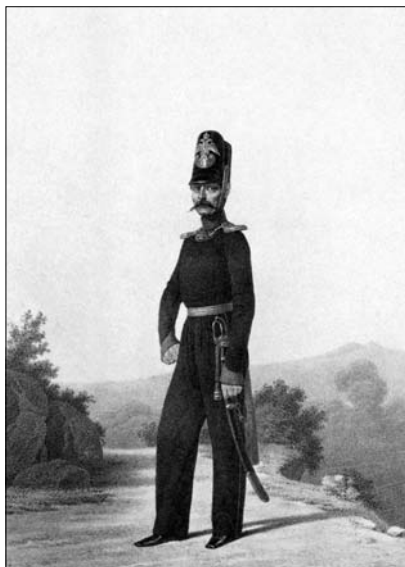
Особое место в «греческой теме» занимает Балаклавский греческий пехотный батальон, и, прежде всего, одно из его подразделений во главе с полковником Матвеем Афанасьевичем Манто (Мантосом)¹⁰, активно действовавшего при обороне Балаклавы. Боевые

фузильерами. Всего в этом ночном сражении, кстати говоря, одном из самых крупных за время обороны Севастополя, погибло 8 греков. Среди них было три командира: капитан Дмитрий (Димитриос Фитас), уроженец Калаврии (Пороса), лейтенант штаба легиона Хараламбос Спилеопулос, фельдфебель пятой роты легиона Евстафийс Вандорос, который повел в бой остатки 5 роты. Фитас (Фита, в русской транслитерации) был, согласно рапорту, ранен пулей навывлет и позже умер от ран. Соответственно, речь идет либо о Спилеопулосе, либо о Вандоросе». — Письмо С. Пинчука-Галани Ар. Улуныну. 2.02.2013 г. (архив автора). С любезного разрешения С. Пинчука-Галани в виде приложения к данной статье публикуется обнаруженный им документ об описываемом Скинии событии.

⁹ Skene J. H. With lord Stratford in the Crimean war. P. 338, 339.

¹⁰ Подробнее об этой боевой части, истории её создания и деятельности в: *Кибовский А.В.* «Их форма, оружие и строевая подготовка были более чем удовлетворительны...» Балканские славяне на службе в русской армии и флоте. 1803–1859 гг. // Военно-исторический журнал. 2008, № 8; *Кондараки В.* Универсальное описание Крыма. В память столетия

действия осенью 1854 г. развивались в Крыму явно не в пользу русской армии, и после сражения на р. Альма 8 (20) сентября 1854 г. с войсками Великобритании, Франции и Османской империи, части русской армии были вынуждены отступить в район Севастополя, что давало возможность продвижения сил союзников в сторону другого, важного со стратегической точки зрения, военно-морского пункта — Балаклавы. Замысел британского командующего генерала Фицроя Раглана заключался в том, чтобы захватить город с суши, так как по его данным, он фактически не был подготовлен к обороне.

Обер-офицер

Ночью 13 (25) – 14 (26) сентября 1854 г. передовые британские отряды подошли к Балаклаве, но были неожиданно для них и вопреки имевшимся сведениям об отсутствии каких-либо препятствий, обстреляны утром 26 сентября со стороны старой генуэзской крепости из стрелкового оружия и мортир. Эти действия были предприняты укрывшейся в развалинах ротой Балаклавского греческого пехотного батальона под командованием его командира полковника Манто, в распоряжении которого находилось всего около 130 бойцов. Две другие роты этого батальона в это время дислоцировались в Одессе.

В соответствии со сложившейся в российской историографии традицией доминирующей версией событий стал нарратив: ожесточенное сопротивление защитников Балаклавы заставило британское командование изменить свой первоначальный план и прибег-

присоединения Крыма. СПб., 1875. Т. 4.; Сакович А. Обмундирование, вооружение и снаряжение Балаклавского греческого пехотного батальона в период Крымской войны. Опыт военно-исторической реконструкции// Military Крым. Военно-исторический журнал. 2012, № 4. Специальный выпуск; Αγγελίδης Σ., Αγγελίδης Ο. Η ιστορία του ελληνικού τάγματος πεζικού της Μπλακλάβας της Κριμαίας 1774–1860. Με σύντομη ιστορία του ελληνισμού της Κριμαίας. Θεσσαλονίκη, 2004.

нуть к помощи вошедших в бухту кораблей, а перекрестный огонь сухопутных британских подразделений и судовых орудий привел к гибели, как наступавших с суши английских солдат, так и членов экипажей британских военных судов. В российской версии изложения канвы событий подразделение Манто сдерживало наступление превосходящих сил британцев силой в один корпус на протяжении более шести часов, но, в конечном счете, было вынуждено прекратить огонь из-за отсутствия боеприпасов. Часть военнослужащих роты во главе с раненым полковником Манто и командиром роты капитаном Степаном (Стефаном) Михайловичем Стамати оказались в плену, а другая их группа смогла уйти в горы.

Как попытка обороны Балаклавы 14 (26) сентября 1854 г., которая в конечном счете была захвачена союзными силами, так и другое событие — Балаклавское сражение 13 (25) октября 1854 г., в ходе которого 93-ий шотландский пехотный полк, выстроившись в шеренгу по два на широком фронте, противостоял в виде цепи наступлению русской кавалерии, вошли в историю и оценивались участниками, а также очевидцами по-разному. Балаклавское сражение оказалось увековечено в британской языковой традиции в виде выражения, приобретшем нарицательное значение. Построение 93-го полка, получившее условное название «тонкая красная полоса» (изначально дословно у автора этого определения британского корреспондента газеты «The Times» Уильяма Говарда Рассела (William Howard Russell, 1820–1907) это звучало как «thin red streak tipped with a line of steel»¹¹, позже в английском языке использовалось уже модернизированное выражение «thin red line») по цвету мундиров британских военнослужащих, обрело форму политического термина, служащего для обозначения стойкости. Более того, это выражение стало использоваться и в англоязычной традиции США, применительно к полицейским силам¹². Однако однознач-

¹¹ «Тонкая красная полоска, оцетинившаяся линией стали».

¹² См. пресс-релиз выступления американского президента Б. Клинтона 12 мая 1999 г.: «Since 1994, the COPS program has funded 99,000 new police officers, over half already on the beat. Today I am pleased to announce the latest COPS grants — over \$96 million for nearly 1,500 police officers in more than 500 communities. This will bring us to over 100,000 community police officers funded, ahead of schedule and under budget. And I thank you for all of your efforts in that regard. (Applause.) In making America's thin blue line thicker and stronger, our nation will be safer...» // The White House. Office of the Press Secretary. Remarks by the President at 21st Century Crime Bill Unveiling. The Rose Garden. May 12, 1999. — <http://clinton2.nara.gov/WH/New/html/19990512a.html>

ная оценка Балаклавского сражения в британской мемуаристике резко контрастировала с описанием действий отряда полковника Манто накануне взятия Балаклавы.

Официальная российская версия событий 26 сентября 1854 г. была дана в изданной уже после войны в 1863 г. под редакцией Э.И. Тотлебена первой части «Описание обороны г. Севастополя». Сам Тотлебен руководил фортификационными работами по обороне Крыма, которые он планировал начать еще до высадки войск англо-франко-турецкой коалиции, но был вынужден заняться этим уже в момент боевых операций из-за отказа главнокомандующего русскими силами в Крыму генерала А.С. Меншикова разрешить фортификационную подготовку заранее.

Описание происходившего делалось в упомянутом издании в следующем виде: «...Между тем французская армия в ночь с 13 (25) на 14 (26) сентября бивуакировала у хутора Мекензи, английская же продолжала движение в течении целой ночи и только по прибытии к Черной речке остановилась на бивуаках. Утром французы, поднявшись с бивуаков, двинулись к Черной речке, перешли ее в брод, а через водопровод — по мостам, построенным инженерами, и расположились бивуакировать на Федюхиных горах; английская же армия двинулась к Балаклаве. Балаклава, картинно расположенная у подошвы высоких и скалистых гор, окаймляющих небольшую гавань, могла быть защищаема со стороны Черной речки только линиею укреплений, возведенных в некотором расстоянии от бухты. Когда этим городом владели генуэзцы, он был укреплен, и остатки построенных ими укреплений видны еще по настоящее время. На возвышенной горе, по левую сторону рейда, до сих пор виднеются еще обломки башен и стен когда-то обширного замка. Не считавшаяся нашим военным портом, Балаклава в новейшее время не укреплялась и при высадке неприятеля в Крым вовсе не имела укреплений. В то время как англичане подходили к Балаклаве, в древних развалинах замка засели командир Балаклавского греческого пехотного батальона, полковник Манто, с одной ротой своего батальона, в числе 80-ти человек строевых и 30-ти отставных солдат. При них были 4 медные 1/2 пудовые мортирки, под командою поручика Маркова. Неприятельский авангард, заняв деревню Кадыкой и подойдя к Балаклаве, неожиданно был встречен огнем греческих стрелков и гранатами мортирной батарейки. Через час англичане построились в боевой порядок, и, выдвинув свою артиллерию, открыли по городу сильную канонаду. В то же время до 20-ти неприятельских судов приблизились к

берегу и начали стрелять по древним развалинам. Но, несмотря на то, командовавший батареею поручик Марков продолжал пальбу из мортир и прекратил огонь тогда только, когда у него не осталось уже ни одного заряда. Видя, наконец, что батарея прекратила огонь, неприятель бросился в город и с криком “ура”, в 2 1/2 часа пополудни, водрузил на нем свое знамя. Из ничтожного гарнизона, сопротивлявшегося до последней возможности неприятельской армии, были взяты в плен: раненый полковник Манто, 6 офицеров и до 60-ти израненных солдат. Одному офицеру и двум солдатам удалось спастись от плена. Командовавший ротой капитан Стамати на вопрос союзных генералов: неужели он надеялся с горстью своих солдат остановить целую армию, отвечал: “безусловною сдачею я навлек бы на себя и гнев моего начальства и ваше презрение, теперь же совесть моя спокойна, потому что я исполнил мой долг”. Вслед за поднятием неприятельского флага в замке, в бухту вошел тотчас же маленький пароход быстро облетел оба ее берега, промерил дно, снова ушел в море и привел за собою в бухту эскадру»¹³.

Столь однозначно представленная российской стороной официальная версия событий совершенно по-иному оценивалась одним из очевидцев многих эпизодов Крымской войны, уже упоминавшимся Уильямом Говардом Расселом, ирландцем по происхождению, популярным корреспондентом британской газеты «The Times», освещавшим практически на протяжении двух лет боевые действия в Крыму. Серьезным новшеством в его работе стало использование телеграфа для передачи срочных сообщений в редакцию газеты в виде так называемых писем (фактически их можно было бы назвать «письма с фронта»), что позволяло знакомить британскую общественность с ситуацией с минимальным опозданием.

Являясь автором известного, вошедшего в историю, выражения «тонкая красная линия», Рассел достаточно подробно описывал быт британских военнослужащих и боевые действия. За свои, порой нелюбимые для командования британских войск, в частности лорда Раглана, сообщения о происходящих в войсках и тылу дезорганизации и слабых навыках высшего командного состава, а также стремление получить объективную информацию, репортер «The Times» стал для британского командования исключительно неудобным свидетелем. В декабре 1855 г. он был вынужден покинуть Крым.

¹³ Описание обороны г. Севастополя. Составлено под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. СПб., 1863. Ч. I. С. 232, 233.

Популярность Рассела была столь велика, что весной 1857 г., уже после окончания войны, он прочитал в Лондоне о ней несколько лекций, собиравших столь большое количество слушателей¹⁴, что ввиду общественного интереса, проявленного к событиям Крымской войны, серия его репортажей была позже в 1858 г. опубликована в виде отдельной книги «Британская экспедиция в Крым», которая многократно переиздавалась¹⁵. В предисловии к ней он писал о том, что его «искренним желанием было рассказать правду так, как я ее узнал»¹⁶.

Рядовой

События 26 сентября 1854 г. и, в частности, действия отряда под руководством полковника Манто (без упоминания его по имени) описывались Расселом так: «На юго-западной окраине бедной деревушки, которая боролась за свое существование между предгорьями скалистых холмов и кромкой суши около моря, находятся многочисленные руины генуэзской крепости, построенной на высоте 200 футов (около 60 метров. — *Ар.У.*) над уровнем моря... Штаб первым подошел к городу и продолжил движение с тем, чтобы войти в него, когда, к их (служащих штаба. — *Ар.У.*) удивлению, со стороны старого форта сверху появились один за другим четыре облачка дыма и вниз упало четыре снаряда поблизости от них. Но к этому времени были слышны орудия «Агамемнона»¹⁷, стоявшего за скалой. Пехотинцы и бойцы дивизии легкой пехоты (*Light Division*) открыли огонь, и форт выбросил белый флаг. В распоряжении

¹⁴ См. сообщения о лекциях: Mr. W. Russell's Lectures // *The Times*, 12, 15, 18.5. 1857. P. 9.

¹⁵ *Russell W.H. The British Expedition to the Crimea. London, 1858.*

¹⁶ Цит. по изданию 1877 г. P. VI.

¹⁷ «Агамемнон» (HMS *Agamemnon*) 91-пушечный винтовой линейный корабль британского флота постройки 1852 г. входил в состав Средиземноморской эскадры, принимал активное участие в Крымской войне и, в частности, осаде Севастополя в октябре 1854 г.

командира было только 60 человек, и все они были пленены. Будучи спрошен о том, почему он стрелял с позиций, которые, как он должен был знать, являются уязвимыми, он ответил, что действовал подобным образом, так как мог быть обвинен (в сдаче позиций без сопротивления. — *Ар.У.*), и считал для себя обязательным вести огонь до тех пор, пока не придется сдаться»¹⁸.

Примечательным в данной связи было отсутствие в этом материале Рассела упоминания об этническом составе защитников и имени полковника М.А. Манто, в частности. Судя по всему, на момент написания этой заметки, Расселу данный факт казался не столь важным. Однако уже в октябре 1854 г. он обращал внимание на позицию греческого населения и его возможные действия против иностранных оккупационных сил, когда описывал предпринятые британцами меры с целью не допустить потери Балаклавы: «Существуют слухи о том, что русские нападут на Балаклаву, в то время как греки окажут им помощь и подожгут город. Информация об этом была столь убедительна, что власти прибегли к чрезвычайным мерам, приказав грекам, мужчинам, женщинам и детям покинуть город, и приказ был неукоснительно выполнен к вечеру. Исключение было сделано для татарских семей, всем им было разрешено остаться. Утешением для греков во время их бегства было большое количество наворованного в виде одежды, которую им оставили для стирки»¹⁹.

Уже спустя 10 лет после событий под Балаклавой Рассел вернулся к этой теме, опубликовав в сентябре 1864 г. серию статей в «*The Times*». Они представляли, по сути, развернутую критическую рецензию на франкоязычную версию объемного труда под редакцией Э.И. Тотлебена «Оборона Севастополя», изданную в 1863 г.²⁰ В 1865 г. рецензии Рассела были опубликованы в Нью-Йорке в виде отдельной книги под названием «История обороны Севастополя генерала Тотлебена, 1854–1855: рецензия»²¹. Изложенное в ней опровержение официальной российской версии событий 26 сентября 1854 г. под Балаклавой, содержащейся в изданной под редакцией

¹⁸ *Russell W.H.* The British Expedition. P. 137, 140.

¹⁹ *Op. cit.*. P. 142.

²⁰ *Défense de Sébastopol. Ouvrage rédigé sous la direction de Lieutenant-Général E de Todleben, Aide-de-Camp Général de S M L'Empereur. Tome I. Première Partie, Deuxième Partie.* St Pétersbourg: Imprimerie N Thiebelin et Cie, 1863.

²¹ *Russell W.H.* General Todleben's History of the defence of Sebastopol, 1854–1855: a review. New York, 1865.

Тотлебена книге, являлось материалом, опубликованным Расселом 8 сентября 1864 г. в виде статьи на 8-й странице британской газеты «The Times».

Журналист в резкой и ироничной форме отмечал: «Балаклава была перед нами. В своей оценке защиты старой генуэзской крепости русский генерал (главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму князь А. С. Меншиков. — *Ар.У*) был дезориентирован греческими героями гарнизона. В их возбужденном воображении, как им казалось, на них напало двадцать солдат неприятеля и что они оказали самое отчаянное сопротивление всему британскому флоту и армии. В крепости было 110 военнослужащих греческого батальона, которыми командовали Макаров и Манто, слабо отстреливались из своих маленьких мортир, которые с трудом стреляли. Тем не менее, Тотлебен говорит, что когда они [гарнизон] сдались, там было только шесть офицеров и шестьдесят солдат, все израненные! Те, кто был там, видели совершенно иную картину, и бедный полковник Манто был бы едва удивлен больше, чем его товарищи, обнаружив свое имя увековеченным на страницах [книги] Тотлебена в виде обливающегося кровью героя»²².

Картина происходившего утром 26 сентября 1854 г. около развалин генуэзской крепости и, в частности, действий укрывшегося в ней отряда, представлялась как малозначительный эпизод в воспоминаниях генерала сэра Эдварда Брюса Хэмли (Edward Bruce Hamley) (1824–1893), который был участником и очевидцем событий, и даже более того, регулярно присылал свои заметки о Крымской войне в эдинбургский «Blackwood's Edinburgh Magazine». Являясь потомственным военным, сыном прославленного вице-адмирала Уильяма Хэмли — участника войн против Наполеона, и занимая в 1859–1866 гг. место профессора в Королевской Военной академии в Сандхёрсте, куда он был назначен начальником в 1870 г., Э.Б. Хэмли принадлежал к военной элите британской империи.

Его интерпретация событий, изложенная в воспоминаниях «История севастопольской кампании» и «Война в Крыму» опубликованных соответственно в 1855 г. и 1891 г. (последняя книга выдержала до 1910 г. 10 изданий)²³, сводится к утверждению о незначительности для наступавших франко-британских сил оказанного отрядом Манто сопротивления и к критике официальной

²² Russell W.H. General Todleben's History. P. 106.

²³ Hamley E.B. The story of the campaign of Sebastopol. London, 1855; он же. The war in the Crimea. London, 1910.

русской версии: «Гвардия продвигалась к деревне в устье ущелья, внизу которого виделась вода, похожее на маленькое озеро, расположенное около оконечности в виде высокого холма, увенчанного длинной стеной с башнями, выглядевшего как большая крепость. С моря постоянно слышались залпы корабельных орудий. Наши орудия вели огонь с высоты слева и от стен, куда попадали снаряды, поднималась пыль, в то время как гарнизон [крепости], вместо того, чтобы отвечать огнем, быстро продвигался по краю стены в направлении моря, находясь, вероятно, в панике. Подразделение стрелков, двигаясь к возвышенности, достигло вершины и преследовало гарнизон по стенам, выкинутый белый флаг свидетельствовал о том, что Балаклава сдалась, к счастью без всякого кровопролития...»²⁴

В 1891 г., уже после появления книги об обороне Севастополя под редакцией Э.И. Тотлебена, к описанию событий Хэмли добавился и саркастический комментарий автора: «В глубине хорошо ухоженного сада было видно озеро, расположенное между двумя скалами, увенчанными стенами и башнями. Оттуда теперь в нашу сторону летели снаряды на такой высоте, которая свидетельствовала о том, что это стреляет мортира. В то же время, несколько взводов наших стрелков, быстро двигаясь вдоль холмов слева от озера, вскарабкались на стены, вдоль которых, как было видно, быстро двигался гарнизон, оттуда он и подал знак, что сдается. Вслед за этим, неожиданно появилось небольшое английское судно внизу, подтвердив, что бухта наша и связь с флотом восстановлена. Из-за этого гарнизон (состоявшего из местной милиции) сделал только четыре выстрела, и их командир, оправдывая себя за провоцирование нападения на него его же стрельбой, заявил, что он полагал, что был вынужден это сделать до того, как получит приказ о сдаче. Никто не был ранен с обеих сторон. Однако в официальном повествовании Тотлебена содержится следующее: “Противник открыл по Балаклаве плотный огонь. К берегу приблизились двадцать кораблей и обстреляли старые развалины. Однако мортиры прекратили огонь только после того, как у них закончились боевые припасы. Этот небольшой гарнизон защищался до последнего. Остался только полковник Минто [Манто], шесть офицеров и шестьдесят солдат, всех многократно раненных”. Таким образом, все, что касается “оставшихся”, в конечном счете, относится к области фантастики»²⁵.

²⁴ Op. cit. P. 53.

²⁵ Op. cit. P. 78, 79.

О незначительности оказанного отрядом М.А. Манто сопротивления для сил союзников писал и майор шотландской бригады, а затем генерал-адъютант Шотландской дивизии (Highland division) Энтони Конингэм Стерлинг (Anthony Coningham Sterling) (1805–1871)²⁶. Он, в частности, отмечал в одном из писем, опубликованном в 1857 г. вместе с другими, отправлявшимися им из Крыма, как о малозначительном эпизоде войны, что и нашло свое отражение в короткой фразе: «во вторник, 26-го [сентября], войска продвинулись и без трудностей взяли Балаклаву»²⁷.

Унтер-офицер

Аналогичную оценку действиям гарнизона под командованием Манто дал в своих воспоминаниях генерал-майор Джордж Белл (George Bell) (1794–1877). В звании подполковника он участвовал в наиболее известных боевых событиях в Крыму, среди которых были сражения на Альме, Инкермане и осада Севастополя. Будучи достаточно критически настроенным в отношении организации тыловой службы британских экспедиционных сил и особенно слабого санитарно-медицинского обеспечения, он опубликовал в газете «The Times» (12.12.1854) заметку, содержащую описание обстановки хаоса, очевидцем которого был сам. Более того, Белл призвал к оказанию общественной помощи в лечении раненных в боевых действиях непосредственно в Крыму. Этим он навлек на себя недовольство британского политического и военного истеблишмента. Его свидетельство о происходившем под Балаклавой в ночь с 25 на 26 сентября 1854 г. оказалось достаточно кратким: «Было 25 [сентября]. Старая крепость над Балаклавой предприняла

²⁶ Подробнее его биография в: *Stephen L. Dictionary of national biography. London, 1885. V. 54. P. 192.*

²⁷ *Sterling A.C. Letters from the Army in the Crimea, written during the years 1854, 1855, 1856 by a Staff Officer who was there. London, 1857. P. 92.*

слабую попытку обороняться, и незамедлительно бухта была занята нашими боевыми кораблями...»²⁸

Помимо противоречивости представленной в британской мемуаристке картины происходившего 26 сентября 1854 г. под Балаклавой существует еще один факт — до сих не выяснена личность автора опубликованной в 1855 г. в американском г. Бостон более чем 400-страничной книги под названием «Европейские державы и падение Севастополя»²⁹, которая претендовала на объединение жанра воспоминаний с историческим исследованием. Читателям автор представился как «британский офицер» (British Officer), а под предисловием поставлены лишь три инициала Н. Ф. Г. В этом объемном труде, носившем характер достаточно искусной историко-политической компиляции с описанием событий первой половины XIX в., о себе автор сообщил лишь, что воевал в период Пиренейской войны (1808–1814 гг.) под командованием герцога Веллингтона.

По ряду косвенных признаков можно предполагать о том, что под псевдонимом «британский офицер» и инициалами Н. Ф. Г. скрывался известный и прославленный британский военачальник фельдмаршал сэр Хью Гофф (Hugh Gough) (1779–1869), баронет Гоф Сайнонский и Дранганский, барон Гоф Чин-Канг-Фу в Китае и Махараджпурский и Сутледж в Индии, 1-й виконт Гоф Гуджаратский в Пенджабе и городе Лимерик. Причиной появления среди инициал буквы F. могли стать исключительно личные соображения автора книги, который, если им действительно являлся сэр Хью Гофф, старался не только затруднить выяснение личности автора, но и стремился подчеркнуть свою принадлежность к старинному англо-ирландскому роду в графстве Лимерик, одним из известнейших представителей которого был дальний родственник военачальника Фрэнсис Гофф (Francis Gough) — архиепископ графства Лимерика в XVII в. Не исключено, что Х. Гофф являлся и автором другой книги — «Наполеон Третий. Обзор жизни, личности и политики», изданной в Англии в 1857 г. также под псевдонимом «британский офицер»³⁰.

В том случае если фельдмаршал был автором издания «Европейские державы и падение Севастополя», то считать его очевидцем со-

²⁸ Bell G. Rough notes by an old soldier during fifty years' service. London, 1867. V. II. P. 191.

²⁹ British Officer. The powers of Europe and fall of Sebastopol. Boston, 1855.

³⁰ British Officer. Napoleon The Third Review Of The Life, Character, And Policy. London, 1857.

бытий около Балаклавы 26 сентября 1854 г. нельзя, так как Х. Гофф, имевший в то время звание полковника, оказался в Крыму лишь в 1856 г. Однако ввиду недостаточности на данный момент аргументов в пользу версии об авторстве «Европейских держав» и в случае, если «британский офицер» был действительно свидетелем событий 26 сентября, то в его повествовании сопротивление гарнизона под командованием Манто не отмечено как важное событие, что нашло свое выражение в одной лишь фразе о том, что «противник не приложил никаких сил для того, чтобы удержать Балаклаву. После нескольких выстрелов небольшой гарнизон сдался ...»³¹

Особое место среди британских мемуаристов занимает фигура вице-адмирала сэра Эдолфуса Слейда (Adolphus Slade) (1804–1877), потомственного военного, сына генерала Джона Слейда. На протяжении 1849–1866 гг. он занимал должность советника по военноморским делам при правительстве Османской империи и получил звание адмирала флота Османской империи, на службе которой и встретил Крымскую войну. Среди книг А. Слейда о Востоке³², одна была посвящена участию Турции в Крымской кампании³³. Он издал ее в 1867 г., находясь в отставке в звании контр-адмирала. Примечательным в этой связи было присвоение в 1873 г. Слейду звания вице-адмирала, несмотря на то, что он уже не служил во флоте, что свидетельствовало о признании его военно-политических заслуг в Британии.

События 26 сентября 1854 г., хотя и упоминаются в его воспоминаниях лишь одной строкой, тем не менее, интересны с точки зрения приводимых им данных. Он отмечал без уточнения деталей осады развалин генуэзской крепости под Балаклавой союзными войсками, что «...гарнизон из 140 человек, греков под командованием русского полковника, сдался после почетных нескольких выстрелов»³⁴.

³¹ British Officer. The powers of Europe. P. 339.

³² Slade A. Records of travels in Turkey, Greece &c. and of a cruise in the Black Sea with the Capitan Pasha, in the years 1829, 1830, and 1831. London, 1833. V. 1, 2; он же. Turkey, Greece and Malta. London, 1837. Последняя из книг была отмечена в популярном и влиятельном издании «The Literary Gazette and Journal of the Belles Letters, Arts, Sciences, &C» особо сразу же после выхода как образец военно-политического анализа и прогноза возможного развития событий в средиземноморском регионе: The Literary Gazette. P. 393–395.

³³ Slade A. Turkey and the Crimean War: A Narrative of Historical Events. London, 1867.

³⁴ Op. cit. P. 307.

Примечательной особенностью описания в ряде мемуаров британских очевидцев и участников событий, связанных с действиями отряда Манто, было, с одной стороны, заключение о незначительности его сопротивления, а, с другой, об использовании серьезной огневой мощи против находившихся в развалинах генуэзской крепости защитников. Капитан Натаниэль Стивенс (Nathaniel Steevens), служивший в знаменитом 88-ом ирландском пехотном полку, известном еще как коннахтские рейнджеры и «собственность дьявола» (“the Devil’s Own”), прозванном так за свое мужество, лично участвовал в событиях 26 сентября 1854 г. В своих воспоминаниях, изданных в 1878 г. и озаглавленных «Крымская война. Вместе с «коннахтскими рейнджерами» 1854–55–56»³⁵, он не сообщает подробностей о составе оборонявшегося гарнизона и его командире.

В отличие от того, что писали некоторые другие участники и очевидцы событий, Стивенс обращал внимание на использование против укрепившегося в развалинах генуэзской крепости отряда британской пехоты и корабельной артиллерии британских судов. Это позволяет судить о серьезности оказанного сопротивления, хотя о действиях своего подразделения, находившегося поблизости от развалин генуэзской крепости, он сообщал как о незначительных: «26-го мы были под ружьем, как всегда, перед рассветом и около восьми утра мы начали двигаться в сторону Балаклавы, находившейся на расстоянии пяти миль. Как только мы добрались до деревни наша легкая пехота (skirmishers) открыла огонь. Оставив обоз на равнине, наше подразделение начало наступление, 1-я бригада заняла высоты справа, откуда открывался вид на гавань и город, наша 2-я бригада двигалась в направлении высот слева от нас, туда, где находились развалины генуэзского форта, удерживавшегося маленьким подразделением противника. Наш флот, а также наша артиллерия, открыли огонь по ним и они вскоре сдались. 77-й полк, расположенный от нас слева, находился близко к форту и их полковник (Игиртон) был направлен с тем, чтобы принять капитуляцию; лучшего типа британского офицера было трудно найти для этих целей, так как полковник И.[гиртон] был чрезвычайно высок и храбр. Мы не произвели даже выстрела, удобно расположившись на подступах к возвышенности. Над нами разорвалось несколько снарядов....»³⁶

³⁵ Steevens N. The Crimean Campaign with «The Connaught Rangers» 1854–55–56. London, 1878.

³⁶ Op. cit. P. 95, 96.

В опубликованных в 1855 г. по следам событий воспоминаниях лейтенанта Джорджа Шалдхэма Пиэрда (George Shuldhham Peard), участвовавшего в сражении на Альме, под Балаклавой и Инкерманом, эпизод сопротивления отряда Манто нашел отражение, но без упоминания, как самого имени полковника, так этнической принадлежности бойцов его подразделения: «Лорд Раглан и его штаб были первыми, кто двигался в направлении города и они не ожидали какого-либо сопротивления до тех пор, пока не были удивлены тем, что по ним были выпущены один или два снаряда из старого генуэзского форта. Эти места казались ни чем иным как развалинами, но сейчас стало ясно, что небольшое подразделение русских было там вместе с их командиром, который собирался защищать это место. В ответ на их выстрелы начал обстрел «Агамемнон», который послал с грохотом несколько снарядов в руины, придав им полуразрушенный вид. Затем включились стрелковая часть, а также легкая пехота и открыли огонь на расстоянии семисот ярдов (около 640 метров. — *Ар.У.*), постепенно приближаясь к форту. Это заставило их выбросить белый флаг. Все они были пленены; командир, будучи спрошен, почему он открыл огонь из места, которые, как он должен был понимать, не сможет удержать, ответил, что он считал необходимым это делать до тех пор, пока не будет вынужден сдаться»³⁷. В воспоминаниях Пиэрда ответ приписывается, судя по всему, полковнику Манто, а не капитану Стамати.

Очевидец событий Крымской войны британский путешественник и историк Александр Уильям Кинглейк (Alexander William Kinglake) (1809–1891), автор восьмитомного труда «Вторжение в Крым», выдержавшего несколько изданий, и ставшего для британской историографии классическим исследованием Крымской войны³⁸, обращая внимание на этнический характер оборонявшихся 26 сентября 1854 г. в развалинах генуэзской крепости, рисовал картину, близкую той, которая содержалась в работе под редакцией Тотлебена и являвшейся официальной российской версией.

³⁷ Peard G.S. Narrative Of A Campaign In The Crimea: Including An Account Of The Battles Of Alma, Balaklava, And Inkermann. London, 1855. P. 88, 89.

³⁸ Kinglake A.W. The invasion of the Crimea: its origin, and an account of its progress down to the death of Lord Raglan Sixth Edition. V. IV. London, 1888. У. Черчилль высоко ценил труд Кинглейка и считал его образцом исторического повествования. Подробнее о деталях пребывания А. Кинглейка в Крыму см: *De Gaury G. Travelling Gent: The Life of Alexander Kinglake (1809–1891). Travelling Gent: The Life of Alexander Kinglake (1809–1891). London, 1972. P. 107–120.*

В изложении Кинглейка события развивались следующим образом: «И вдруг, мортира, которая находилась в древнем замке, открыла огонь и в следующий момент снаряд упал в озеро. За этими снарядами последовали другие, которые упали на землю, не разорвавшись, близко к командующему. Лорд Раглан выглядел злым, предполагая на какой-то момент, как я считаю, что жители Кадыкоя, хотели обмануть его, когда говорили о том, что Балаклава не защищена. Он приказал, чтобы две соседние высоты были заняты легкой пехотой, а также частично и артиллерией на лошадиной тяге.

Офицер, который открыл огонь из замка по нашему штабу, был полковником Монто [Манто]. Под его командованием не было никаких других сил, кроме греков Балаклавы, которые были организованы в своего рода местную милицию. И перед тем как наша легкая пехота заняла два холма, он нашел способ продемонстрировать, что сдастся. Когда уже после, будучи спрошен лордом Рагланом о том, почему он решил открыть огонь, не имея реальных средств для организации обороны, полковник Монто [Манто] ответил, что к нему никто не давал приказа. Он сказал, что если бы был бы приказ, он бы сдался сразу, однако, он считал, что до тех пор, пока ему не прикажут или если на него нападут, он обязан оказать сопротивление. Русские приписали полковнику Монто [Манто] одну из таких героических речей, которые люди привыкли придумывать в период войны, но я уверен, что вышесказанное является действительно относящимся к речи полковника, так как лорд Раглан именно так представил это мне буквально сразу же после услышанного. Лорд Раглан, как я помню, сказал: “Довольно часто возникают практические трудности с передачей приказов”³⁹. Примечательным в этой связи было приписывание слов капитана Стамати полковнику Манто, в то время как в российской официальной версии, изложенной в «Описание обороны г. Севастополя», именно капитан отвечал на вопросы англичан.

Действия воинского подразделения во главе с полковником Манто описывались и в воспоминаниях, изданных в 1895 г. генералом Дэниелом Лисонсом (Daniel Lysons) (1816–1898), который принимал участие в сражении на Альме, а позже, в октябре 1855 г. командовал Второй бригадой знаменитой дивизии легкой пехоты, как незначительный сюжет при захвате Балаклавы. Интерпретация событий была представлена Лисонсом в достаточно будничной и негероической форме и, более того, без всякой ссылки на грече-

³⁹ *Kinglake A.W. Op. cit. P. 25, 26, 27.*

ских участников обороны: «За час до рассвета на следующее утро как обычно, мы были уже «под ружьем», а в 8 часов утра уже шли маршем. Около 11 часов мы спустились к очень симпатичной деревеньке и глубокому оврагу за грядой холмов, с выходом на море... Мы обнаружили в старинных руинах несколько русских, которые находились в выгодном месте, но начали действовать пушки, которые заставили их замолчать. Мы карабкались вверх по холмам с нашей стороны и начали стрелять с высот, другая бригада делала тоже самое со своей стороны. В это же время подоспели корабли, и Балаклава была нашей»⁴⁰.

Примечательным фактом на фоне этого повествования можно считать описание тех же событий уже другим участником Крымской войны — генерал-лейтенантом Чарльзом Виндхэмом (Charles Ash Windham) (1810–1870), имевшим на момент происходивших событий звание полковника в должности заместителя начальника генерал-квартирмейстера 4-й дивизии под командованием генерал-лейтенанта Джорджа Каткарта (George Cathcart). Его дивизия принимала участие во взятии Балаклавы. В воспоминаниях Виндхэма, опубликованных через два года после книги Лисонса, в 1897 г. со вступительной статьей уже упоминавшегося выше Рассела, этот сюжет, хотя и без существенных деталей, был отмечен в следующем виде: «26 сентября. Под ружьем в пять утра... По обе стороны возвышались почти отвесные и очень высокие скалы, а налево от нас, просматривавшиеся из глубины, окруженные какими-то старыми развалинами генуэзских укрепления, одно из которых было превращено в маленькую батарею, обустроенную противником. Разумеется, ее было необходимо захватить, что и было сделано несколькими ротами легкой пехоты, поддержанной одним или двумя выстрелами со стороны флота. Гарнизон, состоявший из приблизительно ста человек, сдался и был пленен»⁴¹.

Проявившиеся особенности британского мемуарного нарратива событий 26 сентября 1854 г. порождают вопросы как относительно происходившего, так и о причинах, по которым представленная в официальной российской историографии версия, явно не соответствует свидетельствами британских участников и очевидцев

⁴⁰ Lysons D. The Crimean war from first to last. London, 1895. P. 111.

⁴¹ The Crimean Diary And Letters Of Lieut.-general Sir Charles Ash Windham, K.c.b., With Observations Upon His Services During The Indian Mutiny And An Introduction By Sir William Howard Russel The Whole Edited By Major Hugh Pearse East Surrey Regiment. London, 1897. P. 168.

событий. Прежде всего, следует изначально отказаться от упрощенного объяснения позиций британских мемуаристов исключительно их преднамеренным стремлением минимизировать значение оказанного отрядом Манто сопротивления. При всех нюансах трактовки, содержащейся в мемуарной британской литературе, никто из англичан не отвергает самого факта действий защитников развалин гемуэзской крепости. Однако и что является очевидным, основной повествовательный мотив фокусируется на соотношении сил и средств отряда полковника Манто и союзных войск. Их несопоставимость с учетом важности Балаклавы для последних при реализации стратегического замысла, заключавшегося в овладении Севастополем, создала у мемуаристов представление о предпринятой отчаянной попытке обороны как о незначительном в контексте общей кампании факте.

В свою очередь, в российской официальной версии, изложенной в книге под редакцией Тотлебена, помимо героической мотивировки, содержался и военно-профессиональный аспект, частично объясняющий обращение к событиям 26 сентября 1854 г.: Балаклава не была сдана без боя, так как независимо от слабой степени подготовленности обороны, а точнее фактически ее отсутствия, было оказано сопротивление не просто частями русской армии, а греками — служащими в русской армии и выходцами из этого региона.

Различия нарратива, обнаруживаемые у британских мемуаристов, относятся главным образом к степени детализации несостоявшейся обороны Балаклавы, а именно: количеству и этническому составу бойцов отряда полковника Манто; авторству известного заявления о решимости сражаться с неприятелем, полученном либо от самого полковника, либо от капитана Стамати, и продолжительности сопротивления отряда. Последнее, имея в виду официальную версию, представляет особый интерес. Описание событий 26 сентября 1854 г. у ряда уже процитированных выше мемуаристов совпадает по нескольким важным для понимания происшедшего моментам. Во-первых, практически все авторы воспоминаний отмечали использование не только сухопутных сил (артиллерии и пехоты), но и корабельных орудий для подавления огня находившегося в развалинах гемуэзской крепости отряда. Сам по себе этот факт свидетельствует о достаточно активной обороне защитников, так как привлечение стольких сил и средств могло происходить только в случае создания угрозы серьезной задержки для продвижения сил союзников к Балаклаве. Во-вторых, на момент написания мемуаров многие из авторов продолжали оставаться в

неведении относительно судьбы той части отряда Манто, которая избежала пленения и ушла из развалин.

Не менее важным с точки зрения объяснения различий нарратива британских мемуаристов, являвшихся очевидцами и участниками событий, было явное выдвижение на первый план знаковых или так называемых рубежных событий: сражения на Альме, под Балаклавой, при Инкермане и взятие Севастополя. Они, как по масштабам боевых действий, задействованных сил и средств, людских потерь, а также достигнутых военных результатов были несопоставимы для британской стороны с тем, что произошло 26 сентября 1854 г. Именно это и определило британское видение действий отряда греков в развалинах генуэзской крепости на пути к Балаклаве.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**КОПИЯ ДЕЛА ШТАБА СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ГАРНИЗОНА
«О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ К НАГРАДАМ ВОИНСКИХ ЧИНОВ
ЗА ДЕЛО С 10 НА 11 МАРТА 1855 Г. / ЗА ДЕЛО КАМЧАТКИ»⁴²**

Исправляющему должность Коменданта Корабельной стороны
Господину Генерал Лейтенанту и Кавалеру Хрулеву
Начальника Греческих волонтеров
Князя Мурузи
Рапорт

«При вылазке с 10 на 11 сего марта вверенный мне батальон греческих волонтеров по назначению Вашего Превосходительства занимал левый фланг 3-го бастиона и должен выбить неприятеля из передовых его траншей. В следствии чего по получению приказа Контр-Адмирала Панфилова о наступлении, я выдвинув 25-ть человек волонтеров и 5-ть человек матросов под начальством командира 2-ой роты Дмитрия Фитаса в передовую цепь и одну роту под начальством капитана Тандалиди оставив в резерве, с остальной частью батальона, то есть с 3-мя ротами, в 2 с половиною часа пополудни начал атаковать неприятеля. Тихое и удачное приближение наше к неприятельским траншеям способствовало успеху. Как результатом

⁴² Материал обнаружен С. Пинчуком-Галани и публикуется с его разрешения. Автор выражает исключительную признательность за предоставленную возможность поместить данный документ в виде приложения к своей статье.

было: почти без выстрела, сильным напором, заняв неприятельскую траншею, мы заклепали две мортиры, находившиеся в траншее, взяли в плен полковника и 8-мь человек рядовых, и в должном порядке начали отступать с пальбой, отвечавши неприятелю, открывшему по нас сильный огонь из траншеи.

Кроме вышеуказанного трофея нашего неприятель оставил в траншее до ста тел; в вверенном мне баталионе на поле чести пало 8 человек и ранено 11: из числа оных один офицер убит, а командир 2-ой роты Дмитрий Фитас собственноручно заклепавший орудия, к сожалению, тяжело ранен.

О чем Вашему Превосходительству почтительнейше донести честь имею.

Князь Мурузи,
Марта 12 дня,
1855 года
г. Севастополь.

Российский Государственный военно-исторический архив.
Ф. 9196. Оп. 22/285. Д. 5, св. 3. Л. 204–205.

*Н.М. Терещук
(Севастополь)*

КРЫМСКИЕ АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКИХ ЦЕРКВЕЙ СЕВАСТОПОЛЯ И БАЛАКЛАВЫ: КОНЕЦ XVIII — НАЧАЛО XX В.

История Севастополя и Балаклавы в первую очередь всегда рассматривалась как военная история стратегически важных приграничных земель Российской империи и в гораздо меньшей степени как история населенных пунктов с присутственными местами и культовыми храмами. Гражданское население Севастополя и Балаклавы в конце XVIII в. состояло из греков-старожилов возвращенцев из Приазовья и переселенцев: в Балаклаве из Северной Греции и Архипелага, а в Севастополе — эмигрантов из Анатолии и Понта. Таким образом, была сформирована греческая община¹. Говоря о греческих церквях, мы будем придерживаться современного административно-территориального деления, так как в XIX в. Севастополь и Балаклава входили в Ялтинский уезд, а Северная сторона Севастополя относилась к Симферопольскому уезду.

Источниковую базу исследования можно разделить на две большие группы: печатные источники и архивные документы. Неоценимую пользу в изучение истории греческих церквей принесли сами служители культа. Преосвященный Гавриил в начале XIX в. составил «Историко-археологическое описание церквей Херсонской и Таврической епархии»². В его работе представлены даты постройки церквей, в том числе греческих, и дана их краткая характеристика. В 1872 г. увидела свет работа кафедрального протоиерея М. Родионова «Статистико-хронологико-историческое описание Таврической епархии. Общий и частный обзор»³. А в 1887 г. была издана книга «Таврическая епархия» подготовленная Гермогеном, бывшим арх. Таврическим и Симферопольским⁴.

¹ Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник. Симферополь, 2000. С. 43.

² Гавриил. Историко- археологическое описание церквей Херсонской и Таврической епархии. Одесса, 1818.

³ Статистико-хронологико-историческое описание Таврической епархии. Общий и частный обзор. Составлено кафедральным протоиереем Михаилом Родионовым. Симферополь, 1872.

⁴ Таврическая епархия Гермогена, епископа Псковского и Порховского, бывшего Таврического и Симферопольского. Псков, 1887.

В данной таблице представлены сведения из приведенных выше работ, а также из архивных документов.

Название населенного пункта	Название церкви	Дата по Гермогену	Дата по Гавриилу	Дата по Родионову	По клировым ведомостям
Севастополь	Петропавловская	–	1792	не указывает	1792, перестроена 5 октября 1843 г, вновь освящена 22 декабря 1857 г., возобновлена в 1889 г.
Балаклава	12 апостолов, Николаевская	1375, обновлена в 1794, возобновлена в 1857 г. как Николаевская	–	1794	вновь освящена 8 июня 1857 г.
Камары (совр. Оборонное)	Марининская	–	1794	1794	неизвестно, в 1838 г. подняты стены, вновь освящена 14 декабря 1857 г.
Лаки (бывш. с.Горянка Бахчисарайского р-на, не существует)	Лукинская	–	1794	1794	во время владения крымских ханов, в 1849 г. перестроена
Кадыковка (часть Балаклавы)	Троицкая	1810	1810	1810	1810 (1815) перестроена из татарской мечети, отремонтирована в 1843 г. после землетрясения 1838 г.
Мангуш (с. Прохладное Бахчисарайского района)	Петропавловская	до присоединения Крыма, обновлена в 1808 г.	1808	до присоединения Крыма, обновлена в 1808 г.	1821 г.

Балта-Чокрак (с. Алешино Бахчисарай- ского р-на, не существует)	Пантелей- моновская	1835	1835	1835	1835 г., перестро- ена в 1866 г.
Бия-Сала (Верхоречье)	Иоанно- Предте- ченская	1587, возоб- новлена в 1848	—	1848	1587 г., пере- строена на раз- валинах древней греческой церкви и освящена 24 октября 1848 г.
Карань (бывш. Флот- кое, часть Ба- лаклары)	Констан- тино-Еле- нинская	—	1830	1775	1775, вновь освя- щена в 1856 г.
Керменчик (Бахчисарай- ский район)	Феодора Тирона	возоб- новлена в 1882	—	до при- соедине- ния Крыма, обнов- лена в 1834 г.	1837, в 1852 г. закрыта по вет- хости

Все эти разночтения в датах освящения культовых зданий, которые представлены разными авторами, частично помогают уточнить архивные документы.

Среди современных исследователей, занимающихся данной этнической группой, следует назвать к.и.н. М.А. Араджиони⁵.

Архивные материалы следует разделить на несколько групп по видам документов: протоколы заседаний Таврической духовной консистории, клировые ведомости, метрические книги и персональные дела о конкретных служителях культа. Документы, отложившиеся в фондах: Симферопольского (ф. 135) и Перекопского (ф. 134) духовных правлений, лишь частично касаются данной темы. А в фонде Феодосийской духовной консистории (ф. 343)

⁵ Араджиони М.А. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории и культуры (80-е гг. XVIII в. — 90-е гг. XX в.). Симферополь, 1999; она же. К вопросу об этнокультурных особенностях позднесредневекового христианского населения горного Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 3. Симферополь, 1993; она же. Греки Крыма: к истории формирования общины в период позднего средневековья — нового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 3. Симферополь, 2007.

исследователем А.В. Ефимовым выявлено уникальное дело «Исповедные росписи бывших и не бывших у исповеди и причастии в великую четырехдесятницу 1795 г. прихожан греческих церквей гг. Севастополя, Керчи, Бахчисарая и других мест»⁶.

В настоящее время это самые ранние сведения, выявленные по данной тематике. Несмотря на плохую физическую сохранность дела и то, что часть текста написана на греческом языке, все-таки удалось частично прочесть документы. Кроме ценных сведений о персоналиях в деле представлены следующие статистические сведения о прихожанах церквей: греческая Петропавловская церковь: духовных лиц — 4, прихожан — 75 (42 мужского и 33 женского)⁷; прихожан церкви Федора Тирона в селении Керменчик — 43 (23 мужского и 20 женского)⁸; Лукинская церковь селения Лаки — 102 (52 мужского и 50 женского)⁹. Но самым неожиданным оказались сведения о Балаклавской церкви Успения Пресвятыя Богородицы, в которой числилось: духовных лиц — 3, прихожан — 565 (272 мужского и 293 женского)¹⁰. Что же это за церковь, и какую церковь в Балаклаве могли так называть, еще предстоит выяснить исследователям.

Самым информационным фондом в Крымском республиканском архиве является Таврическая духовная консистория. Несмотря на то, что созданию консистории 16 ноября 1859 г. предшествовала деятельность Херсонской и Таврической консистории, самые ранние документы, отложившиеся в фонде, датируются концом XVIII в.

Почти в полном объеме сохранились протоколы заседаний Таврической духовной консистории. Среди прочей информации в них содержатся сведения о пожертвованиях церквям, которые осуществлялись отдельными лицами. Так 25 января 1860 г. на своем заседании консистория рассматривала документы капитан-командора Е.П. Сарандинаки, завещавшего Севастопольской Петропавловской церкви дом. Сложность в оформлении пожертвованного дома состояла в том, что он был разрушен в период первой обороны Севастополя 1854–1855 гг., пропали также подлинные документы. Известно было только, что по сведениям Севастопольской городской

⁶ Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее ГААРК), Ф. 343. Оп. 1. Д. 51.

⁷ Там же. Л. 2–4.

⁸ Там же. Л. 33–34об.

⁹ Там же. Л. 36–39.

¹⁰ Там же. Л. 72–78.

думы казенные иски и частные взыскания на здание отсутствовали. В связи с нестандартной ситуацией консистория решила обратиться в Святейший Синод для закрепления места за церковью¹¹.

В начале XIX в. еще не было создано Севастопольское благочиние. Крым был разделен на две части, в которые были назначены благочинные. Севастополь был отнесен ко второй части и подчинялся Симферопольскому (по другим документам — Перекопскому) духовному правлению Екатеринославской консистории. Туда же входили греческие церкви, находившиеся в окрестностях Балаклавы.

Самые ранние сохранившиеся клировые ведомости датируются 1803 г. В них содержатся сведения о наличии зданий, земельных участков, утвари, но не приводятся сведения о постройке и освящении культовых храмов.

В «Ведомости о церкви Ахтиарской греческой Петропавловской по священноцерковно служителях за 1803 год»¹² указывается, что в тот год Петропавловскую церковь возглавлял иеромонах Григорий из греческого средиземноморского города Фесалонии, 39 лет, прибывший в Россию в 1787 г., а в 1795 г. определен в греческую Петропавловскую церковь. Указным пономарем был Христофор Николаев, «греческой нации», 80 лет¹³. Из этого следует, что в Севастополь переезжали не только греки-военнослужащие, но и священнослужители.

«Формулярная ведомость Симферопольского уезда селения Керменчика Федора Тирона и лик и евангелиста Луки церквей ...» за 1812 г. представляет нам сведения о священнике Анастасие Георгиеве, 35 лет, который являлся бывшим служащим Балаклавского греческого пехотного батальона, в 1810 г. рукоположенного во дьякона, а в 1811 г. — во священника. В церкви кроме священника не было ни дьячка, ни пономаря¹⁴.

¹¹ Там же. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1318. Л. 2.

¹² В период правления Павла I (1796–1801), Севастополь стали называть Ахтиар, по названию татарской деревушки, на месте которой он был основан, но официального императорского указа не было. Его греческое имя было возвращено в период царствования Александра I. Но в связи с тем, что Севастополь в различной переписке продолжали именовать Ахтиаром, то 29 марта 1826 г. был издан указ Николая I № 222 о том, чтобы город «не именовать впредь Ахтиаром, но всегда Севастополем». См.: ПСЗ, 2-е собрание. СПб., 1830. С. 521.

¹³ ГААРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 5436. ЛЛ. 19–20.

¹⁴ Там же. Д. 5530. Л. 23об.

В клировых ведомостях определенный интерес представляют сведения о прихожанах. Например, в ведомости Петропавловской церкви за 1803 г. в графе «Кто прихожане» указаны: «отставные контр-адмирал Николай Петрович Кумани, командор Евстафий Павлович Сарандинаки, военных 28, приказных 5, дворян 11, купцов 55 душ»¹⁵. А в клировой ведомости церкви Федора Тирона в селении Керменчик за 1812 г. в такой же графе указывалось, что прихожанами данной церкви являлись «греческой нации разных чинов отставные» (имелись в виду бывшие служащие Балаклавского греческого пехотного батальона)¹⁶.

Наряду с общей характеристикой прихожан в клировых ведомостях указывалось количество дворов, а также количество прихожан мужского и женского пола. В 1803 г. в приходе Петропавловской церкви числилось 28 дворов, а количество прихожан составляло 52 мужского пола и 49 женского¹⁷. Для сравнения: в уже упомянутой исповедной росписи за 1795 г. в приходе числилось 75 прихожан (42 мужского и 33 женского)¹⁸, а в 1809 г. в этой же церкви числилось 59 дворов, прихожан начитывалось 477 человек (238 мужского и 239 — женского)¹⁹. Эти цифры характеризуют насколько активно развивался город, а не только военная база.

К середине XIX в. изменилась форма клировых ведомостей. Кроме сведений о церковно- и священнослужителях стали приводятся сведения о церкви. В 1853 г. в формулярном списке (так стали называться клировые ведомости) Петропавловской церкви казенного селения Мангуш указывалось, что церковь построена в 1821 г. «тщанием прихожан. Зданием каменная, крепкая, с колокольней на четырех столбах. ... Земли при сей церкви пахотной и сенокосной тридцать три десятины»²⁰.

Как правило, церковная земля передавалась жертвователями. Константино-Еленинская церковь селения Карань, владевшая в начале XIX в. только одной десятиной хлебопахотной земли, со временем увеличила свой земельный надел. Две десятины земли передала причту вдова отставного унтер-офицера София Бамбуко и 1 десятину 520 саженьей — балаклавский мещанин

¹⁵ Там же. Д. 5436. Л. 20.

¹⁶ Там же. Д. 5530. Л. 24.

¹⁷ Там же. Д. 5436. Л. 20.

¹⁸ Там же. Ф. 343. Оп. 1. Д. 51. ЛЛ. 2–4.

¹⁹ Там же. Ф. 118. Оп. 1. Д. 5497. Л. 12.

²⁰ Там же. Д. 5823. Л. 24 об.

Георгий Христодуло, утвержденный в должности церковного старосты в 1872 г.²¹

Интересные сведения удалось почерпнуть из ведомости Троицкой церкви селения Кадыковки за 1853 г. Кроме того, что в ней указывалось, что церковь перестроена из татарской мечети в 1810 г., также указывалось, что 11 января 1838 г. в этом районе произошло землетрясение, в результате чего церковь получила повреждения. Впоследствии храм был отремонтирован и вновь освящен в 1843 г.²²

Обязательной составной частью клировых ведомостей являлись сведения о получении священно- и церковнослужителями жалования. В вышеуказанной Кадыковской Троицкой церкви в 1853 г. священник получал в год жалования 200 руб. ассигнациями и 200 руб. от прихожан. Давая оценку материальному положению причта в ведомостях указывалось, что «содержание посредственное»²³. Для сравнения можно привести сведения о жаловании Камарской Марининской церкви: «На содержание священника положено командиром батальона из согласия прихожан из с. Камары 100 руб. ассигнациями, из д. Алсу 50 руб. ассиг[нациями], в течение года означенные деньги сполна получить не могу по бедности их, содержание очень скудное»²⁴.

Для изучения истории деятельности греческих церквей немаловажное значение представляют сведения о наличии домовых и приписных церквей. Как правило, домовых церквей не было, а только приписные. В частности, в середине XIX в. к Манушской Петропавловской церкви была приписана Биассальская Иоанно-Предтеченская церковь²⁵, к Лакской Лукинской церкви была приписана церковь Федора Тирона в селении Керменчик²⁶, а к Кадыковской Троицкой церкви — Караньская Константино-Еленинская церковь²⁷.

Предыстория Караньской церкви такова, что после переселения греков из Крыма в 1788 г., то есть до его присоединения к Российской империи, ощущалась нехватка в священно- и церковнослужителях, особенно в сельских церквях. Не было священника и в Константино-Еленинской церкви. В 1804 г. жители Карани обратились в Перекопское духовное правление и в Екатеринослав-

²¹ Там же. Д. 6129. Л. 61–64; Д. 6102. Л. 13–15.

²² Там же. Ф. 118. Оп. 1. Д. 5823. Л. 33 об.

²³ Там же. Л. 33 об.

²⁴ Там же. Л. 30.

²⁵ Там же. Л. 25.

²⁶ Там же. Л. 37.

²⁷ Там же. Л. 34.

скую духовную консисторию с просьбой «возобновить и снабдить священником, дабы они не лишились слушания слова Божия и христианских треб»²⁸. После обследования было доложено Ека- теринославскому, Херсонскому и Таврическому архиепископу Афанасию, что церковь осталась без священника и антиминса еще «от времен изгнания из Тавриды христиан», очень ветхая, жите- лей 222 души обоего пола, которые хотели за свой счет ее возоб- новить и содержать священника. Кроме того, церковь была очень маленькая, сделанная наподобие избы, и вся вросла в землю, стены начали разрушаться, черепица была поломана. Переписка затяну- лась на несколько лет. В 1806 г. по решению консистории церковь упразднили, а прихожан приписали к Камарской Марининской церкви. В июне 1807 г. утварь, облачение, книги и иконы были переданы в Камары, а церковь была опечатана²⁹. Перед Крымской войной Константино-Еленинская церковь считалась приписной к Кадыковской Троицкой церкви³⁰, а затем решением Таврической духовной консистории обе церкви «по скудности средств» при- писали к Балаклавской Николаевской церкви³¹. Самостоятельной Константино-Еленинская церковь стала только в 1866 г.

Не всегда сведения, представленные в клировых ведомостях, были идентичными. Например, по сведениям причта Константино-Еленинская церковь в Крымскую войну была разрушена, затем вос- становлена и освящена 6 августа 1856 г.³² Вместе с тем в докладе Таврической консистории, представленному в 1861 г. преосвящен- ному Алексею, епископу Таврическому и Симферопольскому ука- зывалось, что в церкви в период Крымской войны совершались бо- гослужения, а затем она была занята «казенным неприятельским складом и как самая церковь, так и все почти здания в деревне Ка- рани находятся в целости»³³.

Создание новой самостоятельной Таврической епархии спо- собствовало как укреплению приходов, так и поддержке деятель- ности приходских священников, особенно сельских. Многие из них имели большие семьи и очень маленькое материальное обеспе- чение. В меру возможности консистория решала эти вопросы. На

²⁸ Там же. Д. 5442. Л. 1.

²⁹ Там же. ЛЛ. 16, 18, 21.

³⁰ Там же. Д. 5823. Л. 370.

³¹ Там же. Д. 1321. ЛЛ. 104–110 об.

³² Там же. Д. 6129. Л. 61об.

³³ Государственный архив города Севастополя (далее ГАГС). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 19об.

заседаниях консистории неоднократно поднимались вопросы, связанные с финансированием причта церквей. 15 ноября 1860 г. Севастопольский благочинный протоиерей Александр Демьянович обратился в консисторию с ходатайством о назначении жалования причтам Балаклавской, Кадыковской, Камарской, Лакской церквям, которые пострадали в Крымскую войну и «усердием прихожан» были восстановлены. Основную часть прихожанам этих церквей составляли военнослужащие Балаклавского греческого пехотного батальона, который в это время был ликвидирован. С изменением статуса в связи с выходом из военного ведомства, прихожане — бывшие служащие батальона не смогли уже в полном объеме содержать священнослужителей. Это ходатайство было рассмотрено на заседании консистории и вынесено решение о причислении этих церквей к сельским церквям VII класса. Также консистория подготовила обращение в Святейший Синод о назначении в эти церкви по одному священнику и причетнику с жалованием от казны по 96 руб. на причт³⁴. Именно по причине тяжелого материального положения (из-за чего некоторые священники подавали прошения о переводе) консисторией проводилось объединение приходов³⁵.

В протоколах заседаний консистории имеются сведения об утверждении церковных старост, которые выдвигались на эту должность по приговору общества прихожан. Документы позволяют узнать не только о конкретных персоналиях, но также об их деятельности и помощи, которую они оказывали церквям. В 1861 г. против утверждения на должность старосты в Лакской Лукинской церкви высказался ее священник Илья Семеновуло. Но мнение священника не было принято во внимание, учитывая его частую нетрезвость и неблаговидные поступки, и отставной унтер-офицер Константин Спаи был утвержден старостой на пятое трехлетие³⁶. 24 декабря 1868 г. в консисторию был представлен рапорт церковного старосты Балаклавской Николаевской церкви. Это было ходатайство о постройке дома для причта в связи с тем, что священник Паисий Кулов квартировавший в городском доме, впоследствии проданным, «обремененный большим семейством» остался без жилья. 6 июня 1869 г. консистория, принимая во внимание, что место для постройки дома находится рядом с церковью, проект дома согласован в строительном отделении Таврического губернского правления, прихожанами

³⁴ ГААРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1318. Л. 412.

³⁵ Там же. Д. 1321. ЛЛ. 104–110, 193–195.

³⁶ Там же. ЛЛ. 333–336 об.

частично пожертвован камень для строительства, разрешило использовать кошелевкую сумму 570 руб. 90 коп., хранящуюся в Одесской конторе Государственного банка³⁷.

Большой массив документов составляют персональные дела служителей культа. По персональным делам можно проследить возведение в сан, назначение на должности и перемещение отдельных священно- и церковнослужителей. Особенно это важно для начального периода деятельности церквей, так как других документов о кадровых назначениях не имеется. О том, как консистория старалась положительно влиять на семейные отношения в отдельных семьях, можно увидеть в документах дела «О принуждении севастопольского грека Делазария жить со своей женой Катериною Дмитриевною вместе. 1795 год»³⁸.

Часть персональных дел связана с нарушением церковной дисциплины священно- и церковнослужителей. Дело «О нетрезвом и буйном образе жизни священника Ильи Семеновуло» рассматривалось целый год.³⁹ В результате священник был перемещен в другое благочиние. Персональное дело было также заведено на священника Караньской Константино-Еленинской церкви Феофаниди, обвиняемого в блудной жизни⁴⁰. За венчание несовершеннолетней дочери турецкого подданного грека Георгия Лиандова Софии и факт коррупции в виде подкупа закрыть дело, священник Балточокракской церкви Паисий Кулов в 1861 г. на шесть месяцев был отстранен от должности и переведен на должность причетника в Феодосию⁴¹. Все это свидетельствует о слабой кадровой политике, которая проводилась епархиальным начальством.

Вместе с тем многие священники греческих церквей были образцом нравственности и проявляли личный героизм и мужество в сложных ситуациях, спасая церковное имущество во время военных действий Крымской войны. С 1843 г. в Петропавловской церкви начинает свою службу протоиерей священник Антоний Аргириди, уроженец острова Крит, житель Балаклавы, впоследствии туда же в Балаклаву вернувшийся после службы в Петропавловской церкви. Свою личную судьбу А. Аргириди связал со своей землячкой, уроженкой, как и он сам острова Крит, одной из

³⁷ Там же. Д. 1355. ЛЛ. 680–683.

³⁸ Там же. Ф. 343. Оп. 1. Д. 44.

³⁹ Там же. Ф. 118. Оп. 1. Д. 49.

⁴⁰ Там же. Д. 1522.

⁴¹ Там же. Л. 278–286.

дочерей севастопольского купца 3-й гильдии Эммануила Критико Никулетой (Николетой). О преданности А. Аргириди и служении Богу и Отечеству говорит тот факт, что когда в сентябре 1854 г. в Балаклаву входили английские войска, он не прекратил службу в Николаевской батальонной церкви и не покинул Балаклаву в период Крымской войны⁴².

Значительная часть прихожан окрестностей Севастополя и Балаклавы были «природными греками». Но шел процесс их интеграции в русское общество, чему способствовали близость культур и единая религия. Кроме своего родного языка часть греков знали русский язык. И когда в 1867 г. священник Балаклавской церкви Паисий Кулов был переведен в Лукинскую церковь селения Лаки, прихожане обратились к епархиальному начальству с просьбой вернуть его на прежнее место службы, так как помимо того, что он отличался «отличным поведением, истинно отеческим обращением с прихожанами», он мог вести службу и на русском, и на греческом языках⁴³. Это было удобно для смешанного населения Балаклавы.

Вместе с тем, благочинный округа протоиерей А. Демьянович выражал озабоченность тем, что некоторые греческие священники (Федор Ослан, Савва Карасали, Федор Феофанидис) «не знают по-русски, ни читать, ни писать, ни — даже ни одного слова — говорить», что влекло за собой не представление отчетности, в том числе и о расходовании церковных сумм⁴⁴. В связи с этим благочинный протоиерей ходатайствовал перед Таврической епархией о назначении благочинным балаклавских церквей протоиерея Николая Паксимаде. Но это предложение не было поддержано Таврической духовной консисторией и ведение отчетности в балаклавском регионе было вменено в обязанность священнику П. Кулову⁴⁵. В 1969 г. Николай Паксимаде уже значился благочинным протоиереем, а его брат протоиерей Иван Паксимаде 24 февраля 1869 г. решением консистории — помощником благочинного Севастопольского округа⁴⁶. Иногда языковую проблему поднимали прихожане.

⁴² *Терецук Н.М.* Греческие священнослужители севастопольских церквей // Память о прошлом. Документы, исследования, научные статьи, подготовленные сотрудниками Государственного архива г. Севастополя. Севастополь, 2007. С.15.

⁴³ ГААРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 1345. Л. 51.

⁴⁴ Там же. Л. 54.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 248.

В 1881 г., обратившись в консисторию, они выразили нежелание иметь у себя священника Карасали, не знающего русского языка⁴⁷. Но подобные случаи были единичны.

Следует отметить, что греческие священнослужители принимались в епархию после перехода в подданство России. Прибывшему из-за границы Савве Карасали и желающему быть священником в Камарской Марининской церкви консистория предложила подать прошение преосвященному о принятии в епархию с приложением свидетельства о принятии присяги. После соблюдения процедуры решением Таврической духовной консистории 2 декабря 1868 г. С. Карасали был принят в Таврическую епархию и определен священником в Марининскую церковь⁴⁸.

Ценными по содержанию являются однородные источники — метрические книги, которые хранятся в обоих архивах. Метрические книги имеют гражданско-правовое значение, они являются первоисточником по генеалогии, статистике и демографии греческого населения, в них также представлены священно и церковнослужители. Помимо того, что метрические книги отражают биографические сведения, они также освещают социальное положение, а подчас профессиональное занятия человека в разные периоды его жизни. Метриками также подтверждается подданство того или иного государства. Сведения о греческом населении имеются во всех метрических книгах обоих архивов. В Государственном архиве города Севастополя самые ранние сохранившиеся метрические книги греческой Петропавловской церкви датируются 1820 г.,⁴⁹ а в Государственном архиве Автономной Республики Крым — 1797 г.⁵⁰ Метрические книги остальных упомянутых греческих церквей сохранились частично с начала 1800-х годов.

Следует сказать о том, что метрические книги являются прекрасным источником конкретно-исторического исследования семьи. Именно в метриках фиксируется информации о ней. И на основании изучения метрических книг мы можем говорить о персональной истории. Хочется привести пример со сведениями о греке-революционере Орионе Алексакисе. Старшее поколение помнит его как активного участника революционных событий и организатора в Севастополе Союза социалистической молодежи.

⁴⁷ Там же. Д. 1597. Л. 1–4.

⁴⁸ Там же. Д. 1347. Л. 480–482.

⁴⁹ ГАГС. Ф. 33. Оп. 1. Д. 1.

⁵⁰ ГААРК. Ф. 142. Оп. 5. Д. 1. ЛЛ. 245–247об.

Вместе с тем, практически в научной литературе нет упоминания о его купеческой семье, о том, что его дед по матери Христопуло Афанасий Христофорович был купцом, домовладельцем, директором Балаклавского городского общественного банка.

В семье Орион был не единственный ребенок. После бракосочетания родителей 6 сентября 1898 г.⁵¹, 30 июня 1899 г. родился Орион⁵². В 1901 г. родился его младший брат Дормидонт, но, к сожалению, умер в возрасте 5 месяцев⁵³. Такая же участь постигла и дочь Екатерину, умершую 28 марта 1907 г. от дифтерита в возрасте одного года⁵⁴. И, наконец, 16 мая 1910 г. родилась еще одна дочь Екатерина, дальнейшая судьба которой неизвестна⁵⁵. В период гражданской войны в 1920 г. погиб Орион, направленный на партийную работу в Грецию. Отец из-за сына в 1919 г. был арестован белыми и находился в севастопольской тюрьме. Судился с новой властью из-за конфискованного имущества красными в 1919 г., а также отстаивал свои права на вывоз собственного пианино в Константинополь в 1922 г.⁵⁶ Дед Христопуло Афанасий Христофорович в конце 1920-х годов был лишен избирательных прав⁵⁷.

По метрическим книгам можно проследить изменение социального статуса. В большинстве случаев статус повышался, но были исключения. В качестве примера хочется упомянуть случай, когда человек, родившийся в дворянской семье, ушел из жизни крестьянином. Речь идет об известном народовольце Тригони Михаиле Николаевиче. Отец — Тригони Николай Иванович, участник Отечественной войны 1812 г., генерал-майор 2 июля 1847 г. в возрасте 48 лет впервые женился на сестре писателя-мариниста К.М. Станюковиче, дочери контр-адмирала 23-летней Ольге Михайловне Станюкович⁵⁸. Первенец, сын Иван, родившийся в 1849 г., 16 октября 1850 г. умер⁵⁹, но за день до его смерти 15 октября на свет появился сын Михаил, будущий народоволец.⁶⁰ Впоследствии Михаил Николаевич Тригони, несмотря на свое высокое социальное

51 ГАГС. Ф. 30. Оп. 1. Д. 41 ЛЛ. 36об.-37.

52 Там же. Д. 45. ЛЛ. 13об.-14.

53 Там же. Д. 57. ЛЛ. 34об.-35.

54 Там же. Д. 86. ЛЛ. 140об.-141.

55 Там же. Д. 100. ЛЛ. 5об.-6.

56 Там же. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 9. Л. 58; Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 6. Л. 178.

57 Там же. Ф. Р-247. Оп. 3. Д. 25. ЛЛ. 1-7.

58 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1 ЛЛ. 348об.-349.

59 Там же. Д. 4. ЛЛ. 70об.-71.

60 Там же. ЛЛ. 38об.-39.

положение, создает народовольческие кружки, участвует в подготовке покушения на Александра II. За свои убеждения сидел в Трубецком бастионе и в Шлиссельбургской тюрьме, был лишен дворянского звания и в 1906 г. возвращается в Крым. Умер 3 июля 1917 г. «от острого оттека легких». В метрической книге Балаклавской Николаевской церкви М.Н. Тригопи записан как «крестьянин Таврической губернии Симферопольского уезда, Дуванкойской волости, приписанный для счета народонаселения». Похоронен на Балаклавском приходском кладбище⁶¹.

Дед народного художника СССР, оформителя «Библиотеки всемирной литературы», в том числе «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, Дмитрия Спиридоновича Бисти — Леонид Григорьевич с конца XIX в. был владельцем фешенебельной гостиницы «Россия» на набережной в Балаклаве⁶². 28 июля 1891 г. у него родился сын Спиридон, отец будущего художника, крещенный в Балаклавской Николаевской церкви⁶³. Сведений об этой семье в метрических книгах имеется довольно много. Семья породнилась кумовством с владельцем гостиницы «Гранд-Отель» в Севастополе греком Леонидом Дмитриевичем Кидонисом. Дядя художника Бисти Георгий Леонидович был врачом в Балаклаве, а в 1926 г. — даже депутатом Балаклавского городского совета⁶⁴. Дополняет эти сведения запись о рождении 27 июня 1925 г. самого художника Дмитрия Спиридоновича Бисти, которая сохранилась в документах ЗАГСа⁶⁵.

В заключение следует сказать, что в настоящее время, когда отношения между государством и церковью строятся на взаимном сотрудничестве, научные исследования в области церковной истории становятся актуальными и в полной мере получают свое развитие в исторической науке.

⁶¹ Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 143. ЛЛ. 393об., 394.

⁶² Адрес-календарь Севастопольского градоначальства. Севастополь, 1911. С. 178.

⁶³ ГАГС. Ф. 30. Оп. 1. Д. 22 ЛЛ. 114об., 15.

⁶⁴ Там же. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 12. Л.15.

⁶⁵ Там же. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 45. Л. 273.

О.В. Соколовская
(Москва)

РУССКО-ГРЕЧЕСКАЯ ТОРГОВЛЯ, ДИНАСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И КРЫМСКИЕ ГРЕКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Значительную роль в экономике молодого греческого государства, созданного в 1830 г., играла русско-греческая торговля, осуществлявшаяся со стороны России с помощью многочисленной греческой диаспоры юга России, в том числе греками, проживавшими веками в Крыму. Русско-греческая торговля XIX в. базировалась на принципах Торгового трактата 1850 г. (полностью — «Трактат о торговле и мореплавании»), который давал православной Греции и греческим торговцам, проживавшим в двух странах, значительные привилегии¹.

Развитию торговли, в том числе с иностранными государствами, в России с середины XIX в. способствовали реформы Александра II по освобождению крестьян, понижение таможенного обложения привозных товаров, развитие сети железных дорог², уничтожение откупов и отмена подушной подати с мещан и крестьян, деятельность земских учреждений, судебная реформа и многое другое. Начиная с 1870-х гг. Россия в связи с быстрым ростом сельского хозяйства юга России становится крупнейшим экспортером зерна, который по объемам занимал 3-е место в мире, а более 60% экспорта зерновых из России шло через южные порты, хотя сами грузы нередко предназначались для Западной Европы. Россия также в огромных объемах экспортировала керосин, лес, мясо, скот, кожу, рыбу, красную и черную икру сыр, и многое другое.

Греческие купцы ввозили в Россию оливковое масло, оливки, финики, коринку (сушеный изюм из мелкого черного винограда без косточек, который использовался для изготовления вин и широко — в кондитерской промышленности)³. Несмотря на то, что Греция не представляла значительного интереса для русского экспорта (хотя

¹ Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией и другими государствами и касающихся различных вопросов частного международного права. СПб., 1889. Т. 1.

² Только к началу XX в. основные города Крыма были связаны железно-дорожной сетью.

³ ГИА Санкт-Петербурга. Ф. 25. Оп. 9. Д.718. Л. 426.

торговля с ней увеличилась вдвое в конце XIX в.), для самой Греции Россия была главным торговым партнером. Объем российского экспорта в Грецию на протяжении всей второй половины XIX в. был в 10 раз больше, чем греческий в Россию. В 1904 г. российский экспорт в Грецию составлял более 31 млн. драхм, в то время как британский — не более 28 млн. драхм⁴.

Русская экспортная торговля в Восточном Средиземноморье находилась под контролем иностранных фирм и, в первую очередь, еврейских и греческих, которые жестко конкурировали между собой всю вторую половину XIX и начала XX в. Вывоз российского экспорта являлся одним из главных занятий большинства греков, проживавших на морском побережье Черного и Азовских морей. Постепенно к началу XX в. еврейские фирмы вытеснили греков из главных городов Крыма — Одессы, Ялты и единственным путем сохранения своего бизнеса в этих городах стало создание совместных греко-русско-еврейских фирм. Главными же городами, через которые осуществлялся вывоз российского экспорта греками стали порты Азовского моря.

Основными участниками внешней торговли России были греческие фирмы Одессы, Ростова, Мариуполя и Таганрога, но в их деятельности участвовали все греческие колонии юга России, пользовавшиеся большими привилегиями, дарованными еще при Екатерине Великой, отблагодарившей греков за помощь в войне с турками. С конца XVIII в. греческий торговый флот был основным морским перевозчиком российских товаров, идущих из Черного и Азовского морей. До середины XIX в. Российский торговый флот был почти неразвит и лишь в 1856 г. было основано Российское общество пароходства и торговли (РОПиТ) — российская судоходная компания, которая постепенно развивалась и принимала все большее участие во внешней торговле России на Черном море. В Севастополе находились крупные судоремонтные мастерские РОПиТ. На РОПиТ работало немало греков, которые были иностранными торговыми агентами. Так, на Крите своей работой славился грек Миссурис.

Однако даже в начале XX столетия в России все еще не было своего сильного торгового флота; она, как перевозчик, занимала 11-е место в мире. Под русским флагом ходило 2533 парусных и 834

⁴ *Pepelasis Minoglou I., Sokolovskaia O., Louri H.* Greek diaspora merchant communities of the Black sea and the sea of Azov and Greek-Russian trade: 1870–1917. Athens. 1994. P. 7–10.

паровых торговых судна, многие из которых принадлежали грекам еще с начала XIX в.⁵, например — крупнейшим судовладельцам Марку Вальяно и Негрепонте. Вплоть до конца Первой мировой войны морская торговля приносила немалые плоды Греции и грекам, проживавшим на берегах Черного и Азовского морей и непосредственно в Крыму.

Греческие купцы по мере возрастания капитала не ограничивались морской торговлей, их интересы были разносторонними. Их бизнес отличался соединением усилий в торговой, банковской, страховой и других сферах. Они успешно занимались табачной промышленностью, производили сигареты, соду, масло, сахар, минеральную воду, резали мрамор, занимались пчеловодством и проч. Греческие купцы также успешно торговали зерном и керосином внутри самой России, например, на Кубани.

Процветанию греческих фирм на юге России способствовали многие факторы: коммерческий опыт, передававшийся из поколения в поколение, природное чутье их владельцев, семейные и родственные связи в России и за рубежом, многолетние накопления капиталов и вложение их в недвижимость, умение дать грамотную рекламу и многое другое. В греческой купеческой среде юга России наиболее влиятельными были выходцы с острова Хиоса, представители хиосских аристократов, прибывшие в Россию в начале XIX в. — Ралли, Родоканаки, Маврокордато, Негропонте, Петрокино и др.

Богатейшим и самым известным греческим родом в России были Родоканаки, ставшие уже с начала XIX в. русско-подданными. Торговая империя семьи Родоканаки охватывала своей деятельностью все побережье Черного моря и юг России в целом. Основателем ее был Федор Павлович Родоканаки, ставший купцом 1-й гильдии, что позволяло ему избираться депутатом одесской Городской думы, стать судьей Одесского окружного суда и проч.⁶ На фирму «Родоканаки» работали тысячи рабочих и многочисленный штат сотрудников. Его мельницы в Новороссийске и Севастополе производили в день более 6,5 тыс. пудов муки высшего качества. Причем вся продукция этих крупных предприятий — паровых мельниц —

⁵ Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т. 22. С. 33.

⁶ Родоканаки Федор Павлович (1799–1882), купец 1-й гильдии, создатель «Дома Родоканаки», родился на острове Хиос. В Одессе 20-летний Ф. Родоканаки появился в 1819 г., имея уже капитал в 50,1 тыс. рублей. См.: Янници Ф. Греческий мир в конце XVIII — начале XX вв. СПб. 2005 г. С.146–148, 150.

предназначалась на экспорт. Он же играл большую роль в морской торговле, его суда базировались в шести черноморских портах. Греческий исследователь Ф. Янници приводит, однако, более скромные цифры. Ей известно лишь об одном торговом пароходе «Михаил», на котором Ф. Родоканаки успешно осуществлял свои коммерческие рейсы, а иногда сдавал пароход в аренду для международных перевозок.

Семье Родоканаки принадлежала самая большая доля в Торговом доме «Родоканаки» в размере 200 тыс. руб. Ф.П. Родоканаки был крупнейшим акционером множества промышленных и торговых Товариществ: Южнорусского кожевенного производства, золотоискательного, виноделия и винного производства, был акционером металлургического завода «Сормово» и др.⁷ Он же был основателем нескольких банков юга России и даже одного в Санкт-Петербурге. Вершина успеха этой семьи была достигнута при Перикле Федоровиче Родоканаки в конце 80-х гг. XIX в., которого в 1896 г. по рекомендации С.Ю. Витте, министра финансов, представили к дворянскому титулу. В 1901 г. Торговый дом «Родоканаки» был закрыт, не выдержав конкуренции с еврейскими и русскими фирмами. Однако эта семья внесла заметный вклад в развитие экономики, промышленности и торговли юга России. Создал свои судходные компании, торговые дома, банки, представители семьи занимали ключевые позиции в экономической структуре этой части империи.

Успехи греков во многом объяснялись не только протекционистской политикой России по отношению к иностранцам, успешно осваивавшим присоединенные к Российской империи регионы, но и опытом нескольких поколений, создавших разветвленную международную инфраструктуру семейного или кланового бизнеса⁸. Это помогало им осуществлять международные торговые контакты России со многими странами Средиземного моря, Западной Европы и с самой Грецией.

В Балаклаве и Севастополе таких крупных греческих фирм мы не знаем: греки владели в основном мастерскими различного назначения или фабриками кустарного типа.

⁷ Там же.

⁸ Белоусова Л.Г. К вопросу об интеграции греческих купцов в экономику Российской Империи: династия хиосских негоциантов Петрокино в Одессе (XIX — начало XX вв.). // www.rusnauka.com/NIO_2007/Istoria/18370.doc.htm

К середине XIX в. греческие торговцы, в том числе проживавшие или имевшие филиалы своих фирм или своих поставщиков в Балаклаве и Севастополе, были чрезвычайно богаты. Постепенно они становились землевладельцами и фабрикантами, а также банкирами и судовладельцами. Как правило, разбогатев, они не занимались каким-то одним бизнесом, а предпочитали разнонаправленную деятельность, но никогда не забывали морскую торговлю. Греческие предприниматели входили в состав различных торговых товариществ, палат, которые влияли на условия внешнеторговой деятельности и нередко освобождали своих соплеменников от вывозных пошлин.

Так, известно, что с 1879 г. от уплаты пошлины освобождались товары, объем которых не превышал 5 тыс. руб. в год, идущих через греческие фирмы Одессы, Севастополя и Таганрога. Среди фирм, торгующих с зарубежными купцами — ежемесячно от 70 до 240 торговцев отправляли свои изделия за рубеж и получали товары из-за границы. Среди них были известные греческие фамилии — Родоканаки, Вучино, Криона, Павлиди, Паригори, Грипари, Кананаки, Склаво, Теодориди, Марино, Милонади, Месаксуди, Николопуло, Христо и др.⁹

К началу XX в. на юге России проживало около 600 тыс. человек¹⁰, в том числе 3,1 % греков, ставших к этому времени в основном гражданами Российской империи, поскольку они потеряли большинство своих привилегий. Естественно, принятие российского подданства в основном объяснялось экономическими причинами: в условиях отмены порто-франко это давало возможность быть причисленным к купеческому сословию России и получения соответствующих льгот по уплате налогов. Также в этом случае значительно расширились возможности участия в общественной жизни города посредством избрания на выборные должности, например, в городскую Думу и др. В середине XIX в. среди греков Крыма это было типичным явлением, свидетельствующим о постепенной ассимиляции второго и третьего поколений греческих эмигрантов. Например, Евстратий Дмитриевич Петрококино дослужился до чиновника особых поручений в Министерстве торговли и промышленности, а в 1916 г. был назначен на должность директора Кавказских минеральных вод.

⁹ См.: Белоусова Л.Г. Указ. соч.

¹⁰ По другим данным в 1897 г. В Крыму проживало, по уточненным данным, 547 тыс. человек, из них русских — 33,1 %, почти столько же татар, а греков — 3,1 %.

Однако греки, проживавшие на юге России и, в частности, в Крыму, никогда не порывали связи с родиной и во многом ощущали себя частью национального государства, и совершенно точно — частью эллинизма. Нередко патриотические чувства побуждали их к отъезду в Грецию, где их судьбы не всегда складывались так же успешно, как в России. Кроме того, в государственных российских архивах встречаются многочисленные свидетельства о крупных пожертвованиях Греции греческими купцами юга России. Самым известным греческим меценатом-патриотом был Георгий Аверофф¹¹, торговавший русским зерном, который из своих личных средств оплатил реставрацию древнего стадиона в центре Афин («Панасенаик»), в котором в апреле 1896 г. происходило открытие Первых Олимпийских игр современности¹². В 1911 г. был построен и зачислен в списки греческих ВМФ флагманский крейсер, которому было присвоено имя этого мецената, оплатившего треть его стоимости. Крейсер успешно воевал в годы Балканских войн против турецких военно-морских сил.

На территории России существовало огромное количество греческих консульств, в том числе в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе, Екатеринодаре (Краснодаре), Таганроге, Новороссийске, Батуме, Севастополе, Ростове-на Дону. Также большую помощь грекам оказывали греческие вице-консульства в Керчи, Симферополе, Евпатории, Ялте, Бердянске, Мариуполе, Потии, Николаеве и других городах.

Не имея своих покровителей в высших государственных торговых и морских ведомствах России, греки возлагали надежды на династические связи двух стран, которые укрепились после заключения брака в 1867 г. между греческим королем Георгом I¹³ и великой княжной Ольгой Константиновной¹⁴, внучкой Николая I. Греческое правительство стало активно бороться за новые послабления в торговле в пользу греков. Греция неоднократно — в 1877,

¹¹ Аверофф Георгиос (1818–1899), успешный предприниматель и крупнейший греческий меценат.

¹² См.: Соколовская О.В. Все начиналось в Афинах // Европа. № 7 (41). Июль-август. 2004. С. 23–26.

¹³ Георг I, Вили (1845–1913), греческий король (1863–1913), урожденный принц датский Вильгельм, брат императрицы России Марии Федоровны.

¹⁴ Ольга Константиновна (1851–1926), урожденная великая княжна, внучка императора Николая I (1796–1855), старшая дочь великого князя Константина Николаевича (1827–1892), генерал-адмирал русского флота, жена греческого короля Георга I (1845–1913), королева эллинов.

1885, 1888 и 1889 гг. — обращалась к русскому правительству с просьбой снизить пошлины на ввоз оливок, оливкового масла и табака, которые составляли основу греческого экспорта в Россию.

Российское правительство, особенно после восшествия на престол «самого русского царя» Александра III, постепенно осознавало необходимость поддержки своего русского купечества и развития своего торгового флота. Так, в 1885 г. русская торгово-промышленная делегация во главе с министром сельского хозяйства Дмитрием Милютиным посетила Грецию и Турцию. В отчетном докладе царю министр с сожалением писал, что вся наша русская внешняя торговля находится в руках иностранцев, которые тесно связаны с иностранными фирмами или являются их торговыми агентами.

Поэтому ответ на обращения Греции был почти всегда отрицательным, поскольку пошлины на греческую продукцию и так были значительно ниже, чем на товары других экспортеров в Россию. И даже близость греческой королевы Ольги к царям, и ее особенно теплые отношения с кузеном императором Александром III, не давали значительных поправок в торговле. Так, Ольга писала после очередного провала русско-греческих торговых переговоров в январе 1887 г.: «Здесь (в Греции. — О.С.), как мне кажется, сильное возбуждение против России — прости им Господи, а я прощать не в силах — статьи пишутся в газетах самые возмутительные... Кроме уже давнишнего брожения на Востоке, этому способствовала пошлина, возложенная на коринку с 1-го января — это очень тяжело для Греции, но не могла она, однако, ожидать, что Россия пожертвует для Греции интересами своих граждан!!! Вероятно, из-за коринки и мне перепадает. Но что может быть гаже наших газет — это такая пакость!»¹⁵ Тем не менее, отношения России и Греции в период правления Александра III были почти идеальными и некоторые экономические послабления все-таки были: Россия пошла на уступки греческим просьбам и пошлины на ввоз маслин снизились на 25 %¹⁶.

Интересные документы о переговорах по вопросам пересмотра Трактата о торговле и мореплавании имеются как в Государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ГИА), так и в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). В связи с экономическим кризисом в Греции 1893 г., который был вызван

¹⁵ ГАРФ. Ф.660. Оп. 2. Д. 225. № 1. Афины. 2 (14) января 1987.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Греческий стол. Д. 519. Л. 76.

непомерными греческими займами, шедшими на модернизацию страны¹⁷, а также отказом Франции закупать в огромных количествах коринку¹⁸, греческое правительство обратилось к России с предложением заключить новый Трактат о торговле, т.е. отменить старый Трактат 1850 г.

Греки, как сообщал министр финансов С.Ю. Витте в Департамент торговли и мануфактур, желали не только закрепления с российской стороны беспошлинного пропуска коринки, но также разрешения «без всяких ограничений приготовления изюмного вина, ныне дозволенного только евреям для их религиозных обрядов». Во-вторых, писал Витте, греки предлагали, чтобы акциз на изюмный спирт был понижен. Далее, греческое правительство желало «понижения таможенных пошлин на оливковое масло с 1 р. 98 к. до 60 к. золотом с пуда и допущения беспошлинного ввоза маслин». Взамен этого они соглашались снизить пошлины на главный экспортный товар России — красную и черную икру, закрепить ныне действующие пошлины на пшеницу и принять на себя обязательство покупать исключительно в России минеральные осветительные масла, составляющие в Греции предмет правительственной монополии.

С.Ю. Витте считал, что «вышеупомянутые предложения касаются столь существенных интересов нашей торговли и промышленности и столь важных статей нашего таможенного дохода, что при всей готовности содействовать упрочению и развитию торговых сношений между нашими дружественными державами, путем установления возможно более льготных условий взаимного товарообмена, я не признаю возможным согласиться на удовлетворение заявленных греческим правительством пожеланий». Он объяснял, что «разрешение на изготовление изюмного вина... лицам других вероисповеданий (кроме евреев) представляется весьма нежелательным в интересах русского виноделия..., для которого это явилось бы сильным конкурентом, благодаря дешевизне привозимой из Греции беспошлинной коринки».

¹⁷ К 1893 г. выплата процентов по займам иностранным державам составила 1/3 бюджета и правительство Харилаоса Трикуписа было вынуждено объявить Грецию банкротом. См.: *Соколовская О.В.* Греция на путях становления буржуазного государства. 1878–1918 гг. // Балканы в конце XIX начале XX века. М., 1991. С.218.

¹⁸ До 1893 г. французский рынок для греческого экспорта был важнейшим. Франция закупала греческую коринку в течение 20 лет в очень больших количествах, т.к. она пережила страшный неурожай винограда.

С.Ю. Витте писал также, что «оливковое масло, маслины, сушеные винные ягоды относятся к числу таких товаров, пошлины на которые установлены в целях чисто фискальных и доставляют казне довольно значительный доход (от 1 ½ до 2 млн. рублей золотом ежегодно)». Следовательно — это убытки для России, которые нельзя покрыть увеличением экспорта в Россию оливкового масла. «Я считаю возможным, — заключал министр финансов, — только на маслины снизить пошлины в размере 25 % (с 2 р. до 1 р. 50 к. золотом с пуда)». Понижение, считал министр, могло бы иметь смысл, если бы греческое правительство согласилось закрепить действующие ныне таможенные пошлины на ввоз из России хлеба и понизить тарифные ставки на коровье масло, икру и некоторые другие продукты¹⁹.

Начались долгие переговоры о пересмотре таможенных пошлин. С.Ю. Витте вначале отказал грекам, посчитав, что казна и российские виноделы понесут слишком большие потери. Он предлагал оставить действующий Трактат 1850 г. в силе и ограничиться некоей дополнительной конвенцией, формулирующей взаимные тарифные уступки. Однако после неожиданной смерти Александра III Витте пришлось пойти на уступки грекам, тем более что в экономический вопрос вмешались династические интересы. Более того, переговоры возглавил сам греческий король Георг I, прибывший в Санкт-Петербург осенью 1894 г. на похороны скончавшегося Александра III.

С самого начала обращений Греции с просьбами о снижении ввозных пошлин их поддерживали российские дипломаты, находившиеся в Афинах под сильным влиянием греческой королевы — урожденной великой княжны Ольги Константиновны и мало понимавшие в экономике. Особенно старался склонить русское правительство к компромиссу императорский посланник в Афинах Михаил Константинович Ону. Так, например, в «Дневнике 1894–1896» графа Владимира Николаевича Ламздорфа, первого советника министра иностранных дел (с 1886 г.) есть запись от 2 июля 1895 г.: «Ону работает вместе с Витте, улаживая дело с торговым договором, которого так горячо желает греческий король; он сообщает нам компромиссный проект. Министр финансов не упускает случая сделать приятное для членов императорской фамилии, и, видимо, сумел ухватить за деликатную сторону дела,

¹⁹ АВПРИ. Ф. Греческий стол. Отдел V. Стол. I. Д. 519. 1 октября 1894 г. Л. 76–78.

интересующего брата императрицы-матери»²⁰. Министр иностранных дел России Николай Карлович Гирс, по совету авторитетного М.К. Ону, неоднократно просил министра финансов С.Ю. Витте учитывать политическую значимость вопроса, а именно задачу усиления роли России в Греции. Россия играла гораздо менее заметную роль в Греции, чем Великобритания, Франция и Германия, которые были ее крупнейшими кредиторами. М.К. Ону в своих депешах из Афин подчеркивал не только конфессиональную близость двух стран, но и важность династических связей.

С согласия нового императора Николая II, родного племянника королевы эллинов Ольги и короля Георга I (матерью Николая была родная сестра греческого короля — урожденная датская принцесса Дагмар, в православии — Мария Федоровна), переговоры о пересмотре Торгового трактата были успешно продолжены. Момент оказался для греков вполне подходящим. С. Витте по-прежнему отстаивал свое ранее высказанное предложение — оставить основные статьи Торгового трактата 1850 г. без изменений, но дополнить их новыми статьями. Он соглашался до 1903 г. отменить налог на импорт греческой коринки в Россию и снизить на 50% налоги на оливки и оливковое масло.

В декабре 1894 г. российский посланник М.К. Ону сообщал в МИД России, что премьер Греции Х. Трикупис и греки в восторге от предлагаемых уступок (особенно от льгот по коринке — самой главной и доходной их статьи экспорта), которые собирается сделать Греции русское правительство под давлением находящегося в России греческого короля Георга I. «Греческие торговцы, — сообщал М.К. Ону, — надеются заменить западные рынки, откуда чрезмерный протекционизм их почти совсем изгнал — русским рынком, на котором в последнее время ввоз коринки начал играть значительную роль»²¹. При этом Ону сообщал премьеру Трикупису о нежелательности со стороны Греции повышать на 50% ввозные пошлины на российский хлеб.

Переговоры о коринке вызвали небывалый протест со стороны виноделов Бессарабской и Тифлисской губерний. В августе председатель бессарабской губернской земской управы г. Кишинева писал «его превосходительству Д.Л.Лисовскому» по поводу беспошлинного ввоза коринки в Россию, объясняя, «какое важное значение имеет для экономической жизни Бессарабии предположительный

²⁰ Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 223–224.

²¹ АВПРИ. Ф. Греческий стол. Д. 519. Л. 20–21.

налог и в особенности вопрос о коринке, беспошлинный ввоз которой грозит полным уничтожением местного виноделия»²². Он писал, что «в настоящее время коринка через Одессу и другие порты Черного и Азовского морей уже вывозятся в пределы России в очень значительных количествах, и вследствие своего обилия продается по очень низким ценам — 80 к. за пуд, а только из одного пуда коринки легко сделать от 2-х до 3-х ведер вина, то прямым следствием является падение цен на натуральное вино». Он безуспешно предлагал ввести акциз на коринковое вино, такой же, как во Франции²³.

Вот еще несколько интереснейших документов, демонстрирующих кухню принятия решения по коринке. В письме к брату великому князю Константину Константиновичу греческая королева Ольга сообщала: «У меня явилась весьма смелая, м[ожет] б[ыть] несбыточная мысль, однако, если Господь захочет, то Он ее осуществит. Министр финансов мне говорил, а потом по моей просьбе и письменно изложил вопрос о коринке. Н[а] пр[имер], вот что он пишет: «Пошлина эта (т.е. на коринку) для России не составляет предмета фиска. Цель ее другая: охранение нашего виноделия». И дальше: «Если окажется невозможным снять пошлину, то м[ожет] б[ыть] будет признано возможным возвращать греч[ескому] правительству взыскиваемую Россиею пошлину с определенного количества коринки — 100–300 т. пудов». Если это будет решено, и деньги эти будут возвращаться греч[ескому] правительству, то они попадут в общий финансовый водоворот и никогда ничего не будет сделано из того, что необходимо. Т.е. на первом плане, вопрос громадной важности: постройка тюрем²⁴. Наши тюрьмы — это рассадник чахотки и других болезней и нравственная порча населения, а были бы хорошие тюрьмы с хорошими священниками, правильным учением и работой, то добро, приносимое населению, было бы неизмеримо. (Уж это видно по единственной хорошей тюрьме, существующей в Греции — тюрьме несовершеннолетних преступников). Я попрошу, что, если решат отдавать известную сумму, чтоб отдавали ее мне; пусть эти деньги отдадут здесь, если хотят, в международный контроль²⁵ и там будут знать, на что я эти суммы буду

²² Там же. Л. 88.

²³ Там же.

²⁴ Подчеркивание в текстах сделано рукой греческой королевы.

²⁵ Международный финансовый контроль над Грецией был установлен великими державами в 1897 г. после банкротства Греции в результате поражения в 30-дневной греко-турецкой войне 1897 г.

употреблять. Положим, что это будет около миллиона драхм в год: представь себе все, что я могла бы сделать с такими деньгами!!! Тюрьмы, казармы, (кот[орые] ужасны), церкви, в которых чувствуется громадный недостаток, госпитали в провинциях, военные и другие, о которых никто не заботится, санатории для чахоточных, кот[орых] здесь не существует, а чахотка все больше распространяется, и много-много другого. Для России эта была бы капля воды — 300 т[ысяч] в год, здесь это было бы спасение, а для меня — такое счастье, что сердце замирает, и голова кружится при одной мысли. Конечно, я не забываю, что самое главное желание населения Пелопоннеса, чтоб пошлина с коринки была бы совсем снята, но если это окажется невозможным, то отчего бы не исполнить моей просьбы, сказать греч[ескому] правительству: «Известную часть ваших денег мы будем возвращать Греции, но получать их будет ваша королева для благотворительных учреждений, тюрем и т.п.» Это, кажется, так просто! Не знаю еще, как мне за это дело взяться: написать прямо Ники (императору Николаю II. — *О.С.*), или пока П.П. Толстому, чтоб он подготовил Витте к этой мысли? Я думаю, я напишу Толстому»²⁶.

В результате, в связи с крайним возмущением российских торговцев винами, в основном молдаванами и грузинами, вопрос о коринке был решен так: все доходы от нового налога на ввоз коринки в Россию получала не российская казна, а греческая королева для своей обширной благотворительной деятельности в Греции. При этом вопрос о снижении Грецией пошлин на ввоз русского зерна и муки, которые увеличивались дважды — в конце XIX в. и в 1905 г. — более не поднимался российской стороной. Грецию простили.

Важнейшим моментом в истории молодого греческого государства стали события после поражения Греции в 30-дневной греко-турецкой войне 1897 г., когда оно могло исчезнуть вовсе, но активная политика России спасла его. К войне привела непродуманная политика ярого националиста Т. Делиянниса²⁷ (мечтавшего о захвате Константинополя и превращении его в столицу Великой Греции), а ее следствием стал новый широкомасштабный экономический кризис. В 1898 г. дефицит бюджета Греции достиг невиданной в истории страны суммы в 207,3 млн. золотых драхм.

²⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 225. № 9. Татой 9 (21) февраля 1899.

²⁷ Делияннис Теодорос (1824–1905), государственный деятель Греции, занимавший крайнюю националистическую позицию по созданию Великой Греции.

Под предлогом обеспечения уплаты долгов и контрибуции еще в 1897 г. была создана Международная финансовая комиссия из представителей Англии, Франции, России, Австро-Венгрии, Германии и Италии. Платежи по предложению западных членов комиссии должны были увеличиться в несколько раз, и это было весьма выгодно великим державам, особенно главным кредиторам Греции — Германии, Франции и Англии. Выплаты Греции по займам теперь должны были составить 44% всего греческого бюджета и грозили потерей государственности.

Особую позицию в комиссии с самого начала заняла Россия, которая добивалась смягчения для Греции условий экономического контроля. С.Ю. Витте считал, что «неудачное окончание войны не дает нравственного права требовать увеличения старых платежей», так как они с войной ничего общего не имеют. Витте в записке новому министру иностранных дел России М.Н. Муравьеву писал, что в случае принятия предложений западных держав «вряд ли речь может идти о существовании Греции как самостоятельного государства». Витте убедил русское правительство не настаивать на слишком тяжелых условиях.

Теснейшие династические связи петербургского и афинского дворов, незаинтересованность России в увеличении Грецией платежей по старым долгам способствовали тому, что международная комиссия вынуждена была уступить. Долг Греции великим державам был значительно уменьшен, а Греция спасена как жизнеспособное государство²⁸. С 1898 по 1907 гг. было полностью восстановлено равновесие финансов, а также курс драхмы. Теперь греческие финансы находились в гораздо лучшем положении, чем на протяжении всего XIX в.²⁹ С облегчением вздохнули и греческие негодянты юга России, которые возобновили и даже увеличили объемы торговых операций.

Неожиданный удар по русско-греческой торговле был нанесен в период русской революции 1905–1907 гг., когда полностью были перекрыты поставки керосина из Баку. Следующий удар был связан с двумя балканскими войнами 1912–1913 гг. Закрытие черноморских проливов Босфора и Дарданелл могло нанести непоправимый ущерб русской торговле хлебом, а, следовательно, грозило

²⁸ Соколовская О.В. Греция на путях становления буржуазного государства. 1878–1918 гг.. С. 220–221.

²⁹ Она же. Основные проблемы внешней политики Греции в конце XIX в. // В пороховом погребе Европы». 1978–1914 гг. М., 2003. С. 248–249.

ударом по деятельности многочисленных греческих внешнеторговых фирм. Этот вопрос бурно обсуждался в русской и греческой прессе. Член Государственного совета Н.С. Авдаков писал в газете «Новое время» 1 октября 1912 г.: «Русская экспортная торговля находится под страхом за Проливы. ... Не надо забывать, что наш хлебный вывоз достигает в настоящее время полутора миллиардов рублей, причем шестьдесят процентов направляется через Черное море. ... Закрытие Дарданелл, которое представляется весьма вероятным, если не будут сделаны надлежащие воздействия, повлечет за собой настоящее бедствие для России»³⁰.

И, скажем мы, для всей южнорусской торговли, находившейся в большой степени в деловых руках греческих торговцев. В начале XX в. проблема прохода торговых судов через Проливы все еще не была окончательно разрешена (в связи с нерешенностью самого вопроса о Проливах) и влияла на южнорусскую торговлю (прежде всего на экспорт зерна), которая играла по-прежнему важнейшую роль в экономике России и проживавших на Черноморском побережье греков. Между 1903–1913 гг. 37% русского экспорта шло через порты Черного моря (в том числе 50% экспорта зерна). Главными перевозчиками российского экспорта в начале XX в. все еще были суда, ходившие под греческим флагом (75 %) ³¹.

После убийства в конце Первой балканской войны короля Георга I весной 1913 г. (вскоре после взятия греками важнейшего торгового порта Салоники) на престол вззошел кронпринц Константин, занимавший четкую прогерманскую позицию. Константин учился в Германии и был женат на сестре кайзера Вильгельма Софии, которая терпеть не могла греков и русскую королеву-мать Ольгу. Очень скоро вдовствующая королева почувствовала себя неудобно в афинском дворце, где ее немедленно выселили из лучших комнат, несмотря на четкое завещание ее мужа-короля, и большую часть времени она проводила вне Греции. В июле 1914 г. Ольга Константиновна решила на время вернуться в Россию, повидаться с любимыми братьями. Буквально через несколько дней после ее приезда началась Первая мировая война, которая перевернула всю ее жизнь и стала концом российской и закатом греческой династий.

На средства греческой диаспоры России, с большим уважением относившейся к Ольге Константиновне, содержался этапный

³⁰ Россия и Черноморские проливы.(XVIII–XX). М., 1999. С. 286.

³¹ Соколовская О.В. Основные проблемы внешней политики Греции в конце XIX в. С. 458.

лазарет «Общества святой Елены имени ее к. в. к. эллинов Ольги Константиновны» в г. Сарны Волынской губернии. Ольга Константиновна посещала лазарет и вела переписку с жертвователями.

С началом войны великие державы — Англия, Франция и Россия стремились не допустить выступления Турции на стороне Германии. Однако уже в конце октября 1914 г. германо-турецкий флот совершил внезапное нападение на Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск, что создавало новую военно-политическую обстановку. Россия объявила войну Турции 2 ноября 1914 г. Вскоре часть торгового флота России, включая торговые суда, принадлежащие российским грекам, была зафрахтована для военных нужд. Начало военных действий на море привело к запрету на посещение российских портов иностранными кораблями, но для греческих торговых судов были сделаны послабления. Греция оставалась нейтральным государством, как Болгария и Румыния, но борьба за их привлечение между великими державами только разгоралась. В январе 1915 г. Великобритания начала переговоры о вступлении Греции в войну на стороне Антанты.

К лету 1915 г. турки стали подвергать аресту греческие суда, везущие хлеб и другие продукты из России. После закрытия Турцией Черноморских проливов в 1915 г. (после начала Дарданельской операции) многие греческие суда оказались запертыми в порту Констанцы в Румынии, ожидая возможности пройти. Однако русское правительство забеспокоилось, что зерно и товары, находившиеся в Констанце, могут быть проданы Румынии и через нее — странам Центрального блока — противникам Антанты. И, действительно, в июле 1916 г. Военно-Контрольным комитетом был обнаружен неприятный для России факт. Фирма «Луи Дрейфус и Со» использовала греческие торговые суда «Андриадис» и «Превеза» для экспорта из России зерна в Румынию, а затем в Австрию. В условиях войны, и Греция, и Россия ограничили торговлю многочисленными запретами. Греки более не могли наравне с русскими купцами торговать зерном, а на остальные товары следовало получать особые разрешения. Греция также ограничил экспортно-импортные операции с Россией.

Сложности, которые переживала русско-греческая торговля в годы балканских войн и в начале Первой мировой войны побудила российского посланника в Греции Елима Павловича Демидова³² выступить с

³² Демидов Елим Павлович (1868–1943), дипломат из рода Демидовых, князь Сан-Донато, посланник в Греции (1912–1924).

предложением о создании Греко-русской торговой палаты, чтобы способствовать укреплению и развитию торговли между двумя странами, особенно в послевоенное время. Хотя предложение было поддержано царем, начертавшим: «Очень желательно», Министерство промышленности и торговли посчитало его «несвоевременным»³³.

После открытия державами Антанты Салоникского фронта осенью 1915 г. без согласия короля (фактически Греция была втянута в войну) греко-русская торговля была подчинена Международной продовольственной комиссии. На основании донесений английской экономической разведки в Греции было закрыто 99 греческих фирм в разных частях самой Греции, которые торговали русским зерном и керосином со странами Центральных держав. В Салониках таких фирм было обнаружено и закрыто — 26, в Афинах — 19, на Крите — 7, Пирее — 16 и т.д.³⁴ К лету 1915 г. российские греки начали испытывать все большие затруднения в своей экономической деятельности из-за закрытия Черноморских проливов и прогерманской политики Турции.

В результате очень многие греки в России разорились или вынуждены были свернуть свои дела. В июне 1915 г. российский Красный Крест рассмотрел заявление «Комитета Греческого этапного лазарета имени ее к. в. к. эллинов Ольги Константиновны» о невозможности дальнейшего его содержания на средства греков России. После недолгих дебатов руководство Российского Красного Креста приняло греческий лазарет на свое содержание, сохранив его прежнее название.

В июле 1915 г. скончался любимый младший брат Ольги Константиновны — великий князь Константин Константинович. Ольга решила открыть в Павловске в память о нем лазарет и «приют для увечных воинов», что стало ее главным делом в России все оставшиеся годы Первой мировой войны. Ольга неустанно работала по сбору пожертвований для лазарета, и они были значительными, что дало возможность закупить хорошее медицинское оборудование, включая рентгеновский кабинет. Так, с 1 октября 1915 г. по октябрь 1916 г. было собрано пожертвований на сумму более 62 тыс. рублей, включая взнос самой Ольги в 6,5 тыс. руб. Крупную сумму в 1200 руб. на содержание двух кроватей в течение года по-

³³ *Pepelasis Minoglou I. Sokolovskaia O. Louri H. Greek diaspora merchant communities of the Black sea and the sea of Azov and Greek-Russian trade: 1870–1917. P. 38–39.*

³⁴ *Ibid. P. 38.*

жертвовала семья Родоканаки. Значительные суммы пожертвовали и севастопольские греки в благодарность за помощь королевы в их судьбе во время их депортации в 1916 г.

Известно о нескольких инициативах русского правительства по высылке греков из Севастополя, Новороссийска, Ялты и других прибрежных городов, имевших важное стратегическое значение для России в военные годы. Жители Севастополя почувствовали дыхание Первой мировой войны, как вспоминают очевидцы, только в ноябре 1914 г. В то время в Европе полным ходом шли сражения. В Севастополе еще с начала войны стоял 13-й и 34-й пехотные дивизии VII армейского корпуса. Ольга Константиновна пыталась отдалить срок депортации греческого населения из Севастополя, чтобы спасти их имущество и часть капиталов. Например, 28 ноября 1916 г. она обратилась к командующему Черноморским флотом Александру Васильевичу Колчаку с письмом, в котором просила дать грекам Севастополя время, чтобы закрыть все их коммерческие предприятия с наименьшими потерями. «Это могло бы в какой-то мере, — писала она, — скрасить их тяжелую судьбу...» И просьба Ольги Константиновны была услышана.

После февральской революции 1917 г. и отречения Николая II дела в лазарете в Павловске пошли все хуже и хуже, даже несмотря на не прекращавшийся поток средств от постоянных жертвователей, — Л.В. Собинова, Нобеля и севастопольских греков. Летом 1917 г. из Греции пришли тревожные известия. Под давлением держав Антанты ее сын — король Константин, который изначально занимал германофильскую позицию, вынужден был отречься от престола в пользу своего сына Александра³⁵ и отправился в изгнание. Ольге Константиновне, пережившей в России гибель большинства членов своей огромной семьи Константиновичей, родственников и друзей, после долгих хлопот королевского дома Дании удалось покинуть большевистскую Россию 14 мая 1918 г. с датским поездом Красного Креста, увозившим военнопленных в Швейцарию. Больше она никогда не была на родине в России.

³⁵ Александр I (1893–1920), король Греции (1917–1920), сын греческого короля Константина I и Софии Гогенцоллерн. Александр стал королем, когда его отец был вынужден под давлением союзников покинуть престол в июне 1917 г. Константин I, зять кайзера Вильгельма II, занимал германофильскую позицию в Первой мировой войне, он покинул Грецию вместе со старшим сыном Георгом, оставив на троне второго сына — Александра. Новый король не имел реальной власти, так как политикой занимался премьер-министр Элефтериос Венизелос.

Прекращение греко-русской морской торговли, пережившей полный упадок после Первой мировой войны, все-таки не оставило греков Крыма без дела, т.к. у них были и другие источники существования. Окончательный удар по русско-греческой торговле был нанесен большевиками после Октябрьской революцией 1917 г. Хотя позже в 1929 г. с Грецией был заключен новый торговый договор, и объемы торговли между Грецией и СССР вновь возросли³⁶.

В целом можно сделать вывод о значительном вкладе греков юга России, в том числе крымских греков, в греко-русскую торговлю второй половины XIX — начала XX вв., даже несмотря на то, что все это время она медленно клонилась к упадку в результате многочисленных факторов экономического, военного и политического характера. Укреплению торговых связей между Россией и Грецией в определенной степени способствовали также тесные династические узы, связывавшие представителей двух царствующих домов.

³⁶ Соколовская О.В. Из истории советско-греческого договора о торговле и мореплавании 1929 г. // Греция–Россия. Тысячелетие связей. Афины. 1995. С. 155–166.

М.А. Араджиони
(Симферополь)

ЗАНЯТИЯ ГРЕКОВ БАЛАКЛАВЫ И СЕВАСТОПОЛЯ. РЕМЕСЛЕННИКИ (1890-Е — 1930-Е ГГ.)

Цель и задачи: представить основные занятия и профессиональную специализацию греков Севастополя и Балаклавы в 1890-х гг. и изменения, произошедшие после 1920 г.; показать профиль греческих общин Севастополя и Балаклавы через призму их основных занятий; сравнить занятия греков Севастополя и Балаклавы с занятиями греков по губернии и другим городам полуострова; определить наиболее популярные профессии среди греков этих городов до 1920 г. и после установления Советской власти; показать изменения в занятиях и специализации греков Крыма вследствие экономической политики СССР в 1920–1930-х гг.; персонифицировать статистические данные конкретными фамилиями и биографиями.

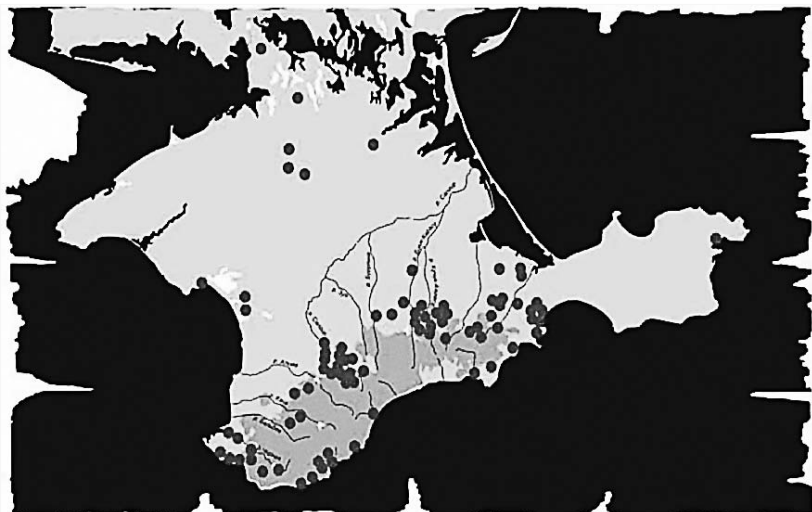
Источники: Первая Всеобщая перепись населения 1897 г.; документы Госархива Автономной Республики Крым и Госархива г. Севастополя; полевые материалы автора 2003–2005 гг.

Общая численность грекоязычного населения (только Крымский полуостров) — 17114 чел., (в том числе грекоязычные евреи, без учета тюркоязычных и русскоязычных греков); 57% грекоязычных — горожане (9831 чел.); 53% грекоязычных — иностранноподданные: 1274 чел. — греческоподданные (84% — горожане) и около 8000 — турецкоподданные (городские и сельские жители). На 1000 мужчин приходилось всего 700 женщин (меньшие показатели лишь у турок, поляков и молдаван). Большое количество трудовых мигрантов и сезонных рабочих (в связи с промышленным и курортным развитием Крыма). В конце XIX в. среди греков Крыма стали численно преобладать греки-«понтийцы» или «анатолийцы».

ГРЕЧЕСКАЯ ОБЩИНА КРЫМА В 1897 г.

Основные занятия грекоязычных горожан Крыма по данным 1897 г.: 29% (2832 чел. с членами семей) — торговля;

24% — другие сферы услуг (в том числе отельеры, рестораторы, парикмахеры, банщики, извозчики, прислуга и др. из мещан, купцов и «цеховых»);

*Карта-схема компактного проживания греков Крыма
в XIX — начале XX в.*

23% — ремесленники или «цеховые», занятые в перерабатывающей промышленности и производствах;
 13% — земледелие, скотоводство, рыбная ловля;
 11% — чиновники, военнослужащие, банкиры, землевладельцы, священники, работники сферы образования и медицины.

Ремесленное сословие или «цеховые»

Цеховым предоставлялось преимущественное право на занятие определенными видами ремесла и продажу своих изделий. Для занятий ремеслами лицами других сословий от них требовалась временная запись в цех с уплатой соответствующих сборов. По закону без записи в цех нельзя было открыть ремесленное заведение, держать работников и иметь вывеску, хотя с 1870-х гг. постепенно эти правила стали упрощаться и к 1916 г. во многих городах Российской империи уже были упразднены Ремесленные управы, которые ведали делами этого сословия.

В цеховое состояние могли записываться все те, кто имел право на приписку к мещанскому обществу. Принадлежность к цеховым усваивалась при рождении и при записи в цех, а также передавалась мужем жене. Но дети цеховых, достигнув совершеннолетия, должны были записываться в ученики, подмастерья, мастера, а в противном случае они переходили в мещане. Желаящие иметь

Греческая церковь Трех святителей, построенная на средства грека В. Феолого (разрушена в 1936 г.). Фотография 1905 г.

свидетельство мастера должны были подать соответствующее прошение, затем, чтобы доказать свою способность заниматься конкретным ремеслом и квалификацию, пройти специальное испытание в присутствии мастеров, уполномоченных Ремесленной управой, и только после этого могли получить необходимые документы для открытия собственного дела.

Свидетельства на звание ремесленников выдавались на неограниченное время тем, кто имел право на постоянную приписку к цеховому состоянию. Процедура была такова: желающий должен был представить в казенную палату увольнительное свидетельство от прежнего своего общества или ведомства и приемное от того ремесленного общества или ведомства, в которое желал вступить. После утверждения казенной палатой ремесленная управа записывала его в общество и выдавала свидетельство. Это позволяло ремесленникам активно мигрировать в поисках более дешевого сырья, нового рынка сбыта своих изделий или потребителей своих услуг.

Основная ремесленная специализация грекоязычных горожан Крыма

Среди ремесленников (переработка и производство) крымских городов в конце XIX в. особенно выделяются греки-строители (404 — непосредственно, и 766 чел. — с членами семьи, т. е. почти

34% от общего количества греков-ремеслен.); изготовители одежды (в том числе портные, шляпники, перчаточники, сапожники) — 173 чел. (79 мужчин и 94 женщины, с членами семьи — 367, всего 16% от общего количества); обработчики растительных и животных продуктов питания — главным образом греки-кондитеры и пекари — 169 чел. (с членами семьи — 314 или 14%); обработчики металлов (медники, лудильщики, жестянщики, кузнецы и др.) — 121 чел. (с членами семьи — 305 чел. — более 13%).

Стоит оговорить, что примерно десятая часть обозначенных в переписи греков, специализирующихся на изготовлении одежды — это на самом деле грекоязычные евреи, что явствует из пофамильных списков ремесленников крымских городов. Обращает на себя внимание и то, что как раз среди греков-пекарей и строителей наблюдается явный дисбаланс в количестве мастеров и членов их семей. Это связано с тем, что многие из этих ремесленников были иностранноподданными — трудовыми мигрантами.

ГРЕЧЕСКАЯ ОБЩИНА СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ГРАДОНАЧАЛЬСТВА

Всего 2849 чел.:

г. Севастополь — 1553 чел. (2-я по численности община, уступает только г. Керчь — 1765 чел.);

г. Балаклава — 624 чел.;

сельское население — 672 чел.

Итого городское население градоначальства — 2177 чел. — 22% от всех греков-горожан и 12,7% от всех греков Крыма.

Занятия греков Севастополя и Балаклавы по переписи 1897 г.:
вооруженные силы — 47 чел. только в Севастополе (48,5% от всех грекоязычных военнослужащих Крыма);

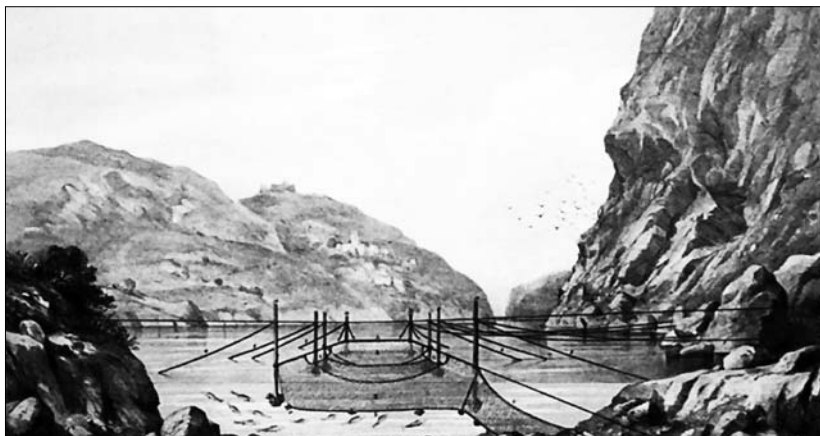
администрация, суд и полиция — 8 в Севастополе и 1 в Балаклаве (всего 17% от всех грекоязычных этой категории;

священнослужители, клирики — 8 в Севастополе и 1 в Балаклаве (всего — 18% от всех грекоязычных священнослужителей Крыма);

врачей, акушеров, медсестер — 3 в Севастополе (11,5% от всех грекоязычных Крыма этих профессий);

учителей, гувернанток — 7 чел. в Севастополе (12% от всех грекоязычных учителей Крыма).

Земледелие. 13 чел. в г. Севастополе, а с членами семей — 18 чел. (1% от всего грекоязычного населения города); 31 чел. в Балаклаве, а с членами семей — 124 чел. (20% от всех грекоязычных города).

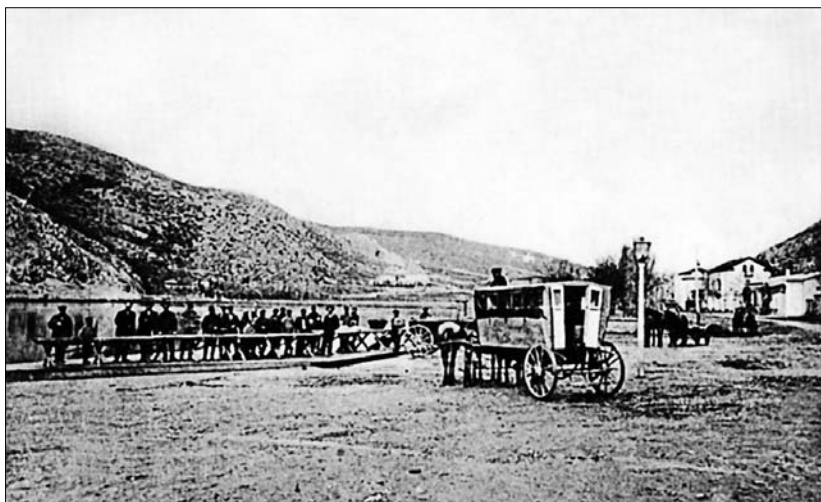
*Завод для ловли скумбрии в Балаклаве,
который был описан А. Куприным в «Листригонах»
(пассаж о греке-рыбаке Юрие Паратино и его рыбном заводе).
Литография из альбома «Рисунки к исследованию рыболовства
на Черном и Азовском морях», Санкт-Петербург, 1871 год*

Рыболовство и охота. 6 чел. в г. Севастополе, а с членами семей — 14 чел.; 47 чел. в Балаклаве, а с членами семей — 134 чел. (21,5% от всех грекоязычных города и 32% от всех грекоязычных., занимающихся этим промыслом в Крыму).

Сфера услуг. Торговля

В целом по Крыму грекоязычные, занимающиеся торговлей с членами семей, составляют 20% (3439 чел.). В г. Севастополе — 263 чел. самостоятельно и 589 — с членами семей (38% от всех грекоязычных города). В г. Балаклаве — 26 чел. самостоятельно и 85 с членами семей — 14% от всех грекоязычных города. Греки-торговцы этих городов составляют 18% от всех грекоязычных Крыма, занимающихся торговлей, а с членами семей — 19,5%. Лидирует торговля сельхозпродуктами, строительными материалами, питейная торговля.

Сфера услуг. Транспорт. Водными сообщениями в г. Севастополе занимаются 26 чел. — 9% от грекоязычных Крыма этой категории (64 с членами семей), а извозным промыслом — 28 чел. — почти 20% всех грекоязычных извозчиков Крыма (44 с членами семей), итого — 108 чел. В Балаклаве — только извозным промыслом — 6 чел. (16 — с семьями).

*Извозчик и рыбаки со свежим уловом в Балаклаве
(из коллекции А. Иванова)*

Сфера услуг. Чистота и гигиена тела (банные заведения, купальни, цирюльни, парикмахерские и др.). В г. Севастополе — 16 чел. — 17% от всех грекоязычных Крыма этой категории (36 с членами семей), в Балаклаве — 2 чел.

Сфера услуг. Размещение. Трактиры, гостиницы, номера и клубы в г. Севастополе — 31 чел. — 14% от всех грекоязычных Крыма, занятых в этом бизнесе (47 чел. с членами семей), 4 чел. в Балаклаве (8 чел. с членами семей).

Сфера услуг. Прислуга, поденщики. В г. Севастополе — 76 чел. — 9% от всех грекоязычных Крыма этой категории (с членами семей — 104 чел.), в г. Балаклаве — 21 чел. (с членами семей — 37 чел.).

Специализация греков-ремесленников (обрабатывающая и производящая промышленность) Севастополя и Балаклавы в сравнении с грекоязычным населением других городов Крыма.

Производства. Ремесленники. Основные профессии:

Пекари, кондитеры — 60 чел. в Севастополе, 11 человек в Балаклаве (всего 30% от всех грекоязычных этой профессии в Крыму).

Строители (в основном каменщики) — 60 чел. в Севастополе и 8 — в Балаклаве (всего 17% от всех грекоязычных строителей Крыма).

Изготовление одежды (в том числе аксессуаров, обуви, головных уборов) — 24 в Севастополе и 5 в Балаклаве (всего 15% от всех грекоязычных портных).

Члены рыболовецкой артели г. Евпатория. 1930-е гг. (ЕКМ)

Обработка металлов (кузнецы, медники, лудильщики) — 14 в Севастополе и 7 — в Балаклаве (всего 11% от всех грекоязычных Крыма этой специальности).

Производство экипажей и деревянных судов — 11 в Севастополе и 1 — в Балаклаве (всего — 21% от всех грекоязычных ремесленников этой специализации).

Фотографы, печатники — 5 в Севастополе или 26% от всех грекоязычных фотографов и печатников Крыма (Х. Запуниди, Н. Апостоли, И. Антонопуло, К. Василю и др.).

СЕВАСТОПОЛЬ

39% — торговля (в городах вообще — 29%), лидируют торговля сельхозпродуктами, стройматериалами, тканями и одеждой (до 20% от всех грекоязычных торговцев Крыма этого профиля);

20% — другие сферы услуг (в том числе отельеры, рестораторы, парикмахеры, банщики, извозчики, прислуга и др. «цеховые»), по городам вообще — 24%;

26% — ремесленники, занятые в перерабатывающей, добывающей промышленности и производствах (по городам — 23%), преобладают строители, пекари, портные, медники;

2% — земледелие, рыбная ловля (скотоводство не показано вообще, в городах вообще — 13%);

*Гостиница «Гранд Отель» и летний ресторан семьи Гинали в Балаклаве
(из коллекции А. Иванова)*

13% — чиновники, военнослужащие, банкиры, землевладельцы, священники, работники сферы образования и медицины (в городах вообще — 11%), греки-военные в Севастополе составляли более 48% от всех грекояз. военнослужащих Крыма.

БАЛАКЛАВА

14% — торговля (в городах вообще — 29%), лидирует торговля сельхозпродуктами;

11% — другие сферы услуг (в том числе отельеры, рестораторы, парикмахеры, банщики, извозчики, прислуга и др. «цеховые»), по городам вообще — 24%;

23% — ремесленники, занятые в перерабатывающей, добывающей промышленности и производствах (по городам — 23%), преобладают обработка волокнистых веществ, продуктов питания, строительные работы, обработка металлов;

41% — земледелие, рыбная ловля (скотоводство не показано вообще, в городах вообще — 13%), рыбная ловля — 32% от всех греков-рыбаков Крыма;

11% — чиновники, военнослужащие, банкиры, землевладельцы, священники, работники сферы образования и медицины (в городах вообще — 11%).

ГРЕКИ КРЫМА В 1926 г.

Греков в Крыму насчитывалось 20536 (2,8% от всего населения), иностранноподданных было 7066 чел. (34%) из них 4068 — греческоподданных. Доля городского населения несколько уменьшилась и составляла около 45%, изменилась социальная структура. Севастополь — 1198 чел. (было 1553 чел.). Балаклава — 480 чел. (было 624 чел.).

В период Новой экономической политики советской власти греки-горожане традиционно работали в сфере услуг и в кустарно-ремесленной промышленности (КРП) Крыма, однако некоторые вынуждены были поменять род своих занятий. Показательна история греческоподданного Николая Анастасьевича Константиныди, 1872 г.р., который до 1918 г. содержал постоянный двор, а в 1929 г. уже значится как житель Севастополя — табаковод¹.

Основная специализация греков-кустарей Крыма в 1926–1927 гг.

По официальным данным на 1926 г. в кустарно-ремесленной промышленности Крыма было занято 863 грека (без членов семей), причем наибольшее количество их проживало в Севастополе — 164 чел. (143 муж. и 21 жен.); в Балаклаве было 85 чел. (84 — муж.) — т.е. почти 29% от всех греков-ремесленников Крыма².

В 1927 г. в КРП Крыма насчитывалось уже 810 чел. (на 53 чел. меньше) — 100%, а именно³:

- пищевкусовая промышленность — 296 чел. — 36,5% (в том числе 263 чел. — 32,6% — хлебопечение);
- производство одежды — 190 чел. — 23,4% (в том числе 90 чел. — 11,2% — обувь, 48 чел. — 6% — портняжное дело);
- рыболовство — 145 чел. — 18,0%;
- обработка металлов — 93 чел. — 11,4%;
- обработка дерева — 23 чел. — 2,8%;
- кожевенное производство — 19 чел. — 2,3%;
- другое — 44 чел. — 5,4%.

¹ Государственный архив Севастополя (ГАС). Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 20. Л. 152; Ф. Р-79. Оп. 2л. Д. 14. Л. 15. Особая благодарность Н.М. Терещук за помощь и консультации в Госархиве г. Севастополя.

² Государственный архив автономной Республики Крым (ГААРК). Ф. Р-1119. Оп. 2. Д. 64. Л. 4–7.

³ Приводится по: *Финогеев Б.Л.* Крымские татары, греки, немцы, армяне, болгары: Национальное мастерство и его влияние на развитие Крыма. Симферополь, 1997. С. 83.

Профиль греков-ремесленников в кустарной промышленности Крыма (% от всех ремесленников полуострова), 1927 г.

Лудильное производство — 21,5 (2-е место, уступают только крымским татарам).

Пищевкусовая — 13,3 (2-е место, уступают только русским), в том числе хлебопечение — 22,6 (2-е место, 1-е место — русские).

Ювелирная — 13,7 (3-е место, уступают евреям и крымским татарам).

Рыболовство — 6,1 (3-е место, уступают русским и украинцам).

Колесное и сельскохозяйственное производство — 4,4.

Обработка кожи — 3,0.

Производство обуви — 3,8.

Корзиночное — 3,6.

Кузнечное дело — 2,4.

Химическая — 2,3.

Жестяное — 2,2.

Обработка шерсти — 2,2.

Производство одежды — 2,1.

Слесарно-токарное — 2,1.

Кожевенная и меховая промышленность — 1,9.

Часовая — 1,9.

Фотография — 0,7.

Столярное — 0,7.

Бондарное — 0,7.

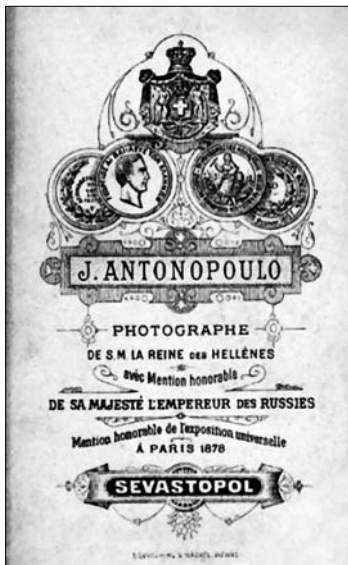
1920–30-е гг. СВРАЧИВАНИЕ НЭПа.

ПРОМКООПЕРАЦИЯ.

Постепенно НЭП стали сворачивать и многие греки, которые имели в своих ресторанах, пекарнях, лавках или мастерских наемных рабочих или подмастерьев, из честных тружеников превратились в эксплуататоров и к 1929 г. были лишены избирательных прав, а следовательно, возможности устроиться на работу. Некоторые греки были лишены не только избирательных прав, но и высланы, например, Савва Панайотович Афанасиади, 1881 г.р., который ранее имел в своем доме лавку и занимался торговлей⁴.

Чтобы преодолеть напряженность в обществе, вызванную безработицей, власти рекомендовали активизировать работу Греческих обществ и комитетов взаимопомощи, а также промкооперацию.

⁴ ГАС. Ф. Р-79. Оп. 2л. Д. 14. Л. 775.

Греки-фотографы: К. Васили с родственниками и реклама И. Антонопуло (из фондов Музея истории Симферополя и коллекция В. Прокопенкова)

Промкооперация в Севастополе и Балаклаве. Греческие артели⁵.

Севастопольская промыслово-кооперативная артель «Помощь строительству», г. Балаклава (производство извести, 9 чел., в том числе председатель — Н. Зумбулиди).

Севастопольская кооперативная артель «Дружный труд» (сапожники, председатель — К. Попандопуло).

Севастопольская промысловая артель «Хлебопек №1» (председатель — Л. Тогриди, К. Киорсавва, Д. Шахиниди и др.). В числе пекарей этой артели также значатся Халкиди Илья, 1889 г. р., и Халкиди Иван, 1900 г.р., оба — греческоподданные, проживавшие по адресу ул. Азовская, д. 76 и 80⁶.

Кооперативно-промысловая артель «Северное сияние» (Северная сторона г. Севастополя, хлебопечение — 2 мастерских, 2 розничных магазина, 10 чел. в том числе председатель — греческоподданный И. Константииниди, 1887 г.р., Г. Моисиди и др.

Промыслово-кооперативное товарищество пекарей «Омония» г. Севастополя (с 1925 г. — хлебопечение и кондитерская, 2 мастер-

⁵ ГААРК. Ф. Р-1119. Оп. 2, д. 3, 4.

⁶ ГАС. Ф.Р.-79. Оп. 2л. Д. 14. Л. 9–10.

Греческая артель пекарей Карасубазара

ские, 3 розничных магазина, 21 чел., в том числе — председатель Г. Мавромати, С. Григориади, Х. Савулиди, А. Василиади и др. Георгий Константинович Мавромати, 1902 г.р., являлся членом Греческого общества взаимопомощи г. Севастополя⁷, Харламбий Дмитриевич Савулиди, 1899 г.р., был греческоподданным, уроженцем кипрского г. Морфу (ныне — Гюзельюрт)⁸.

Кооперативно-промысловая артель «Красный хлебопек» г. Севастополя (10 чел., в том числе председатель — Г. Мирониди, Г. Муратида, А. Пападимитри). В этой артели работали также четверо греческоподданных братьев-пекарей Симеофориди — Панайот (1902 г.р.), Георгий (1905 г.р.), Ставро (1907 г.р.) и Константин (1908 г.р.), все — члены Греческого общества взаимопомощи⁹.

ИТОГ

После смены государственного строя в 1920-е гг. греки, несмотря на уменьшение численности и общее обнищание населения в результате войн, миграций и голода, продолжали зани-

⁷ ГАС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 372. Л. 107об.

⁸ ГАС. Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 51. Л. 134.

⁹ ГАС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 372. Л. 108; Оп. 2л. Д. 13. Л. 8.

маться своими традиционными ремеслами и работали в сфере обслуживания. В период НЭПа они открыли множество пекарен, мастерских, ресторанов, занимались мелкой торговлей, однако уже к 1928/1929 гг. из-за этого многие из них были ущемлены в правах и лишились работы. В связи с индустриализацией и коллективизацией большинство греков, чтобы выжить в условиях безработицы и политики, проводимой советской властью, вынуждены были вступить в колхозы, создать промышленно-кооперативные товарищества или пополнить ряды рабочих госпредприятий. На 1 апреля 1930 г. число греков-ремесленников сократилось на 225 чел. Согласно официальной статистике осталось 435 греков, входящих в число членов артели и 150 чел. — кустари-одиночки.

ПОСТСКРИПТУМ

С началом фашистской оккупации греки оказывали помощь партизанам и подпольщикам и непосредственно участвовали в организациях сопротивления. В условиях разрушенной войной экономики и политики, которую проводили немцы на оккупированных территориях, когда вновь была разрешена частная инициатива, греки лишь вернулись к тем занятиям, которые традиционно кормили их семьи — к мелкой торговле и ремеслу, работе в сфере обслуживания. Причем в большей степени, как и до революции, в торговле и сфере обслуживания были задействованы иностранноподданные греки. Тем не менее, этот факт вменили в вину советскоподданным грекам, которых подвергли насильственному выселению в 1944 г. как «пособников фашистов» и коллаборационистов, потому что по мнению Берии «Значительная часть греков, особенно в приморских городах, с приходом оккупантов занялась торговлей и мелкой промышленностью. Немецкие власти оказывали содействие грекам в торговле, транспортировке товаров и т.д.»¹⁰ Насильственное выселение десятков тысяч людей только за то, что они работали, чтобы прокормить свои семьи, занимаясь тем, что умели и делали в Крыму всегда, является преступлением сталинского режима, последствия которого мы не можем преодолеть до сих пор.

¹⁰ Депортовані кримські татари, болгари, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917–1991). Київ, 2004. С. 139–140.

Т.В. Никитина
(Москва)

ГРЕЧЕСКАЯ ДИАСПОРА НА ЮГЕ РОССИИ И ГРЕЦИЯ В 20—30-Е ГОДЫ XX В.

Настоящая тема предполагает рассмотрение двух сюжетов. Первый — положение греков в советской России в 20–30-е годы XX в., второй — отношение Греции к своим соотечественникам, которые составляли часть разбросанного по всему миру эллинизма, называемого греческими политиками «национальным капиталом»¹.

Основными источниками исследования явились материалы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) — дипломатическая переписка греческой Миссии в Москве с НКВД², отчеты советских дипломатов в Афинах.

Известно, что с давних времен на юге России проживало большое число греков, которые занимались торговлей, сельским хозяйством, различными ремеслами. В Одессе и Севастополе находились крупные греческие торговые дома, которые осуществляли посреднические операции в торговле России с Западной Европой и странами Востока. Традиционно у Греции с Россией были прочные связи, которые временно были нарушены Октябрьской революцией 1917 г. в России.

После большевистской революции греки, находившиеся на территории России, по-разному отнеслись к советской власти. Например, не все греческие консулы покинули Россию. Во время интервенции 1919 г. в Советскую Россию в «Известиях Ростово-Нахичеванского Революционного комитета» было опубликовано письмо ростовского греческого вице-консула, в котором он выражал искреннее сочувствие от имени греческой колонии Ростова, а также эллинского народа советской власти и просил верить грекам, как дружественной нации по отношению к Советской России. Письмо заканчивалось словами: «Мое присутствие в Ростове, как и Таганрогского консула, в то время, как почти все остальные консулы ушли со своими подданными, может служить относительным доказательством выше-

¹ АВПРФ. Ф. Референтура. 084. Оп. 10. П. 117. Д. 1. Л. 139.

² Народный комиссариат иностранных дел в 1918 — 1946 гг.

изложенного»³. Иной была реакция на революцию греческого правительства, которое приняло решение об участии в интервенции в Советскую Россию, получив взамен согласие европейских держав — покровителей на вторжение в Малую Азию.

В феврале 1919 г. части греческой регулярной армии вместе с французскими войсками высадились на Черноморском побережье, в Одессе и Севастополе. Одновременно со своими войсками греческое правительство послало в Россию по благословению Синода трех епископов, четырех архимандритов и сорок священников, которых сопровождали переводчики. Их цель заключалась в духовном воздействии на местное греческое население. Греческое правительство вело пропаганду по поводу того, что советская власть преследовала греков юга России.

В связи с этим в МИД Греции была послана советская радиogramма, в которой говорилось: «Если речь идет о греческих биржевиках и спекулянтах, захвативших в сети своей эксплуатации Черноморское побережье Украины и России, то борьба против них... составляет главную задачу советского правительства. Что же касается бедного греческого населения — греческих рыбаков побережья Украины и Крыма, а также полутораста тысяч греческих бедных крестьян, живших в Закавказье, все их симпатии определено на стороне советской власти»⁴. Со стороны советской власти также велась активная революционная пропаганда в частях интервентов. Не случайно на их кораблях в Одессе и Севастополе вспыхнуло восстание матросов.

В условиях интервенции НКВД нуждался в информации о будущих действиях греческого правительства. В Архиве внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) было обнаружено очень интересное письмо из Севастополя, датированное 23 мая 1919 г., без указания имен адресата и отправителя. Из содержания письма ясно, что его писал грек, который информировал представителя советской власти о прошлых и настоящих намерениях греческого правительства. В письме указывалось, что Греция и ее население всегда испытывали чувство дружбы и признательности ко всем русским, чьи предки способствовали освобождению эллинского государства. У Греции нет оснований выступать за ту или иную политическую партию иностранного государства, — писал автор письма. «Абсолютно демократичная со времен античности»,

³ АВПРФ. Ф. Референтура. 84. Оп. 2. П. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 3. Л. 14.

Греция занимается лишь «проблемой освобождения своих братьев и национального восстановления»⁵. Далее излагались обстоятельства, вынудившие Грецию предпринять военную экспедицию в Россию. Это в первую очередь долг чести перед союзниками, которые помогли Греции защититься и восстановить свое национальное единство⁶. Именно поэтому греческие военачальники действовали «строго в рамках приказов французского командования»⁷. Все это, заключал автор, подводит к главному выводу, а именно, что греческая армия не предпримет повторный поход на Россию. Более того, в послании отмечалось, что как только позволит международная обстановка, греческое правительство вернет свою армию и военные корабли, которые «в будущем будут приходить в Россию только с гостевым визитом»⁸.

Скорее всего, это была основная информация, которая интересовала адресата. Греция действительно не готовилась к новому походу на Россию, потому что именно в это время начинала военную кампанию в Малой Азии, ввязавшись с подачи союзников в греко-турецкую войну 1919–1922 гг. Поэтому о повторном наступлении на юге России не могло идти и речи. Кроме того, сама тональность письма свидетельствовала о явной попытке оправдать участие греков в интервенции. Будущие же намерения Греции в отношении Советской России представлялись автором исключительно миролюбивыми, что бесспорно отвечало интересам советского правительства.

Уже в 1920 г., после освобождения Крыма, советское правительство предлагало Греции начать диалог об установлении дипломатических отношений. В декабре 1920 г. народный комиссар иностранных дел Советской Республики Г.В. Чичерин послал министру иностранных дел Греции телеграмму, в которой отмечалось, что информация, приходящая почти ежедневно в НКВД, «свидетельствует о сердечной и глубокой симпатии, выражаемой греческим населением к Российской Республике и ее рабочему народу»⁹. В свою очередь и русский народ желает «установить постоянные дружеские связи между двумя странами»¹⁰. Советскому правительству известно, говорилось в телеграмме, что именно иностранное влияние заставило

⁵ Там же. Д. 1. ЛЛ. 2, 2 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 3. Л. 3.

¹⁰ Там же.

Грецию напасть на Советскую Республику. Российская Республика охотно готова забыть эти прискорбные факты. Однако советское правительство с сожалением констатировало, что греческое правительство предоставляет убежище на своей территории остаткам частей генерала Врангеля, позволяя им собирать новые силы, готовые атаковать Россию. Вследствие этого российское правительство выражало протест против неблагоприятных действий греческого правительства и считало, что причины взаимонепонимания между двумя странами можно было легко устранить, если бы были установлены нормальные отношения между Россией и Грецией. Поэтому греческому правительству предлагалось «немедленно вступить в переговоры с целью установления нормальных и дружеских отношений между двумя странами»¹¹. Установить же дипломатические отношения удалось лишь в 1924 г.¹²

В 1920-е годы ряды греческой диаспоры на юге России пополнили греки — беженцы из Малой Азии после печально известной греко-турецкой войны 1919–1922 гг., закончившейся так называемой «малоазиатской катастрофой». Лозаннский договор 1923 г. предусматривал обмен населением между Грецией и Турцией, т.е. перемещение греческого христианского населения Турции (за исключением жителей Константинополя, о-вов Имброса и Тенедоса) в Грецию, а мусульманского населения Греции, (за исключением Западной Фракии) — в Турцию. Это решение означало полный отказ Греции от притязаний на Малую Азию. В Грецию хлынул поток беженцев (1,2 млн.), которых нужно было обеспечить жильем и работой. Греческая экономика оказалась под тяжелым ударом.

Наиболее сложной ситуация была осенью — зимой 1922 г., когда греческое правительство испытывало нехватку ресурсов в связи с эвакуацией вооруженных сил из Малой Азии и политическим кризисом, завершившимся государственным переворотом Н. Пластираса в 1922 г. Не был разработан механизм расселения беженцев; их размещение носило, в значительной степени, стихийный характер. Правительство старалось задействовать беженцев в строительстве инфраструктуры Новой Греции, (т.е. территории, присоединенные в результате Балканских войн 1912–1913 гг. —

¹¹ Там же.

¹² См. *Соколовская О.В.* Из истории дипломатических отношений между СССР и Грецией // Политические, общественные и культурные связи народов СССР и Греции (XIX–XX вв.). Балканские исследования. Вып. 11. М. 1989.

Южный Эпир, Южная Македония, часть Западной Фракии, Крит, часть Эгейских островов). Именно туда направляли большую часть трудоспособных иммигрантов. Женщины, дети и старики первоначально размещались в городах, где было проще организовать минимально приемлемые условия проживания. В центре Афин, рядом с храмом Гефеста V в. до н.э. был разбит временный лагерь беженцев, где в палатках проживало около 3 тысяч человек. Временным прибежищем для греческих семей стали ложи Королевского (Национального) театра Афин. Если в городах государство предоставляло хоть какое-то жилье, то в сельской местности иммигранты были вынуждены строить себе жилище сами. Стране, с населением около 5 млн. человек, предстояло обеспечить жильем и рабочими местами 1,2 млн. человек.

После военного поражения в 1922 г. Греция переживала настоящую гуманитарную катастрофу; национальный долг Греции вырос почти в 3 раза. Греческое правительство было не в состоянии в одиночку справиться с задачей такого масштаба, о чем представитель Греции в Лиге Наций Н. Политис открыто заявил уже в феврале 1923 г. В итоге было принято решение Лиги Наций о предоставлении помощи Греции. Была создана специальная Комиссия по обустройству беженцев, предоставлены займы греческому правительству. Контроль над распределением средств приняла на себя Международная финансовая комиссия, созданная еще в соответствии с Константинопольским договором 1898 г., в которую теперь входили представители Великобритании, Франции и Италии (России в новом составе не было). Возглавлял Комиссию американский дипломат Генри Моргентау. Кроме того, греческое правительство передавало Комиссии по обустройству беженцев 500 тыс. га земли. Основная часть беженцев была направлена в Новую Грецию. В Македонии и Западной Фракии переселенцев было проще обеспечить рабочими местами, особенно в сельском хозяйстве. К 1926 г. примерно треть беженцев могли прокормиться собственным трудом. Комиссия по беженцам была распущена в 1930 г., однако, жилищные проблемы беженцев из Турции оставались нерешенными до конца 1930-х годов.

Обмен населением был беспрецедентной акцией, последствия которой оказали огромное влияние на дальнейшее развитие Греции. Если в ближайшей перспективе это была политика, направленная на скорейшее расселение беженцев, обеспечение их жильем и рабочими местами, то в дальнейшем эти практические меры приняли вид масштабных социально-экономических преобразований,

затронувших все группы населения и фактически изменивших облик страны. Преодоление последствий «малоазиатской катастрофы» потребовало от Греции максимального напряжения. При этом ресурсов страны все равно не хватало. Правительство было вынуждено просить помощь у международного сообщества. Систематическое привлечение иностранных кредитов ставило Грецию в еще большую зависимость от великих держав, прежде всего Великобритании и США.

В Россию же попали греки, пострадавшие от планомерной политики турецкого правительства по депортации их во внутренние районы Малой Азии. По прибытии греческих беженцев в Советскую Россию, практически сразу началась их реэвакуация из РСФСР, мотивированная настойчивым желанием самих греческих граждан уехать в Грецию. Это вызвало протест со стороны греческого правительства. Накануне установления дипломатических отношений с Грецией (март 1924 г.) советское правительство пошло навстречу пожеланиям греческого; местным органам власти было дано указание приостановить отправку греков на родину¹³. Весной 1924 г. в Новороссийске скопилось много беженцев из Малой Азии. Не имея ничего, кроме средств от частной благотворительной помощи греческой диаспоры, которая согласилась оплатить их проезд в Грецию, из-за задержки отъезда, беженцы были вынуждены тратить эти деньги на питание. Их положение оказалось безвыходным, так как греческое правительство не соглашалось принять этих людей. В марте греческая диаспора направила телеграмму министру внутренних дел в Афины с просьбой о срочном разрешении на репатриацию беженцев, но телеграмма осталась без ответа.

Тогда в мае 1924 г. НКВД категорически потребовал от греческого правительства осуществить репатриацию беженцев в виду серьезных последствий их дальнейшего пребывания в Новороссийске. Об этом было заявлено в письме заместителя народного комиссара М.М. Литвинова министру иностранных дел Греции Руссосу, посланном 16 мая 1924 г. В нем также отмечалось, что М.М. Литвинов передает просьбу греческой диаспоры Новороссийска разрешить отправку на родину 1100 греческих беженцев, родственники которых уже находятся в Греции, приехав туда непосредственно из Турции¹⁴. Однако их отправка затягивалась. Дипломатические представители Греции считали, что помимо запрета на въезд, следует

¹³ АВПРФ. Ф. Референтура. 84. Оп. 5. П. 2. Д. 1. Л. 7.

¹⁴ Там же. Л. 32.

еще информировать греков, находившихся в России, относительно тяжелых условий жизни в Греции. С этой целью греческий посланник в Берлине Канелопулос даже передал советскому дипломату «нечто вроде маленькой заметки» о жизни в Греции для опубликования в газетах юга России, где проживало наибольшее число греков¹⁵. (Пока в Москву не приехала греческая Миссия, сношения с Грецией осуществлялись через ее посольство в Берлине).

Греции все труднее было принимать своих соотечественников по материальным соображениям. Она даже не имела средств, чтобы содержать свои консульства в СССР. Если в дореволюционной России консульства Греции существовали в Санкт-Петербурге, Москве, а вице-консульства — почти во всех крупных портовых городах, то в 1920-е годы греческих представительств явно не хватало. В различных южных городах СССР существовали так называемые «благотворительные общества», обслуживающие нужды греческих колоний. Когда грекам, живущим в провинции, по большей части безграмотным и не знавшим советских законов, нужно было обменять свои паспорта, они в основном обращались в эти общества, которые имели связь с греческой Миссией в Москве. Советские власти не разрешали грекам превращать благотворительные общества в консульства¹⁶. Комиссариат иностранных дел неоднократно указывал греческому правительству, что проживавшие в СССР греки более всех заинтересованы в том, чтобы СССР и Греция обменялись консульствами¹⁷. Греческое же правительство долго тянуло с открытием консульств из-за соображений экономии. Они были открыты лишь в двух городах — Одессе и Новороссийске в 1930-е годы.

О тяжелом финансовом положении Греции в 1926 г. можно судить по греческим долгам. Греческая Комиссия по долгам уведомила американскую Комиссию по долгам, что она уполномочена вести переговоры о возмещении греческого долга Америке в 15 млн. долларов только в том случае, если США предоставят ей займ в 33 млн. долларов. На это американская Комиссия отвечала, что она не уполномочена предоставлять дальнейшие займы по военным кредитам¹⁸. Греческий же долг Великобритании составлял 20,710,000 фунтов¹⁹.

¹⁵ Там же. Л. 10.

¹⁶ АВПРФ. Ф. Референтура. 84. Оп. 7. П. 4. Д. 6. ЛЛ. 44–45.

¹⁷ Там же. Л. 57.

¹⁸ АВПРФ. Ф. Референтура. 84. Оп. 7. П. 4. Д. 6. Л. 17.

¹⁹ Там же. Л. 30.

Греческая Миссия в Москве всячески старалась предотвратить высылку греков из России. Так, в октябре 1926 г. во время одной из бесед в НКВД первый секретарь греческой Миссии Скеферис сообщил, что Миссия очень бы хотела избежать высылки греков, так как с одной стороны, уже очень много греков выслано, а с другой, часть греков, родившаяся в СССР, ничего общего, кроме гражданства, с Грецией не имеет. При этом Скеферис высказал любопытное соображение. Якобы, высылка явится для греков и их семей большим наказанием, чем даже продолжительное тюремное заключение. А судебный процесс поможет реабилитировать значительное число осужденных²⁰.

И в то же время греческая Миссия пыталась защитить своих соотечественников. Так, греческий посланник в России Пануриас во время своего визита в НКВД пожаловался на то, что у греческих арендаторов в Кубанской области отбирают мельницы. Его заверили, что эти арендаторы находятся под защитой советской власти. Истинная же подоплека конфликта заключалась в том, что арендаторы, отпуская муку населению по более низкой цене, «срывали государственные заготовки»²¹. Пануриаса также беспокоила судьба одесских греков. Он считал, что высылка таких крупных коммерсантов как Каллигас, Караджа и др. может лишь подорвать торговые отношения двух стран. Пануриас подчеркивал, что греческие негоданты в Одессе и так чувствуют себя обойденными, ибо «советская власть откровенно предпочитает им турок»²². В НКВД было признано, что высылка купцов, ведущих «крупные дела» с советскими торговыми учреждениями, требует «тщательного и всестороннего расследования во избежание возможных повторений»²³. В итоге было предложено оставить этих одесских греков в покое, сохранив в дальнейшем наблюдение за их работой со стороны соответствующих органов.²⁴

По переписи 1926 г. в СССР проживало 213,8 тыс. греков. В 1931 г. в архивных материалах НКВД речь шла уже о 170 тыс. человек. Совершенно очевидно, что снижение численности греческой диаспоры свидетельствовало об определенных изменениях в жизни этих людей. В отличие от России дореволюционной, где

²⁰ Там же. Л. 59.

²¹ Там же. Л. 61.

²² Там же. Л. 62.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

было много состоятельных и богатых греков, вкладывавших свои капиталы в греческую экономику, в СССР это были люди, которые занимались в основном ремеслами и сельским хозяйством. Хотя традиция заниматься торговлей у греков сохранялась. Если посмотреть на диаспору в целом, то видно, что адаптация греков к новому строю проходила весьма болезненно.

В греческой прессе в то время часто встречались нападки на правительство, которое бросило на произвол судьбы греков в России. В одной из греческих газет «Патрис» от 12 ноября 1928 г. была помещена статья под названием «Эллинизм в России без защиты», в которой писалось, что вслед за эллинизмом в Малой Азии именно эллинизм в России подвергается наибольшим бедствиям. В то же время в статье указывалось, что именно в российском эллинизме зародилась идея борьбы греческого народа против османского ига. Именно эллинизм России неразрывно связан со своей исторической родиной через благотворительность таких греков-меценатов, как Зосимы, Маразли, Родоканаки и др. Однако теперь, по мнению газеты, эллинизм в России остается совсем без поддержки Греции и конкретно — греческой дипломатической Миссии в Москве. Греческая Миссия обвинялась соотечественниками в том, что, не выдавая паспорта грекам, у которых заканчивался вид на жительство, она тем самым медлила с их отправкой в Грецию. Обвинения были высказаны и в адрес советских властей, по распоряжению которых греков отправляли в тюрьмы по простому подозрению в том, что они нарушили закон. Многие из арестованных через своих родственников в Греции просили вмешательства греческого правительства, которое, как отмечала газета, никогда не оставалось глухим к подобным просьбам; оно дало самые решительные распоряжения своему представительству в Москве для защиты соотечественников. Утверждая, что после дипломатического признания Грецией советского государства положение греков в России лишь ухудшилось, авторы статьи считали, что греческое правительство не станет заключать торговое соглашение с СССР²⁵. Однако в 1929 г. торговое соглашение между Грецией и СССР все же было заключено.²⁶

1929 г. — это год «великого перелома» в СССР, всей тяжестью обрушившийся и на греков диаспоры. Многие греческие крестья-

²⁵ АВПРФ. Ф. Референтура. 084. Оп. 8. П. 3. Д. 113. ЛЛ. 12–16.

²⁶ Соколовская О.В. Из истории советско-греческого Торгового договора о торговле и мореплавании 1929 г. // Греция — Россия. Тысячелетие связей. Афины. 1995. С. 155–166.

не были раскулачены. Например, в районе Симферополя — Карасу Базара была произведена сплошная конфискация имущества у греческих крестьян-виноделов. Под категорию кулаков попало примерно 4 тысячи греческих граждан. Принять такую массу иммигрантов греческое правительство не было готово. Правительство Греции выдало на год всего 500 разрешений на въезд греков из России. Поэтому Миссия, с одной стороны, просила отложить раскулачивание греков на некоторое время, а, с другой — рекомендовала своим согражданам вступать в колхозы, за что ее в Греции обвинили в коммунистических настроениях. Однако греческих кулаков в колхозы не принимали.

С 1930 г. на заседаниях греческого парламента особое внимание стало уделяться греческой диаспоре в Советской России. Когда в одной из бесед депутат Салоник сенатор Триандафилидис спросил советского дипломата А.М. Устинова, чем можно объяснить тяжелое положение греков в СССР, то Устинов ответил, что, возможно, греки, занимавшиеся ранее частной торговлей, табаководством, виноделием, плохо приспособляются к условиям строительства социализма в СССР, поэтому стремятся выехать в Грецию²⁷.

Греки в СССР, наряду с советскими людьми и другими иностранными гражданами, испытали на себе всю тяжесть тоталитарной системы. Специальных гонений на это национальное меньшинство не было. Закрытие церквей, покушение на правовые интересы, коллективизация — это касалось всего населения СССР. Уничтожение церквей и гонения на священников коснулись и греков. В Ленинграде была национализирована греческая посольская церковь. При содействии греческой Миссии и НКВД было приостановлено закрытие греческой посольской церкви в Москве и высылка ее священников за пределы СССР. Встал вопрос о греческих церквях в Севастополе, Керчи, Одессе. Советские власти собирались также их уничтожить. Греческие же священники, по решению советских властей, обязаны были состоять в советском гражданстве. Священникам греческих церквей запрещалось выдавать греческим гражданам справки о крещении и бракосочетании, хотя эти справки были необходимы для внесения изменений в списки греческих граждан. В марте 1932 г. греки ходатайствовали о сохранении этих церквей.²⁸ В июне 1932 г. советскому полпреду в Афинах было послано сообщение из Москвы. В нем

²⁷ АВПРФ. Ф. Референтура. 084. Оп. 9. П. 115. Д. 1. Л. 11.

²⁸ Там же. Оп.12. П. 119. Д. 3. Л. 88.

говорилось о том, что советское правительство пошло навстречу грекам в разрешении дел с церквями в Севастополе и Керчи, но отказало в отношении церквей в Ленинграде и в Москве²⁹.

В переписке греческой Миссии с НКВД постоянно присутствовали просьбы разобраться с арестом тех или иных греков. В прилагаемых списках насчитывались сотни фамилий. По поводу одних просили указать причины ареста, по поводу других — ускорить следствие или освободить из-под ареста. Для многих греков наиболее сложным оставался вопрос с определением их гражданства. Для греков, прибывших из Турции в качестве беженцев, Миссия просила признать их греческое гражданство. Дело в том, что бывшим турецким подданным, которые по Лозаннской конвенции об обмене населением получили в греческих консульствах греческое гражданство, выдавались не паспорта, а вид на жительство. Местные же власти оказывали на них давление в целях снабжения их советскими паспортами. За отказ получать советские паспорта давали два года тюрьмы³⁰. Однако было много греков, которые не имели даже вида на жительство. Им запрещалось свободно передвигаться по стране, их штрафовали, а также часто увольняли с работы за неимением советского документа³¹.

По поводу выдачи им греческих паспортов сложилась парадоксальная ситуация. Миссия требовала справку от лиц греческой национальности для того, чтобы быть уверенной, что советские органы не будут оспаривать их гражданство, а Райисполкомы не давали таких удостоверений без выданных Миссией свидетельств о национальности. Без паспорта греки не могли въехать на свою историческую родину. Лица, эмигрировавшие из Турции, могли быть либо турецкими подданными, либо греческими, но не советскими, поскольку не было издано закона о признании за ними советского гражданства. Но лица, которые имели доказательства их принадлежности в прошлом к турецкому подданству и которые не приняли советское гражданство, следовало признать, по мнению Миссии, греческими подданными³².

Критическим стал для греков, как, впрочем, и для всего населения СССР, 1937 г. Греческая колония (в то время насчитывавшая около 150 тыс. человек) вызвала обширную дипломати-

²⁹ Там же. Л. 29.

³⁰ АВПРФ. Ф. Референтура. 84. Оп. 18. П. 13. Д. 1. Л. 38.

³¹ Там же. Л. 219.

³² АВПРФ. Ф. Референтура. 084. Оп. 16. П. 300. Д. 125. ЛЛ. 29–31.

ческую переписку по правовым, имущественным и арестным вопросам³³. Советские органы начали высылку греков из СССР с мотивировкой «нарушение правил для проживания иностранцев», либо на основании понятия «нежелательного иностранца»³⁴. Особенно усилились аресты в декабре 1937 г. Именно в это время греческая Миссия стала регулярно подавать в НКВД списки арестованных греческих граждан, чтобы выяснить причины ареста. В общей сложности в декабре 1937 г. Миссия просила выяснить причины ареста более 3000 греков диаспоры, но получила ответ лишь о 42 именах³⁵.

Многие греки обращались в Миссию с просьбой выдачи им национального паспорта для въезда в Грецию. Паспорта же выдавались лишь тем гражданам, которые высылались из Советского Союза по официальному представлению НКВД. В противном случае тысячи лиц греческой национальности желали бы выехать в Грецию. Однако греческое правительство не могло в тот момент принять на свою территорию всех греков, проживавших за границей. Об этом неоднократно заявлял греческий поверенный в делах Киндинис³⁶. Помимо экономических проблем греческое правительство полковника И. Метаксаса (1936–1941 гг.) опасалось, что беженцы из Советской России привнесут в Грецию коммунистические идеи. Еще в октябре 1937 г. в Греции был опубликован указ, объявлявший награды за головы коммунистов³⁷.

В январе 1938 г. в Москву прибыл с особой миссией поверенный в делах Греции Д. Николопулос. Во время своего визита в НКВД он поднял вопрос о массовых арестах греческих подданных, причем, представил дополнительный список арестованных в 200 человек; всего же было подано в списках 911 фамилий³⁸. В свою очередь исполняющий обязанности заведующего 2-м Западным отделом НКВД Г.И. Вайнштейн указал Д. Николопулосу на ненормальное положение греческих подданных, выражавшееся в том, что они не имеют национальных паспортов, а только свидетельства о национальности, выданные Миссией. По таким свидетельствам им не давали визы на въезд в Грецию. Получалось, что в СССР проживали греческие подданные двух категорий, из которых одна, с точки зрения греческого

33 Там же. Оп. 19. П. 14. Д. 6. Л. 1.

34 Там же. Оп. 17. П. 2. Д. 126. Л. 30.

35 Там же. Оп. 20. П. 15. Д. 3. Л. 89.

36 Там же. Л. 65.

37 Там же. Оп. 19. П. 14. Д. 6. Л. 1.

38 Там же. Оп. 18. П. 128. Д. 3. Л. 4.

правительства, становилась неполноценной в тот момент, когда поднимался вопрос о выдаче визы на въезд в Грецию. Советские органы настаивали на урегулировании вопроса о национальности греческих подданных, проживавших в СССР, и считали необходимым, чтобы все они были снабжены национальными паспортами.

Д.Николопулос считал, что такое требование советских властей ставит его и греческое правительство в весьма тяжелое положение, так как выдача национальных паспортов всем грекам, имевшим свидетельства о национальности, «потребуется большого труда и времени»³⁹. По его мнению греческих подданных в СССР проживало около 50 тысяч и он очень опасался, что возможность свободного возвращения на родину по национальным паспортам вызовет массовый приток этих лиц в Грецию. «А Греция, — прибавил он, — страна бедная, которая никак не может обеспечить должного существования большим массам греков, вернувшихся туда после войны с Турцией»⁴⁰. Поэтому он просил о снисхождении и пообещал, что Миссия будет выдавать визы на въезд в Грецию высылаемым из СССР грекам со свидетельствами о национальности при условии, что у греков, проживавших на территории СССР, также останутся на руках свидетельства о национальности. Греческое правительство было готово совместно с компетентными органами СССР заняться подробным рассмотрением вопроса о подданстве греческого населения, проживавшего в СССР. По мнению Д. Николопулоса, основанному на недавно проведенном расследовании, было ясно, что многие из этих греков неправильно рассматривались как греческие граждане.

В памятной записке, переданной в НКВД в январе 1938 г., указывалось, что местные власти юга России приступили к массовым арестам и заключениям в тюрьмы греческих граждан. В этом документе сообщалось, что семьи арестованных, лишённые своих защитников, подвергаются всевозможным репрессиям и лишениям. В Сочи, где была арестована вся мужская часть греческого населения, местные власти сообщали семьям арестованных греческих граждан, что «они будут высланы вглубь страны в двухдневный срок»⁴¹. Из других городов также поступали сведения, что местные власти применяли разного рода репрессии к семьям арестованных греков (выселение из занимаемых квартир, изъятие имущества и

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Оп. 20. П. 15. Д. 2. Л. 50.

т.д.). Все это происходило с населением «лояльным и спокойным», по мнению Миссии, которое нельзя обвинить ни во вредительстве, ни в шпионаже⁴². Если отдельные личности и совершали проступки, то в целом греческое население нельзя характеризовать как содержащее опасные элементы. В подтверждение были приведены статистические данные за 1924–1937 гг., которые показывали, что процент привлеченных к суду греческих граждан совершенно ничтожный в сравнении с массой греческого населения. Греческое правительство убедительно просило советское правительство не отказать дать в срочном порядке инструкции местным властям «о применении к греческим гражданам режима благоприятствования, как это имело место до конца 1937 г.»⁴³

В 1938 г. советские власти стали высылать в основном греков, осужденных по уголовным делам, что вызвало большую озабоченность у греческих судебных органов, которые просили предоставить им материалы по этим судебным делам. Особенно это касалось преступлений за спекуляцию валютой. Поэтому греческое правительство настаивало, чтобы эти граждане после освобождения оставались в СССР. Новый греческий посланник Маркетти во время первого визита в НКВД сразу же затронул этот вопрос. В своей ноте Маркетти просил, чтобы греков выслали не крупными партиями и, чтобы эту меру применяли не только к освобожденным из тюрем, но и находившимся в заключении⁴⁴. Правительство опасалось их массового притока в Грецию, где очень трудно было бы справиться с их расселением и с предоставлением им мало-мальски сносных условий существования. По подсчетам греческой Миссии за 1938 г., помимо высланных 1500 греков, было выдано 7 тысяч паспортов греческим подданным, изъявившим согласие добровольно покинуть пределы СССР. Всего же выехало в Грецию за эти годы более 10 тысяч человек, не считая высланных⁴⁵.

Чаще всего в своих многочисленных нотах в НКВД греческая Миссия просила сообщить о судьбе греческих граждан и гораздо реже благодарила за сообщение об освобождении. На свой запрос по поводу арестованных в декабре 1937 г. греков Миссия не могла получить ответ до марта 1939 г. В марте 1939 г. она была вынуждена сделать запросы вторично. Ссылаясь на ноту от 27 мая 1938 г. по

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ АВПРФ. Ф. Референтура. 84. Оп. 18. П. 128. Д. 328. Л. 8.

⁴⁵ Там же. Д. 329. Л. 18.

вопросу об аресте в г. Севастополе греческого гражданина Андронико Элефтерия Антоновича, 24 марта 1939 г. вторично просили НКВД «не отказать в своем срочном вмешательстве в целях разрешения выезда в Грецию названного гражданина, где уже находятся его мать и сестра. Судьбой греческого гражданина Андронико сильно обеспокоены, так как по состоянию своего здоровья он не сможет долго перенести длительное тюремное заключение»⁴⁶. На эту просьбу через 4 дня НКВД отправил запрос в НКВД (В греческой Миссии в 1926 г. работал чиновник по фамилии Андроникос, возможно это был родственник, поэтому за него так настойчиво ходатайствовали). По поводу арестованного в Новороссийске в декабре 1937 г. греческого гражданина Коласиса Николая Х. был послан второй запрос в мае 1939 г. В нем было написано: «В виду того, что со дня ареста родственники указанного гражданина не получили от него никакого известия и находятся в большом беспокойстве, греческая Миссия просит Народный Комиссариат не отказать в любезности, сообщить, если возможно, его местонахождение, состояние здоровья и причину ареста»⁴⁷. В июле 1939 г. НКВД отправил повторный запрос в НКВД. В июле 1939 г. был освобожден и выслан из страны после 40-летнего пребывания в СССР без свидания с женой и сыном некто Г.Д. Зографос⁴⁸.

За период с конца 1938 по начало 1939 гг. погибло большое число греческих граждан. Об этом можно судить на основании пересланных в греческую Миссию из НКВД национальных паспортов и свидетельств о национальности и смерти греков⁴⁸.

Таким образом, греческая диаспора в Советской России, а затем в СССР, как и все советские люди, испытавшая на себе всю тяжесть складывавшейся тоталитарной системы, надеялась на защиту со стороны Греции — своей исторической родины. Греция же, внешне защищая своих соотечественников на дипломатическом уровне, не могла оказать им реальную помощь из-за тяжелого экономического положения страны. В конце 1930-х годов еще не были обустроены греческие беженцы из Малой Азии. И лишь участь некоторых пострадавших граждан была облегчена благодаря усилиям дипломатов, но таких людей было меньшинство.

⁴⁶ АВПРФ. Ф. Референтура. 84. Оп. 21. П. 16. Д. 3. Л. 53.

⁴⁷ Там же. Л.83.

⁴⁸ Там же. Оп. 21. П. 2-а. Д. 16.

*И.Г. Джуха
(Вологда)*

АБСУРД ИЛИ ЧЕТКО ПРОДУМАННЫЙ ПЛАН? (РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ГРЕКОВ СЕВАСТОПОЛЯ И БАЛАКЛАВЫ В ЭПОХУ СТАЛИНИЗМА)

Когда речь заходит о репрессиях против греков Крыма, то в первую очередь подразумевается депортация 1944 г. Это действительно так. Год освобождения Крыма от фашистской оккупации ознаменовался еще и освобождением полуострова от многих населявших его народов. Включая и греческий.

Но выселение 1944 г. было лишь одним из звеньев в длинной цепи актов насилия. Репрессии против греков Севастополя и Балаклавы, имея те же причины, что и репрессии против крымских греков в целом, не могут принципиально отличаться от общекрымских. Тем не менее, слово, вынесенное в заголовок, требует если не обоснования, то, по крайней мере, подтверждения примерами. Советская история севастопольских и балаклавских греков наполнена многочисленными примерами, демонстрирующими всю абсурдность формальных обвинений, выдвинутых против них.

Первые репрессии обрушились на греков сразу после установления советской власти в Крыму. Расстрелы и экспроприация имущества, сменились лишением избирательных прав, раскулачиванием 1929–1930 гг., сопровождавшимся конфискацией имущества и выселением за пределы Крыма. Ни о первых, ни о вторых, ни о третьих репрессивных актах нельзя говорить как о насилии против определенной этнической группы. Однако есть основания полагать, что доля, например, раскулаченных греков была выше их удельного веса в населении Крыма. Косвенно это подтверждается высоким процентом раскулаченных греков в других регионах Украины — Донецкой и Одесской областях.

В Государственном архиве Свердловской области, куда преимущественно и высылали раскулаченных крымчан, удалось обнаружить немало дел греков-трудпоселенцев, высланных из Балаклавского района. В одном из них содержится письмо Сталину. Это — первый пример абсурда, ибо автор письма — Олег Феодори, уроженец деревни Комары, высланный по сталинскому плану преобразования деревни на Урал, — обращается к инициатору этого выселения с такими словами: «Здравствуйте, родной

Иосиф Виссарионович. К Вам из далекого Урала обращается до конца верный Вам и Вашему гениальному учению о коммунизме Ваш верный и настойчивый ученик Феодори Олег. Иосиф Виссарионович, Вам, вероятно, известно, все то, что я старался хотя бы кратко изложить в предыдущих письмах о настоящем положении дел внутри нашей страны. Увы! Вы, вероятно, сами их не читали, а секретарь, по-видимому, не понял настоящей сущности дела...»¹ Верноподданническое письмо на имя вождя закончилось для его автора помещением в психиатрическую больницу.

Писали греки о своем незавидном положении, еще находясь в Крыму, и в греческую миссию в Москве. Для изучения проблемы в 1927 г. греческий посланник Пануриас совершил поездку по Крыму. Его неутешительный вывод о положении греков полуострова отразился в соответствующей ноте НКВДу. Суть ее: греки Крыма недовольны своим положением и полны решимости покинуть СССР. В НКВДе на это ответили, что если греки хотят, то им не будет оказано никаких препятствий². В действительности, все оказалось намного сложнее и покинуть СССР становилось все труднее даже имевшим греческие паспорта.

Раскулачивание повсеместно сопровождалось мощной антирелигиозной кампанией, что греками также однозначно воспринималось как репрессия. Вряд ли греки Севастополя ощущали себя прямыми потомками херсонесских первосвященников, но сегодняшнему исследователю нельзя не осознавать всю абсурдность антирелигиозной кампании именно в Севастополе. Уже были закрыты посольские церкви в Москве и Ленинграде, а Греческая церковь в Севастополе все еще продолжала действовать. В июне 1932 г. советским дипломатам в Афинах поручили немного сбить протестный накал греческих властей, выражавших свое беспокойство ситуацией с греческими церквями в СССР. Из Москвы дипломатам поступило такое сообщение: «Греки в последнее время ставят ряд церковных вопросов. Мы пошли им навстречу в разрешении дел с церквями в Севастополе, Керчи, но поскольку сейчас их обращения принимают массовый характер, то мы решили в отношении церквей в Ленинграде и Москве дать отрицательный ответ»³.

¹ Уральский Государственный Архив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 34899. ЛЛ. 63–63 об. (Письмо полностью опубликовано в сборнике «Пишу своими словами...». (Составитель И. Джуха). СПб. 2009. С. 22, 23.

² Там же. Л. 7.

³ Документы внешней политики СССР. Т. XV. М. 1969. С. 137.

Здравствуйте родной Уорлд Виллар-
 Ойстобит. К Вам из далекого Уорлд Виллар-
 Ой до конца верней Вам и Виллару синамскому
 учению о коммунизме-Вам верней и Наслабильный
 учитель Феодори Ойст.

Иосиф Виллар Ойстобит, Вам вероятно известно,
 все то, что я стараюсь, как бы кратко, изложить (в
 предыдущие письма) об Наслабильном положении в
 Наслабильной стране. Увы! Вы, вероятно их сами не слы-
 шали, а секретарь повидимому не нашёл Наслабильный язык
 эти дела, а это не привело и не могло привести
 меня к какому-либо решению. В этом письме я не
 стану подробно останавливаться на тех вопросах
 которые изложены в предыдущих письмах, но все же
 не про скажу, ибо об этом Наслабильный язык
 всё что изложено в тех письмах согласовано с фактами
 и которых никто не спорит, о Наслабильном
 только бред. Иосиф Виллар Ойстобит, я не стану
 даже упреждать за фактами и побуждающие предыду-
 щие действия. Некоторые факты Наслабильного языка
 не далеко видны люди предвзвешивают (и давно писали
 в том же направлении) бред, но я лично не могу в том
 же да то, что я подметил. Наслабильный язык не спорит и
 Наслабильный язык не спорит и речью коммунизма во
 всем мире, постарайтесь сообщить Вам.

Одного все их старания сказать не удалось
 ни, они не смогли добиться утверждения но
 на все ту же, что они мне преподавали
 а давать какие либо указания по письмам
 адресованным Вам я это я отговариваюсь, так
 как это не благоразумно и Наслабильный язык
 бред. Иосиф Виллар Ойстобит, я надеюсь, что вы
 не судите меня за это, ибо иначе мне нельзя
 поступить. Если мне раскрыть свои мысли
 и факты, но здесь нетя престо, о Наслабильном

Из письма О. Феодори к И. Сталину

Проблемы с церквями разрешились, когда их перевели в плоскость «спора хозяйствующих субъектов». Московскую греческую церковь обложили 10-кратным налогом, и она закрылась сама. А в Симферополе не возобновили договор на аренду. Севастопольская церковь, как и ряд других греческих церквей в Крыму, была закрыта позже других, что расценивается исследователями как показатель наиболее активной борьбы именно греков за сохранение своих национально-культурных институтов.

Первой репрессией против греков по национальному признаку стала греческая операция НКВД 1937–1938 гг. В Центральном архиве ФСБ РФ обнаружена директива НКВД СССР № 50215 за подписью Н. Ежова, датированная 11 декабря 1937 г.: «Материалами следствия устанавливается, что греческая разведка ведет активную шпионско-диверсионную и повстанческую работу в СССР, выполняя задания английской, германской и японской разведок...

Базой для этой работы являются греческие колонии в Ростовской-на-Дону и Краснодарской областях Северного Кавказа, Донецкой, Одесской и других областях Украины, в Абхазии и других республиках Закавказья, в Крыму, а также широко разбросанные группы греков в различных городах и местностях Союза.

Наряду с шпионско-диверсионной работой в интересах немцев и японцев греческая разведка развивает активную антисоветскую националистическую деятельность, опираясь на широкую антисоветскую прослойку (кулаки-табаководы и огородники, спекулянты, валютчики и другие) среди греческого населения СССР.

В целях пресечения деятельности греческой разведки на территории СССР приказываю:

1. 15 декабря сего года одновременно во всех республиках, краях и областях произвести аресты всех греков, подозреваемых в шпионской, диверсионной, повстанческой и националистической антисоветской работе.
2. Аресту подлежат все греки (греческие подданные и граждане СССР) следующих категорий:
 - а) находящиеся на оперативном учете и разрабатываемые;
 - б) бывшие крупные торговцы, спекулянты, контрабандисты и валютчики;
 - в) греки, ведущие активную националистическую работу, в первую очередь из среды раскулаченных, а также все скрывшиеся от раскулачивания;

- г) политэмигранты из Греции и все греки, нелегально прибывшие в СССР, независимо от страны, из которой они прибыли;
- д) все осевшие на территории СССР греки, так называемые закордонные агенты ИНО НКВД и Разведывательного управления РККА»⁴.

Директива в виде «почтотелеграммы» поступила во все республиканские, краевые, областные управления НКВД в ночь с 11 на 12 декабря. В воскресенье, 12 декабря, в СССР состоялись первые выборы в Верховный Совет. От Крыма в него попал летчик, Герой Советского Союза В. Коккинаки, а от Москвы — севастополец, тоже грек и тоже герой — И. Папанин. А два дня спустя по Крыму прошелся первый — самый сильный — вал арестов.

Греческая операция в Крыму характеризуется целым рядом особенностей.

Во-первых, ее отличал городской характер: подавляющее число арестованных были жителями Симферополя, Керчи, Феодосии, Евпатории, Севастополя, Ялты.

Во-вторых, от других регионов СССР ее выделяет растянутость во времени. Если в других местах аресты практически сошли «на нет» в марте 1938 г., то в Крыму они продолжались до первой половины июня.

В-третьих, если осуждения арестованных повсеместно завершились в ноябре 1938 г., то в Крыму приговоры продолжали выноситься вплоть до середины 1940 г.

В-четвертых, значительная часть арестованных были приговорены к исключительно мягким срокам лишения свободы.

Последние две особенности нуждаются в подробном разъяснении, ибо представляют наиболее отличительные особенности греческой операции в Крыму.

Из примерно 900–950 арестованных крымских греков (среди них жители Севастополя и Балаклавы составляли примерно 100–120 человек) около 150 человек не успела осудить ни Комиссия НКВД и прокурора Союза СССР во главе с Н. Ежовым и А. Вышинским («верховная двойка»), ни региональная тройка НКВД по Крыму.

Последний протокол Комиссии по греческой линии датирован 5 сентября 1938 г., тройки завершили свою деятельность в начале ноября. Между тем, в тюрьмах крымских городов оставались

⁴ Текст директивы № 50215 полностью опубликован в книге: *Джуха И. Спецшелоны идут на Восток*. СПб. 2008. С. 538–540.

сотни арестованных лиц греческой национальности, дела которых оставались нерассмотренными.

С приходом в ноябре 1938 г. Л. Берии на пост руководителя НКВД с арестованными, но все еще не осужденными, надо было что-то делать. Кроме одного: выпустить за недоказанностью. Л. Берия, сворачивая «большой террор», нашел «бериево» решение: остававшихся в тюрьмах приговорили к 3–5 годам ИТЛ. Знаменательным стало 29 октября 1939 г. (т. е. через 1,5–2 года после арестов), когда примерно 80–100 человек были осуждены к «детским» срокам. Несвойственная НКВД мягкость приговоров видна из сравнения: в Донецкой области и Краснодарском крае в греческую операцию к расстрелу были приговорены 96% арестованных греков.

Всего только Комиссия НКВД и прокурора Союза ССР утвердила 133 протокола по греческой линии (протоколы по каждой национальной операции, проведенных в рамках «большого террора», имели свою нумерацию). Среди них — 11 протоколов по Крыму. Распределение приговоров по ним представлено в таблице 1.

Таблица 1

Протоколы НКВД СССР и прокурора Союза ССР по Крыму (по греческой линии)⁵

№ № протоколов	Дата принятия	Число арестованных	Приговоры				
			ВМН	ИТЛ	Депорт. в Грецию	Передать дело в суд	Дело доследовать
44	07.02.1938	15	15	–	–	–	–
60	14.02.1938	23	23	–	–	–	–
73	19.02.1938	16	15	–	–	–	1
77	20.02.1938	38	20	16	–	–	2
100	31.03.1938	69	34	19	–	–	16
116	23.05.1938	15 ⁶	5	8	–	–	2
117	15.06.1938	9	1	7	–	–	1

⁵ По материалам Центрального архива ФСБ РФ.

⁶ Амарандо В.Д. и Домонтович С.В. из протокола № 116 проходят также по протоколу № 100 (с тем же приговором); Архапчев Х.Д., Асланиди Х.К., Малич А.Ю., Мисайлиди Х.М., Мистакиди Ф.С., Паскали В.П.,

118	02.09.1938	108	71	28	–	2	7
119	02.09.1938	73	7	50	–	6	10
130	05.09.1938	68 ⁷	19	31	2	7	9
132	05.09.1938	83 ⁸	43	23	6	4	7
Итого:		516	253	182	8	19	54

С учетом повторов протоколами Комиссии НКВД СССР и прокурора Союза ССР в рамках греческой операции осуждены 498 жителей Крыма. Среди них не греков — 25. Процент приговоренных к расстрелу по приговорам Комиссии намного меньше, чем в других регионах СССР, — менее 50. В то же время значительно выше доля дел, возвращенных на доследование, — 10,4%. (В Донецкой области и Краснодарском крае этот показатель не превышает 1–1,5%).

Кроме Комиссии НКВД и прокурора СССР, греки осуждались и другими внесудебными органами — прежде всего тройкой НКВД Крыма, а также Особым Совещанием при НКВД СССР и прокуроре Союза ССР (ОСО). Тройки и ОСО вынесли приговоры еще примерно по 400–450 грекам. Таким образом, всего в Крыму в греческую операцию было арестовано около 900–950 лиц греческой национальности.

В связи с незавершенностью работы Украинским институтом национальной памяти по публикации списка репрессированных жителей Крыма не представляется возможным составить полный список осужденных в 1938–1939 гг. греков. Но имеющиеся данные позволяют говорить о следующем. Во-первых, тройки НКВД Кры-

Спиридонов И.Г., Фулиди Д.П., Хамарито И.М. проходят также по протоколу № 100 (с приговором «Дело доследовать»), протоколом № 116 они приговорены к 10 годам ИТЛ; Караманиди А.Г., Пьеро Г.И., Сарбей Г.Н., Спаи А.Г., дела которых протоколом № 100 возвращены на доследование, протоколом № 116 приговорены к расстрелу.

⁷ Симвулиди И.Н., 1897 г. р., уроженец д. Мурзакой Симферопольского р-на в протоколе № 130 значится дважды. Под № 35 он приговорен к расстрелу, под № 51 — к 10 годам ИТЛ.

⁸ Табулджиев Г.И. проходит также по протоколу № 77 (с приговором «Дело доследовать»). Протоколом № 132 он приговорен к 10 годам ИТЛ; Триандофилиди Г.Е. проходит также по протоколу № 77 (с приговором «Дело доследовать»). Протоколом № 132 он приговорен к высылке из СССР.

ма (они на разных этапах «большого террора» были двух типов с сохранением одного и того же состава членов) были менее кровавыми по сравнению с тройками других регионов. Во-вторых, Особое совещание при НКВД СССР и прокуроре Союза ССР, приговаривавшее только к лагерным срокам, в большинстве случаев выносило трех- и пятилетние приговоры, в то время как в разгар «большого террора» и греческой операции, в частности, основными сроками у ОСО были десять и восемь лет ИТЛ.

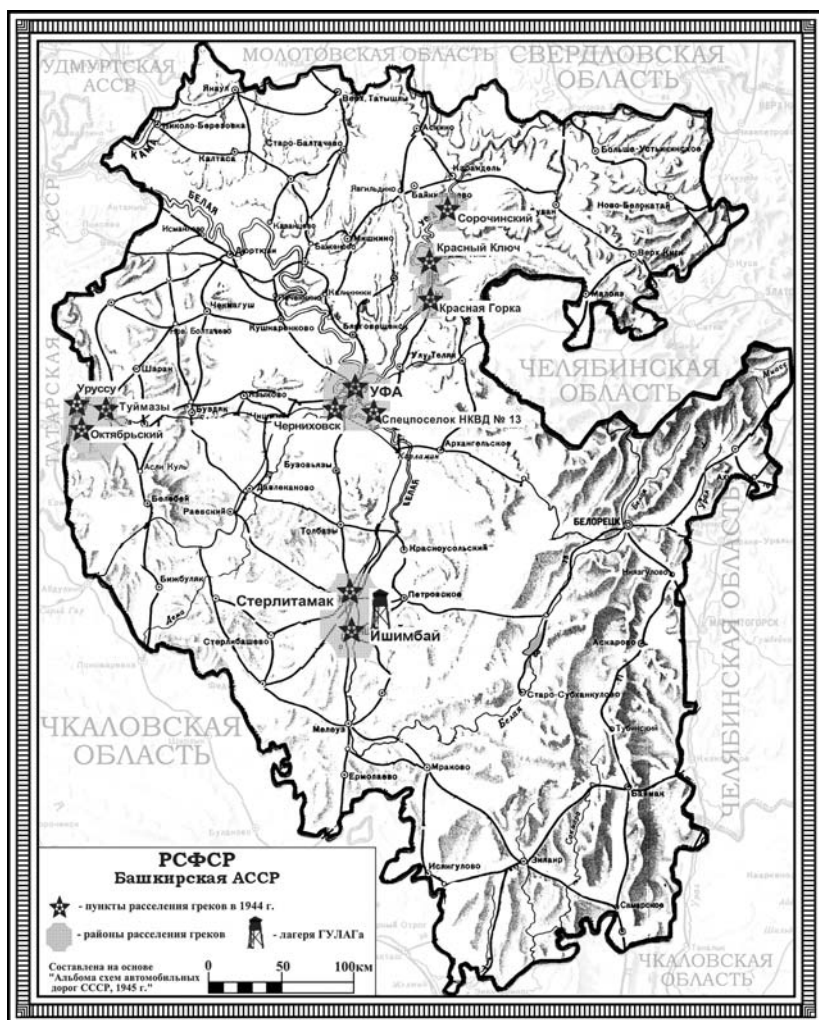
Бывших жителей Севастополя и Балаклавы операция настигала и в других местах. Их арестовывали в Москве, Краснодарском крае, Донецкой области. Многие из раскулаченных и высланных на Урал также были арестованы и приговорены к расстрелу. Только по протоколу «верховой двойки» № 122 (по Свердловской области) проходят 14 греков, уроженцев Крыма (из 53 осужденных). Одиннадцать из них приговорены к расстрелу, трое — к 10 годам ИТЛ.

В половом отношении греческая операция в Крыму, как практически повсеместно (исключение составляет Одесская область), носила мужской характер. Среди осужденных в Крыму лишь около 20 гречанок. Возраст арестованных практически не отличается от среднесоюзного. Преимущественно это были мужчины от 20 до 55 лет.

Всех греков, независимо от места ареста, обвинили в контрреволюционной деятельности. И хотя все обвинения соответствовали обозначенным в приказе № 00447 (открывшем «большой террор» и в директиве № 50215) и были в достаточной степени абсурдны, без сверхабсурдных не обошлось. Кроме обилия участников многочисленных контрреволюционных греческих националистических, шпионско-диверсионных и повстанческих организаций, среди греков обнаружили японские, польские, немецкие, французские и итальянские шпионы, а также члены «Союза истинно русских людей» и организации украинских националистов.

А уроженец Севастополя музыкант Илья Спаи был признан шпионом на том основании, что он — теперь житель Москвы — в составе оркестра совершал ежегодные поездки на Черноморский флот, где оркестр давал шефские концерты для моряков-севастопольцев.

Как «побочный продукт» греческой операции можно рассматривать выселение членов семей репрессированных с Черноморского побережья в 1937 г. Из Севастополя в спешном порядке заставили покинуть свои квартиры и переехать подальше от пограничной полосы несколько десятков семей арестованных «врагов народа».

Расселение греков Башкирской АССР

Одна из самых слабоизученных репрессивных страниц Севастополя — выселение из города греков в 1939 г., когда НКВД провел очередную акцию по очистке приграничных территорий от подозрительных и «социально опасных элементов». По некоторым данным, результатом ее стало выселение из Севастополя 1641 грека. На наш взгляд, цифра нуждается в серьезной корректировке.

С началом Великой Отечественной войны для греков СССР начались массовые депортации. Основу для них заложил появившийся в первый день войны Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении». Он позволял военным властям в местностях, где было объявлено военное положение, выселять в административном порядке всех лиц, признанных социально опасными.

4 июля 1941 г. за подписью Л. Берии на места поступила поясняющая директива НКВД. Содержавшаяся в Указе установка на подозрительность предопределяла «эвакуацию» всех «ненадежных» этносов подальше от линии фронта. Директива Л. Берии начала претворяться в жизнь незамедлительно. В июле 1941 г. из Крыма выселяются немцы, а из Севастополя — оставшиеся там греки.

В конце 1943 — начале 1944 гг. в ходе наступления Красной армии случилось еще одно важное событие: тысячи греков были сняты с фронта.

Уже нельзя установить точное число крымских греков, которые подверглись этому виду моральной репрессии, но совершенно точно это снятие не коснулось шестерых севастопольцев братьев Целио: Георгия, Дмитрия, Спиридона, Александра, Николая и Пантелея. Живыми из них вернулись трое. А 31 мая 1945 г. майору Георгию Целио посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Греков-героев, без сомнения, было бы больше, если бы не «пятая графа». Командиры, представлявшие своих солдат к наградам, знали об этом их «недостатке» и находили нехитрый выход из положения. Г. Целио получил звание героя как русский. А два грека, отличившиеся, кстати, в боях за освобождение Крыма, тоже были помечены в наградных листах как не греки: Константин Талах, уроженец греческого села под Мариуполем как украинец, а грек из Армении Константин Хаджев как грузин.

Вот на таком фоне отношения к грекам (после греческой операции, выселения из Севастополя, депортации греков Кубани в 1942 г., снятия с фронта в конце 1943 — начале 1944 гг.) греки Крыма подошли к июню 1944 г. К этому времени (на 10 июня 1944 г.) в Крыму проживало 16352 грека. Из них жителями Севастополя были 136 человек, а Балаклавского района — 397⁹.

⁹ Государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 16. Оп. 52 за 1952 г. Д. 3. Т. 19. Л. 19. Цит. по: Греки на українських теренах. Київ, 2000. С. 296.

24 июня началось выселение греков (а также армян и болгар) из Крыма. Подробный анализ причин выселения греков рассмотрен автором в монографии «Спецэшелоны идут на Восток». В данной статье, по нашему мнению, возможно, обозначить лишь главное: по крайней мере в двух (из трех основных) депортационных кампаниях — 1944 и 1949 гг. (когда выселялись греки с Черноморского побережья — от Батуми до Анапы, а также из Одессы и Баку) явно прослеживается связь между геополитическими неудачами Сталина в борьбе за советизацию Греции и репрессиями против греков в СССР.

Так или иначе, но крымских греков к 1944 г. уже не извиняло даже то, что в истории России они не раз проявляли мужество и героизм. Так, не бралось в расчет то, что благодаря стойкости Балаклавского греческого батальона, по нашему мнению, так долго держался Севастополь в Крымскую войну 1854–1856 гг. Ни помощь греков русским в многочисленных войнах с Турцией за обладание Крымом и Проливами, ни севастопольское подполье в период оккупации фашистами, в котором состояли греки: П. Иосифиди, Е. Спаи, Н. Целио, Г. Терленди, Ю. Псома и др.

Каждая репрессия в СССР тщательно обосновывалась. Раскулачивание обосновывалось необходимостью изменить уклад крестьян и поставить на новые, «социалистические рельсы» сельское хозяйство, «большой террор» и проведенные в его рамках 14 этнических операций — борьбой с кулаком-саботажником, превентивные депортации — желанием избавиться от потенциальной пятой колонны.

Выселение греков из Крыма состоялось после освобождения его от оккупантов. И греков, как и болгар с армянами, как и перед ними татар, наказывали за «содеянные преступления». Всех их выселяли из Крыма как немецких пособников. При этом, чтобы причины и вытекавшее из них наказание целых народов выглядели правдоподобными, каждому этносу подобрали «преступления». Они изложены в письме Л. Берии на имя И. Сталина. 29 мая 1944 г. руководитель НКВД направляет письмо (а по сути — аналитическую записку) руководителю СССР: «После выселения крымских татар в Крыму продолжается работа по выселению и изъятию органами НКВД антисоветского элемента... На территории Крыма учтено проживающих в настоящее время болгар 12075 человек, греков — 14 300 человек, армян — 9919 человек.

Греческое население проживает в большинстве районов Крыма. Значительная часть греков, особенно в приморских городах, с прихо-

дом оккупантов занялись торговлей и мелкой промышленностью. Немецкие власти оказывали содействие грекам в торговле, транспортировке товаров и т. д. ... НКВД СССР считает целесообразным провести выселения с территории Крыма всех болгар, греков и армян»¹⁰.

На отсутствие в главном «аналитическом» документе доказательств предательства греков обращает внимание известный специалист в вопросе этнических депортаций Н. Бугай: «Если причины и меры по депортации других народов... как-то обосновывались Центром, то, что касается греков, в отношении их не предпринималась даже попытка не только обосновать эти причины, но и хотя бы каким-то образом обозначить их»¹¹.

Севастопольцы Николай Пулуди и его сын Дмитрий зарабатывали на жизнь тем, что мастерили ручные каменные мельницы для помола зерна, собирали резиновые покрывки и меняли все это добро на хлеб в окрестных деревнях. Дмитрий состоял в детской фронтовой бригаде, а затем и в севастопольских подпольщиках. Со своим товарищем он украл в одном из отделений гестапо пишущую машинку и передал ее партизанам. На этой машинке печатались листовки, призывавшие крымчан к сопротивлению оккупантам. За этот подарок партизаны наградили Дмитрия Пулуди ножом. (Его отобрали при погрузке в грузовик при депортации).

Из всех операций по депортации населения, проведенных в сталинское время, крымская стала самой быстротечной, а также, по нашему мнению, самой жестокой как по срокам, так и по степени коварства. К июньскому выселению организаторами уже был накоплен богатый опыт проведения подобных операций.

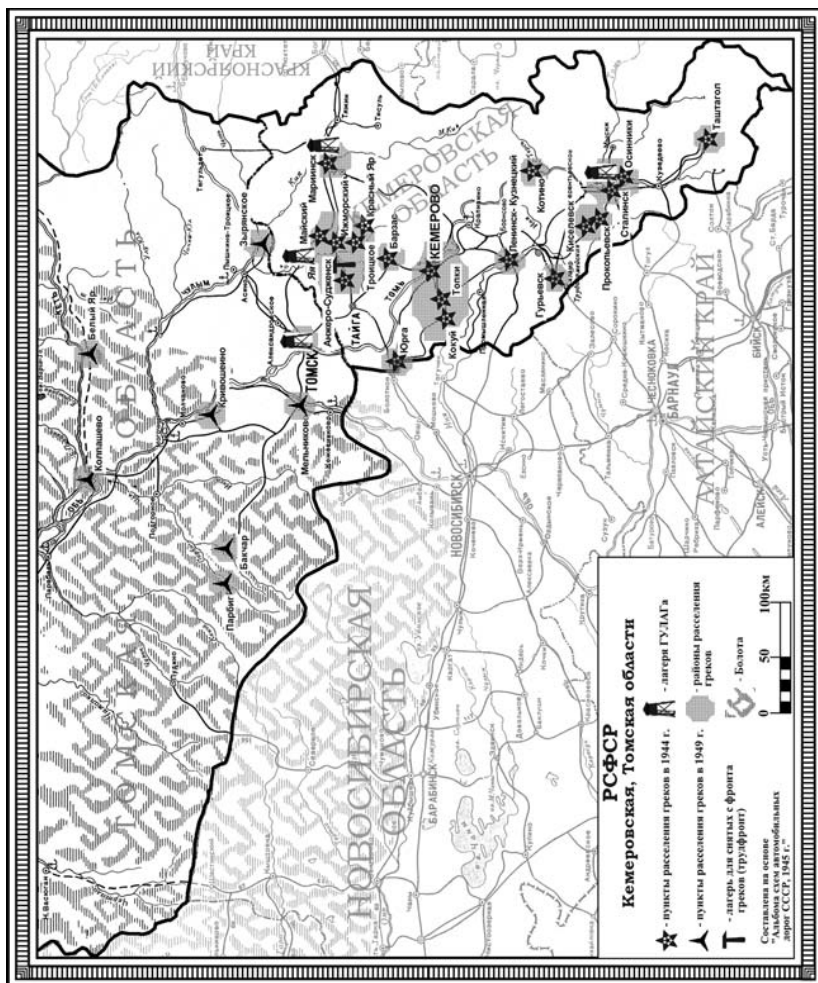
Так, при подготовке личного состава к выселению крымских татар в районе Судака, среди солдат и сержантов была пущена легенда: «Полк после боев под Севастополем прибыл на отдых в город Судак. Подразделения полка отдислоцированы по селениям на отдых. Здесь мы должны получить пополнение. Будем проводить маневры в горах, после чего поедem в Карпаты бить немцев»¹².

Перед нами — уникальное свидетельство человека, участника выселения болгар и греков, Алексея Веснина. «9 мая 1944 г. литерным эшелоном наша часть, в которой я был рядовым солдатом, прибыла в Крым.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 161–163.

¹¹ Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». С. 146.

¹² Полян П. Депортация крымских татар (Май 1944 г.). // www.polit.ru/dossie/2004/06/04/deporttion_print.html.

Расселение г-ков в Кемеровской обл.

...В ночь на 24 июня, мы двинулись из Керчи в поход и к утру прибыли в прибрежное село Марфовку (между Керчью и Феодосией)... Нам было объявлено, что мы будем выселять жителей этого села. Людям мы должны говорить, что прибыли помогать косить сено. Разойдясь по выделенным участкам, мы как будущие «шефы», радостно были встречены хозяевами, не поспеившимися на выпивку и угощения для бескорыстных «помощников». В назначенное же время мы объявили хозяевам: «Именем

Советской власти...» Татар, как оказывается, мы выселяли «гуманно»..., а тут — 20 минут на сборы и груза, что унесешь в руках. К тому же было организовано соревнование между группами: кто раньше закончит свой участок. На деле вышло, что люди хватили не самое необходимое, а что попало под руку и тут же выталкивались прикладами...»¹³

А вот взгляд на ту же ситуацию с другой стороны. Рассказывает Нина Федоровна Политиди, депортированная из Севастополя: В свои последние 15 минут наша семья не успела почти ничего. Я выбежала на крыльцо с подушкой и одеялом, — единственными ценными вещами, которые остались у нас после бомбежек и пожара. Когда я попыталась вернуться за одеждой, солдат преградил мне путь:

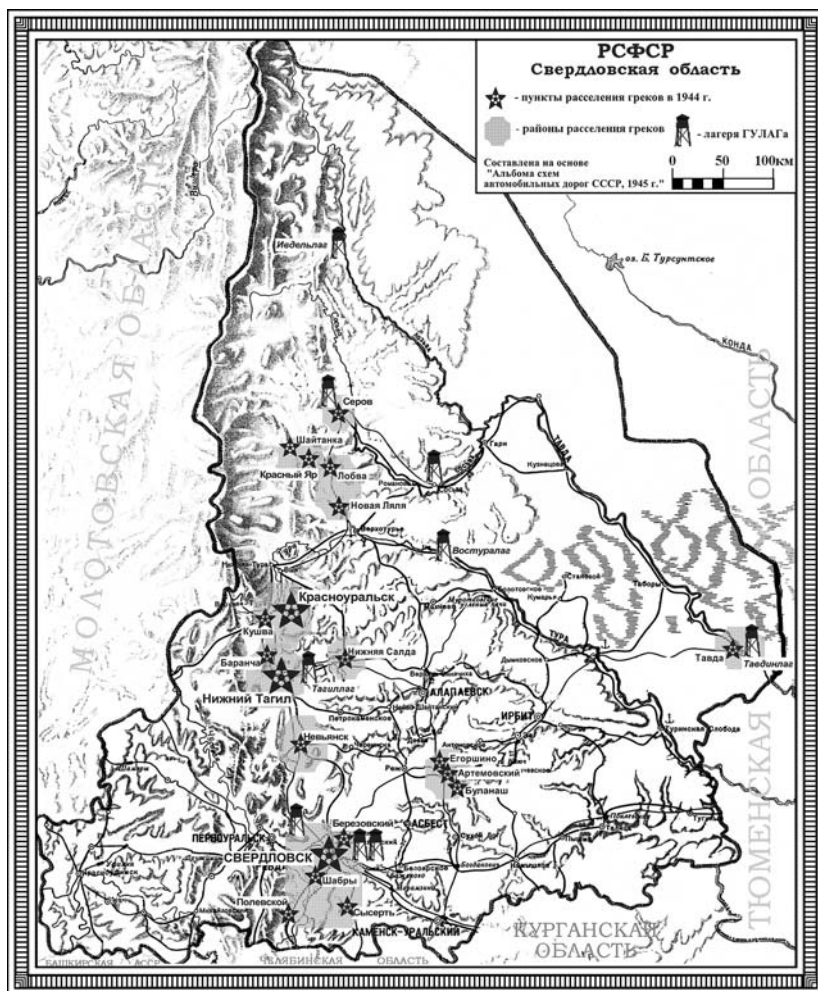
– Все! Для лишнего груза места нет!

Севастополь был одним из мест сбора депортируемых. Сюда свозили греков из Ялты, Алупки, многих прибрежных сел, Балаклавы. В Ялте, к примеру, 24 июня всех греков, армян, болгар собрали на конном дворе, а потом грузовиками увезли в Севастополь. Здесь их под тщательной охраной держали среди вокзальных руин. Только к обеду подали состав, и началась погрузка.

Крым покидали потомки херсонесцев и основателей Боспорского царства. Покидали Тавриду, воспетые А. Куприным отнюдь не кровожадные балаклавские рыбаки-листригоны. Возможно, что и сам главный купринский персонаж, Юра Паратино, этот «крепкий, просоленный и просмоленный грек, лет сорока» пересел с баркаса в телячий вагон. Как известно, Юра Паратино в рассказе А. Куприна «Листригоны» выведен под своим именем. А. Куприн работал над рассказом в 1907–1911 гг. Так что в 1944 г. Юрий Паратино мог еще жить, ему было бы примерно 70 лет.

Пожалуй, лишь расселение греков не вызывает абсурдных ассоциаций. Оно было четко продуманно. Как и все остальные «наказанные» народы их отправили туда, где промышленность и сельское хозяйство остро нуждались в рабочих руках. Депортированных (советских граждан) в 1944 г. направили на Урал, в Западную Сибирь, Казахстан, а имевших греческие паспорта — в Узбекистан. Число депортированных греков остается не до конца выясненным. Цифры варьируют от 15 до 18,5 тысяч. Причем, обе эти цифры встречаются в письмах Л. Берии. В письме на имя И. Сталина накануне выселения (от 29 мая 1944 г.) он сообщает

¹³ Веснин А. Выполняя приказ // Юность. 1989. № 8. С. 70.

Расселение греков в Свердловской обл.

о 14 300 греках, проживавших в Крыму. А 4 июля, подводя итоги выселенческой операции, Л. Берия доложил, что выселено греков — 15040 человек. При этом отдельно выделены иноподданные (без указания национальности) — 3652 человека. О последних сообщается, что они направляются для расселения в Ферганскую область Узбекистана. Между тем, известно из отчетов отдела спецпоселений НКВД, что почти все иноподданные, расселенные в 1944 г. в Узбекистане — греки.

Регионы расселения греков таковы:

– в РСФСР (в общей сложности 10–12 тысяч человек): Свердловская, Молотовская, Кемеровская и Кировская области, Башкирская и Марийская АССР;

– в Казахской ССР (примерно 1,5–2 тысяч человек): Гурьевская область;

– в Узбекской ССР (в общей сложности примерно 3,5 тысяч человек): Ферганская (свыше 90 процентов из всех выселенных в Узбекистан), Андижанская, Ташкентская Кашка-Дарьинская, Бухарская, Самаркандская области, Каракалпакская АССР;

– в Таджикской ССР (около 100–150 человек).

Жители Севастополя и Балаклавы попали во все перечисленные республики и области.

Как жилось депортированным на новых местах, видно на примере семьи Терленди из села Карань Балаклавского района.

Слепого Владимира Терленди и его семнадцатилетнюю дочь Анну вместе с еще несколькими десятками греков привезли в город Красноуральск Свердловской области. Отцу с дочерью достался угол барака и одна кровать на двоих. Старшую дочь Владимира повезли дальше — на север области, в город Серов. На следующий день после вселения Анна отправилась на работу, на медеплавильный комбинат. Ее сразу поставили «толчком» вагонеток с металлом. Анна работала не столько ради денег — на них мало, что можно было купить, сколько ради хлебных карточек. Вскоре умер отец. «Жить стало лучше, жить стало веселей...», когда зимой Анне выдали американские ботинки желтого цвета 45 размера.

При расселении греков не обошлось без эксцессов, которые на языке спецслужб именуется «вольинкой». Самое сильное сопротивление оказали греческо-подданные, вывезенные в Узбекистан. Одними из зачинщиков кокандской «вольинки» стали уроженцы Севастополя (выселенные оттуда в 1939 г. в Симферополь) отец и сын Дмитрий и Илья Попандопуло.

Два крымских спецэшелона СК-733 и СК-741 с греческими подданными прибыли на станции Горск и Коканд Ферганской области соответственно 11 июля 1944 г. в 22 часа 40 минут и 12 июля в 20 часов. В первом находилось 636 семей (2256 человек), во втором — 553 семья (1950 человек). 1360 из общего числа составляли дети до 16 лет¹⁴.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 176. Л. 203.

Утром 12 июля провели санобработку спецпоселенцев первого эшелона. Все шло по плану. Однако после того как несколько автомашин с греками отправили по колхозам Ферганской области, остальные категорически отказались грузиться. Вот что доложил в Москву заместитель народного комиссара внутренних дел Узбекистана, полковник госбезопасности Меер:

«После отправки машин со спецпереселенцами со станции в колхозы, оставшиеся организованно отказались грузиться в автомашины и повозки, заявляя при этом, что их... обманули, что климатические условия Средней Азии им не подходят, что они — греки — не являются изменниками, многие участвовали в партизанских отрядах во время пребывания в Крыму немцев и т. п.»¹⁵. Сотрудники НКВД и представители партийно-советских органов принялись уговаривать греков. Как писал полковник Меер, они разъясняли спецпереселенцам «сущность постановления ГКО о переселении их из Крыма». Особенно «непонятливыми» проявили себя гречанки. Когда солдаты попытались помочь им взобраться в кузов, они стали яростно вырываться, призывая остальных не грузиться и «не сдаваться!» Толпа быстро возбудилась. Раздались крики, что греки не уживутся с узбеками и, что греков необходимо увезти отсюда обратно. Выкрикивались оскорбления в адрес военных.

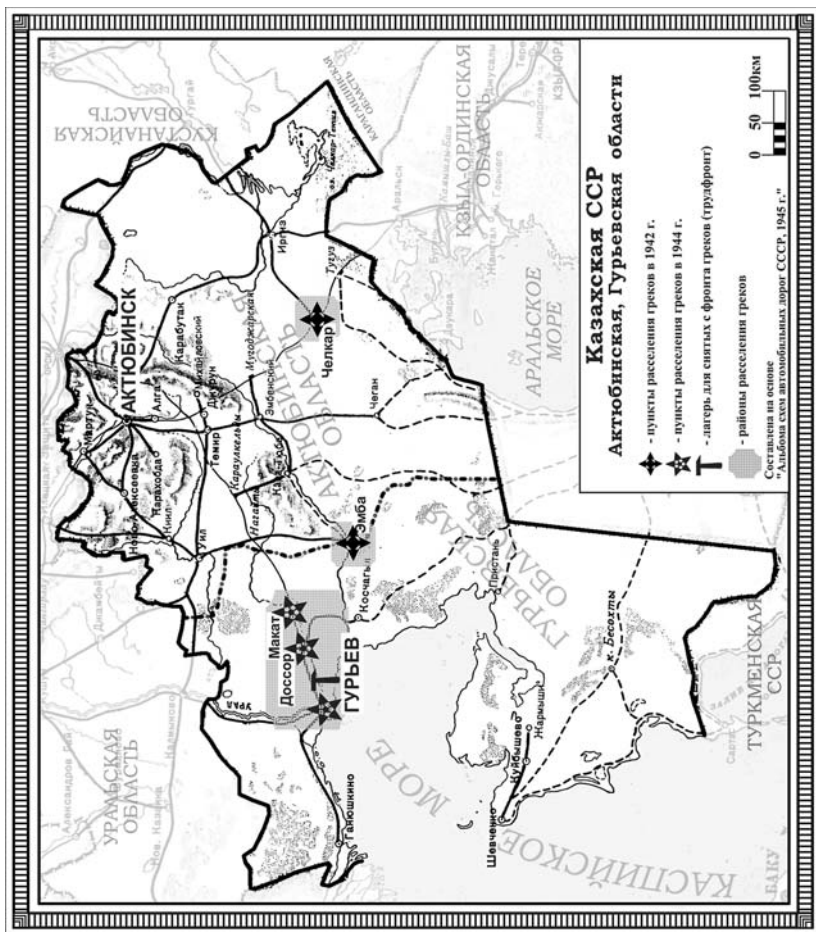
Кто-то из бывших партизан написал письмо с воззванием к грекам, прибывшим в Коканд вторым эшелонам, не подчиняться приказам НКВД. Два подростка доставили письмо из оцепленной станции Горск в Коканд. Известие о горской «волынке» подростки доставили в Коканд, когда там уже началась посадка для отправки по колхозам. 580 человек уже погрузились на автомашины и повозки. Но когда «кокандские» греки узнали о выступлении горского эшелона, то они сразу же прекратили посадку на грузовики.

...На станцию Коканд срочно прибыли из Ташкента заместитель наркома внутренних дел Узбекистана Козырев и начальник оперотдела Тарасов. Но из толпы они слышали: «Расстреливайте нас на месте, в колхозы мы не поедем!», «Возвращайте нас в Крым!» и даже: «Греки не сдаются, будем держаться, пока не вернете нас в Крым!».

Так продолжалось почти неделю, и в Горске, и в Коканде.

В Горск было переброшено войсковое подразделение из 80 солдат и офицеров кокандской школы связи войск НКВД, еще 60 — из

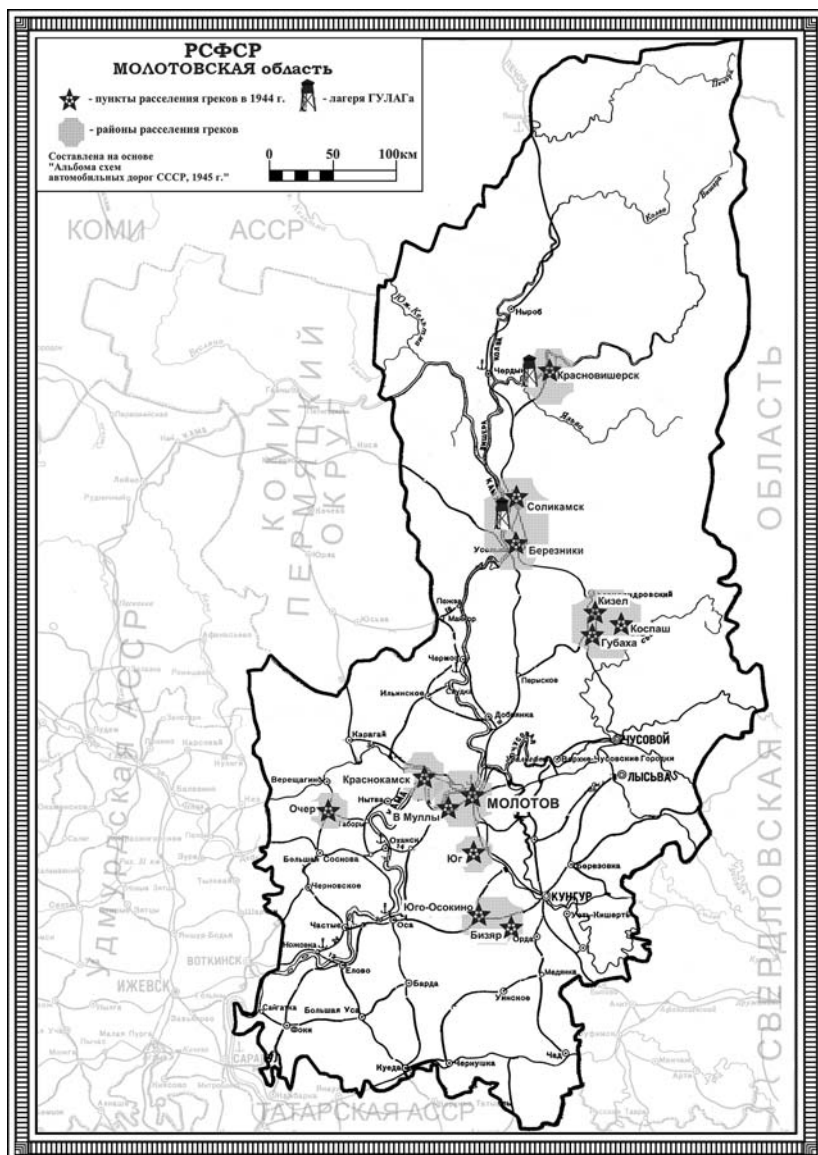
¹⁵ Там же.

Расселение греков в Гурьевской обл.

резервной роты 170 полка из города Андижана, а также 100 солдат из Ташкента. Их усилили оперативной группой из числа работников НКВД и милиционеров.

Первым делом военные и милиция арестовали 16 человек, признанных организаторами «волынки». В их числе оказались шестидесятилетний житель Евпатории Иван Сакиди, а также ялтинцы Елена Сиамиди, севастопольцы Дмитрий Попандопуло и его сын Илья. Как вспоминает Илья Дмитриевич Попандопуло, взяли тех, кто стоял в первом ряду и громче других протестовал. К исходу седьмых суток толпа заметно сникла, а к вечеру вокзал опустел.

Расселение греков в Молотовской обл.

Вскоре был издан Указ о запрете депортированным возвращаться в Крым. Но он не мог предотвратить попытки возвращения на родину татар, греков, болгар, армян. Тема возвращенцев не раз становилась предметом острого разговора на бюро Крымского обкома ВКП(б). В 1948 г. члены обкома даже пожаловались на местный отдел внутренних дел в ЦК.

К этому времени несколько человек, возвратившиеся в Симферополь и Севастополь, по решению судов, вернули свои дома. В своем письме обкомовцы сообщали о задержании 633 человек, нелегально возвратившихся в Крым. (35 из них осудили, а 598 человек отправили обратно).

Недовольство обком выразил и тем, что свыше тысячи человек «из числа высланных народов по решению МВД СССР освобождены от спецпереселения, из которых 581 человеку разрешили жить в Крыму... Из-за плохой работы органов милиции имеются случаи, когда бежавшие спецпоселенцы продолжительное время безнаказанно проживают на территории Крыма и даже пытаются возвращать себе ранее принадлежавшее им имущество»¹⁶.

Бюро обкома постановило «считать недопустимым возврат спецпереселенцев в Крым, а возвратившихся — выселить»¹⁷. Кроме того, секретарь обкома ВКП(б) Н. Соловьев обратился к министру МВД С. Круглову с просьбой «прекратить выдачу разрешений на возвращение спецпоселенцев в Крым»¹⁸.

Беспокойство крымских партийцев можно понять. Многие из них были активными участниками выселенческой операции и не могли не понимать всей незаконности той акции. Кто-то же просто хорошо поживился захватом опустевших квартир и домов, — т. е. мародерством, и не очень жаждал встретиться с недавними хозяевами обжитых ими домов.

Большинство вернувшихся в Крым делали это нелегально. Но еще с января 1946 г. начались снятия с учета спецпоселений отдельных представителей отдельных этнических контингентов. Судя по всему, среди них были и крымские греки. Сразу после выселения они отправляли тысячи писем из мест спецпоселения (где их поставили на спецучет, обязав ежемесячно отмечаться в спецкомендатурах) в правительство и Президиум Верховного Совета СССР. В письмах содержалась стандартная просьба освободить их

¹⁶ Там же. Д. 401. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 9.

¹⁸ Там же. Л. 4.

со спецпоселения и разрешить вернуться туда, где у них были и «дом, прежде всего, и супруга, и бык-землепашец»¹⁹. Но из столицы приходил один и тот же ответ: «Переселены правильно на постоянное жительство».

Высшие чины в Москве не могли не понимать всю надуманность обвинений, ставших причиной депортации. Так, еще в мае 1944 г. начальник отдела спецпоселений НКВД СССР М. Кузнецов обратился к министру внутренних дел с письмом, в котором предлагал при отсутствии на крымских болгар, греков и армян компрометирующих материалов за время их проживания в Крыму и в местах спецпоселений, освободить из спецпоселения, но без права возвращаться в Крым. Ходатайство не осталось без внимания. Ежегодно возникали два потока, освободившихся из мест спецпоселения: один с правом возвращения в Крым, второй — без такого права.

Статистика этих двух потоков (по состоянию на 20 сентября 1948 г.) приведена в двух следующих таблицах.

Таблица 2

*Освобождено крымских греков с правом въезда в Крым*²⁰

1945 г.		1946 г.		1947 г.		1948 г.		Всего	
96 из них:		69, из них:		80, из них:		23, из них:		268, из них:	
взрос.	детей	взрос.	детей	взрос.	детей	взрос.	детей	взрос.	детей
63	33	47	22	55	25	18	5	183	85

Таблица 3

*Освобождено крымских греков без права въезда в Крым*²¹

1945 г.		1946 г.		1947 г.		1948 г.		Всего	
81 из них:		96, из них:		147, из них:		99, из них:		423, из них:	
взрос.	детей	взрос.	детей	взрос.	детей	взрос.	детей	взрос.	детей
65	16	56	40	99	48	72	27	292	131

Причины освобождения со спецпоселения депортированных из Крыма раскрывают две справки МВД СССР.

¹⁹ Строка из стихотворения Гесиода.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 401. Л. 77.

²¹ Там же. Л. 81.

Таблица 4

*Справка на освобожденных из спецпоселения греков без права въезда в Крым*²²

Основание к освобождению из спецпоселения	Освобождено				
	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	Всего
Главы семей не подлежали выселению, а члены семьи выселены	29	32	26	11	98
Главы семей или члены семьи — участники войны	43	26	50	20	139
Главы семей или члены семьи — участники партизанского движения	7	8	21	38	74
Не являющиеся коренными жителями Крыма	—	20	38	23	81
Неправильное определение национальности при выселении	—	9	8	—	17
В связи с вступлением в брак с не спецпоселенцем	2	1	4	7	14
Всего	81	96	147	99	423

Таблица 5

*Справка на освобожденных из спецпоселения греков с правом въезда в Крым*²³

Основание к освобождению из спецпоселения	Освобождено				
	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	Всего
Главы семей не подлежали выселению, а члены семьи выселены	32	48	33	11	124
Главы семей или члены семьи — участники войны	45	14	31	7	97
Главы семей или члены семьи — участники партизанского движения	13	—	11	5	29
Не являющиеся коренными жителями Крыма	—	6	2	—	8
Неправильное определение национальности при выселении	6	1	3	—	10
В связи с вступлением в брак с не спецпоселенцем	—	—	—	—	—
Всего	96	69	80	23	268

²² Там же. Л. 84.

²³ Там же. Л. 91.

Как бы подтверждая нетипичность подобных освобождений, Президиум Верховного Совета СССР 26 ноября 1948 г. нанес последний решающий удар по надеждам спецпоселенцев. В этот день вышел «Вечный Указ». Он именовался «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». Вот его полный текст: «В целях укрепления режима поселения для выселенных по решению Верховных органов СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ».

Не забывал о Крыме и сам И. Сталин. 12 сентября 1948 г. у себя на даче в Ялте он принял секретаря Ялтинского горкома партии ВКП(б) Булаева. «Наряду с вопросами хозяйственно-политического характера, касающимися Ялтинского курортного сезона, товарищ Сталин, прежде всего, обратил внимание на факты возврата в Крым, бежавших с мест поселения татар и дал указание татар в Крым ни в коем случае не пускать, т. к. они являются базой для иностранной разведки». Булаев извинялся: «Многие из нелегально прибывших быстро нашими органами задерживались, но некоторой части удалось получить документы с измененной национальностью, путем предоставления в органы милиции справок с мест жительства, заявлений об утере паспортов»²⁴.

Все это закончилось тем, что с 5 по 20 октября 1948 г. началась очередная зачистка Крыма. На полуостров прибыла специальная комиссия МВД СССР. Она произвела проверку работы паспортного отдела управления милиции, отделения спецпоселения УМВД, Ялтинского, Севастопольского, Евпаторийского, Керченского, Феодосийского и Алуштинского райотделов МВД. Комиссия обнаружила бежавших с мест поселения семерых греков. Всего же в ходе зачистки задержали 34 человека (кроме греков, это были

²⁴ Там же. Л. 8.

татары и представители других выселенных народов). Из них десять человек арестовали и, не мешкая, возвратили в места расселения. Из отчета комиссии следует, что 18 человек следовало предать суду, но «в связи с невозможностью судить из-за преклонного возраста и наличия малолетних детей» их решено отправить обратно на спецпоселение. Еще шесть человек, которые являлись «постельно-больными», обещали выдворить «на спецпоселение в ближайшее время»²⁵.

Не исключено, что бурная вспышка активности МВД и МГБ в Крыму свидетельствовала о готовившейся новой операции по выселению греков в 1948–1949 гг. На эту мысль наводит спецсообщение под грифами «литера А» и «совершенно секретно», которое 23 октября 1948 г. начальник управления МГБ по Крымской области, генерал-майор Кондаков направляет министру Абакумову:

Пунктами «ПК» отдела «В» Управления МГБ по Крымской области с 5 по 20 октября 1948 г. в процессе обработки исходящей корреспонденции зафиксировано свыше шестисот высказываний о предстоящем выселении некоторых национальностей (греков, татар, армян) из Крыма.

Приведем выдержки из некоторых сообщений, получателем которых была Стараниди Екатерина Ерофеевна, проживавшая по адресу: Свердловская обл. Ново-Лялинский р-н. Ст. Лобва. Ул. Кирова. 6».

«16.10.48. Здравствуй Катюша! В Ялте отдыхал товарищ СТАЛИН и якобы обратил внимание на крайнюю засоренность Крыма несоветски настроенными людьми. Вот теперь и распространяются всевозможные слухи, что будто бы уже составляются списки на всех репатриированных и смешанно-брачных греков, армян, татар для выселения за пределы Крыма...»

«15.10.48. ...На днях приступили к выселению из Крыма оставшихся и нелегально прибывших с мест высылки — греков, татар, болгар, а будут заселять Крым исключительно русскими и украинцами. Предполагается, что в декабре — январе с. г. будут вербовать из разных областей, желающих для переселения в крымские колхозы за счет государства. Это мероприятие заслуживает только одобрения».

«18.10.48. Приступили к выселению из Крыма смешанные браки греков, армян, татар и других национальностей, высланных еще

²⁵ Там же. Л. 10.

в 1944 г., якобы затем будут выселять тех, кто был в Германии. Вот поэтому и переживаю, не знаю, Аня, какая тебя в будущем ждет участь. Куда будут выселять, неизвестно. Жизнь отвратительная, нет покоя душе, все опротивело, как посмотришь на все, ужас берет». «14.10.48. Крымские новости у нас не радостные, выселяют из Крыма лиц смешанного брака, например, если глава семьи грек, а жена русская, то выселяют с мужем, даже если бы она хотела остаться, все равно не оставляют. Сегодня уехали Луины и братья Якубовские. Нас тоже вызывали и сказали — идите домой пока живите, но разве это жизнь?»

Адресатом других выдержек из писем была Махлой Мария Л., также проживавшая в Свердловской обл. (Ново-Лялинский р-н. Ст. Лобва. Спецпоселок. Ул. Ворошилова. 4).

«6.10.48. Здравствуйте дорогие родители! Сейчас не разберешь, что здесь творится. Из Крыма опять приступили к выселению. Несмотря на то, что муж мой хотя и русский, но меня вызывали в МВД. Со мной были Моросиха, Федорка, Токбосиди Дмитрий и многие другие. Забрали у них паспорта и сказали, чтобы ждали особого распоряжения. Предчувствуя нехорошее, некоторые уже распродают. Шандро едет на Украину... Только немного ужился опять надо собираться куда-то. Как скажу детям, что скоро поедем на Урал, плачут, не хотят ехать. Даже жизни не рада».

«3.10.48. Идут слухи, что в Ялте будет зимовать Сталин в связи с чем, якобы, приступили к проверке греков, армян, татар и других нацменов, но у меня пока все благополучно. На выселение из Ялты дают десять дней. Настроение у всех подлежащих выселению тяжелое».

«7.10.48. Идет проверка, у кого не ялтинские паспорта, тех не прописывают. Греков и татар всех выселяют. Парфена уже выселили...»

Следует отметить, что из зафиксированных сообщений следует, что лица, подлежащие выселению из Крыма, в основном выезжали на Кубань и Западную Украину²⁶.

Но точнее других отобразил ситуацию в Крыму неизвестный ялтинец (или ялтинка), в письме которого «сотрудники Пункта «ПК» отдела «В» прочитали: «Одним словом, в Крыму повторяется 1944 г. Жизнь опять разваливается по швам»²⁷.

²⁶ Там же. Л. 150.

²⁷ Там же. Л. 160.

Похоже, что в это самое время готовился в недрах карательных органов документ, обнаруженный в усеченном виде в Государственном архиве РФ: «...В целях пресечения случаев возвращения в Крым спецпоселенцев из числа татар, греков, болгар и других национальностей приказываю:

1. Всех спецпоселенцев (татар, греков, болгар и других) нелегально возвратившихся в Крым, арестовывать и судить как преступников особым совещанием при МВД СССР сроком на 5 лет лагеря.
2. Впредь никого не освобождать от спецпоселения (татар, греков и других) и в связи с этим прекратить рассматривать какие бы то ни было заявления спецпереселенцев о возвращении их обратно в Крым»²⁸.

Два года спустя по Крыму нанесли еще один, на сей раз топонимический удар. Несколькими указами Президиума Верховного Совета СССР — самым длинным из которых был указ от 18 мая 1948 г. — поменяли названия почти 1400 крымско-татарских и нескольких десятков греческих населенных пунктов и географических объектов, созданных природой за несколько миллионов лет до немецкой оккупации. И хотя горы и реки абсолютно ни в чем не провинились перед советской властью и при любом взгляде на проблему не могли считаться немецкими пособниками, высочайшую вершину Крымской горной гряды — Ай-Петри, гору святого Петра, получившую свое название за 2500 лет до описываемых событий, переименовали в Петровскую. Село Ай-Тодор стало Гористым, Камары — Оборонным, Стиля — Лесниковым, Капсихор — Морским, Аутка — Чеховым, Ай-Василь — Васильевкой, Лимены — Голубым Заливом, Партенит — Фрунзенским, Мелас — Санаторным, Ай-Йорги — Солнечносельем, Ай-Даниль — Даниловкой... А позднее — 14 января 1952 г. переименовали также хранившие память о выселении греков железнодорожные станции²⁹.

В заключение — еще несколько примеров с явными элементами абсурда.

Закончив войну в Берлине, Лазарь Даго поспешил в родной Крым. В Симферополе ему объяснили, где ему следует искать своих родных. Так он оказался на Урале.

²⁸ Там же. Л. 146. (Документ не имеет ни начала, ни конца. Но, судя по всему, это приказ министра внутренних дел СССР С. Круглова).

²⁹ В том же, 1948 г. поменяли названия многим греческим селам Сталинской (ныне — Донецкой) области. Не было ли это подготовкой к выселению мариупольских греков, о которой писалось выше?

...В середине 1960-х годов сын Лазаря, Николай, решил поехать на родину отца, отдохнуть на море. С 1944 г. в семье только и было разговоров, что о Крыме, о родном доме, об оставленном хозяйстве. Лазарь часто вспоминал свой виноградник и подвал с бочками «Муската» и «Лидии».

Николай с семьей снял флигелек в уютном домике в Гаспре. Как-то вечером хлебосольная хозяйка похвасталась, как ей достался этот дом на берегу Черного моря. После освобождения Крыма ее семью привезли из Воронежской области и сказали: живите здесь! Она поинтересовалась, а как же хозяева? На что получила ответ, что здесь жили греки, которых, как немецких пособников, депортировали месяц назад.

Счастливая хозяйка не верила своему счастью: «Спустилась в подвал и обомлела: повсюду фрукты, бочки с соленьями, но что больше всего поразило меня — с вином!» — делилась она своими тогдашними свежими впечатлениями с Николаем³⁰.

Но из всех подарков новым жителям Крыма самым символическим, пожалуй, стал один дом в Алушке. Этот дом «немецкого пособника» получила мать знаменитого «пионера-героя» Павлика Морозова.

Дело даже не в том, что награду бедная женщина, потерявшая двух сыновей в годы ликвидации кулачества как класса, получила благодаря предательству одного из них. Трагизм состоит в редкой по циничности «рокировке»: семью мнимого предателя выгнали из родного дома и отправили на Урал. А другую семью, в которой сын предал родного отца, — привезли с Урала и поселили в опустевший дом. Татьяна Морозова, переехав в Крым и поселившись в Алушке рядом с Воронцовским дворцом, вернулась к тому, с чем боролся ее сын. Вскоре Т. Морозова стала сдавать комнаты и маленькие сарайчики, в которых прежние хозяева держали скот и птицу, отдыхающим в этом райском уголке Крымского полуострова...

Несколько десятков семей греков все-таки добились освобождения со спецпоселения. Однако редко кому из них удалось вернуться в Крым.

Не удалось это и Кузьме Целио, отцу шестерых фронтовиков, в том числе и Героя Советского Союза Георгия Целио. (Седьмой ребенок — дочь Аня погибла во время бомбежки Севастополя). Как «пособнику немцев» Кузьме был закрыт въезд в Крым. Все

³⁰ Из письма А. Даго. Личный архив автора.

же для него сделали послабление. В 1947 г. Кузьму Целио под конвоем отправили в Харьков, к сыновьям, вернувшимся с фронта и для которых Крым тоже был закрыт. Последний пример, возможно, как никакой другой, обозначил всю абсурдность выдвинутых против греков обвинений в пособничестве немцам. Обобщая же, точно также, по нашему мнению, можно классифицировать и все остальные обвинения, которые выдвигались против греков во все другие репрессивные эпохи в период сталинизма.

*С.И. Мосхури
(Симферополь — Ареополис)*

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ СЕМЬИ МАВРОМИХАЛИ В РОССИИ

К фамилии Мавромихали принадлежат члены большой и влиятельной семьи из области Мани (Лакония, Греция), гербом которой являлся двуглавый византийский орел на фоне княжеской мантии, до настоящего времени украшающий их сохранившиеся родовые замки. По свидетельству Мендельсона-Бартольди, 49 членов этой семьи погибли во время восстания в Морее 1770 г. и в последующих сражениях с турками в Архипелаге на стороне графа Алексея Орлова в кампании 1771–1774 гг.

Одним из видных представителей семьи являлся Стефан Мавромихали (1734–12.02.1801) — основоположник и организатор переселения греков в Россию в 1775 г., участник Морейского восстания 1770 г., Русско-турецких войн 1769–1774 гг. и 1778–1791 гг., Русско-шведской войны 1788–1790 гг., подполковник российской службы, который с 21 июля 1794 г. и по день своей смерти командовал Греческим пехотным полком, поселенным с 1784 г. в Балаклаве. Он был похоронен с большими почестями на кладбище Балаклавского монастыря Св. Георгия близ Севастополя.

О жизни и деятельности Стефана Мавромихали известно многое из библиографии, изданной в России еще в XIX в. Информация о его единственном сыне, Павле Мавромихали (1771–1822), и внучках, живших в Севастополе, также известна широкому кругу историков благодаря многочисленным исследованиям и публикациям¹. Одной из таких работ является книга исследователя-энтузиаста С.А. Сапожникова «Шевченко, Бларамберги, Мавромихали»². Однако неисследованными остаются многие вопросы, связанные с членами семьи Мавромихали, переселившимися в Россию в самом конце XVIII в.

В 1775 г. Стефан Мавромихали прибыл в Россию во главе «Греческого войска» и других переселенцев один, «укрыв семью свою

¹ См. *Иванова Ю.В.* Греки России и Украины. СПб., 2004.

² *Сапожников С.А.* Шевченко, Бларамберги и Мавромихали. М.; Оренбург, 1999. С. 43.

в благонадежном месте». О подготовке и проведении операции, связанной с вывозом из Мореи его семьи и родственников, нам известно из переписки генерал-губернатора Новороссийского края князя Платона Зубова³, правителя Таврической области Семена Жегулина и чрезвычайного посланника и полномочного министра в Константинополе Виктора Кочубея⁴. Членов этой влиятельной в Мани греческой фамилии предполагалось вывести «для лучшей безопасности сухим путем через Триест»⁵. Операция прошла успешно, и 15 октября 1796 г. Кочубей уведомлял Жегулина: «Прапорщик Ксанто Мавромихали, которого прислали ко мне с рекомендательным письмом вашего высокопревосходительства для вывоза из Мореи семейства и родственников албанских войск подполковника и кавалера Стефана Мавромихали, поручение, данное ему, успешно выполнил и родственников указанного подполковника в составе 11 человек обоого пола, тайным образом сюда вывез»⁶. Вопрос о том, кто именно из родственников Мавромихали был вывезен в Россию, до настоящего остается открытым для греческих историков.

Частично ответ на этот вопрос неожиданно был найден в Крыму. В Центральном государственном архиве Автономной республики Крым хранится дело «По прошению надворного советника и кавалера Мавромихали о признании его в дворянском достоинстве»⁷. На первых двух листах дела рукой Павла Мавромихали кратко изложена история его семьи в период жизни в Мани на протяжении XVIII в. Здесь мы находим подтверждение тому, что еще в конце XVII в. Сенатом Венеции семье Мавромихали был дарован дворянский титул, утвержден герб, и из членов этой влиятельной семьи администрация Венецианской республики в Пелопоннесе назнача-

³ Платон Зубов (1767–1822), князь, генерал-губернатор Новороссийского края, последний фаворит императрицы Екатерины II.

⁴ Кириенко Г.К. Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области Жегулину за 1794 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 17. Симферополь. 1892. С. 34.

⁵ Там же. С. 54–55.

⁶ Ариш Г.Л. Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX века и русско-греческие связи. М. 1970. С.131.

⁷ По прошению надворного советника и кавалера Мавромихали о признании его в дворянском достоинстве. См.: Центральный государственный архив Автономной республики Крым (далее ЦГА АРК). Ф. 49. Оп. 1. Д. 6373.

ла проведиторов в крепостях Келефа и Пассава⁸ (прежде считалось, что только Келефа. — С.М.), расположенных во внутренних районах Мани.

В «Формулярном списке» отца Павла Мавромихали, приложенном к делу, мы находим очень важную для нас запись, из которой неожиданно узнаем, что он был «Стефан Ксантов сын Мавромихали». До этого, в соответствии с родословной росписью, составленной Гиоргисом Мавромихалисом, ошибочно считалось, что отцом Стефана является Георгий (Георгакис) Мавромихали⁹, экзарх Мани, в доме которого в 1764 г. останавливались российские эмиссары Саро и Папазогло¹⁰, факт прибытия которых собственноручно подтверждает и Павел Мавромихали, называя при этом Георгия Мавромихали своим «прадедом»¹¹.

Далее, в «Семейном списке» Павла Мавромихали, датированном 1819 г., мы впервые встречаем сведения о трех неизвестных нам ранее родственниках Стефана и Павла Мавромихали, живших на тот момент в Балаклаве: это указанные двоюродными братьями Павла Мавромихали «Михаил Степанов сын Мавромихали», «Петр Степанов сын Мавромихали», а также «Николай Ксантов сын Мавромихали», родственное отношение которого к Павлу и его двоюродным братьям не указано¹².

Изученные нами документы позволили сделать еще одно очень важное открытие. Известно, что женой подполковника Стефана Мавромихали была Фотиния Стамати — сестра его соотечественника и сподвижника Михаила Стамати. Это навело нас на мысль ознакомиться с делом «По прошению капитана и кавалера Стефана Стамати о внесении его в родословную книгу дворян Таврической губернии». В «Семейном списке» изученного дела указано, что

⁸ ЦГА АРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6373. Л. 1.

⁹ *Γιώργης Μαυρομιχάλης. Οι Μαυρομιχαλαίοι. Με τα Μάρτια Ένος Αλογοῦνου.* — Κέρκυρα, 2007. Σ. 40. (Tab).

¹⁰ *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М. 1955. С. 103.; *Маркевич А.И.* О посылке грека Георгия Папазогли на Балканский полуостров в 1763–1764 г. // Записки Одесского Императорского общества истории и древностей. 1869. Т. XIX. Протоколы. С. 42–45; *Мосхури И.В.* Греки в истории Севастополя. Т. 1. Севастополь, 2006. С. 13.

¹¹ ЦГА АРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6373. Л. 1.

¹² Семейный список надворного советника и кавалера Павла Степанова сына Мавромихали. 1819 год. — ЦГА АРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6373. ЛЛ. 59 об.–61.

Стефан Стамати был «женат на дочери капитана Мавромихали, Елене Михайловне»¹³.

Стефан Михайлович Стамати (1800–1871) — сын отставного майора Греческого пехотного полка Михаила Стамати, племянник Екатерины Стамати, жены Стефана Мавромихали. В службе в российской армии с 1817 г., с 1842 по 1851 гг. в составе двух рот Балаклавского греческого пехотного батальона находился в Новороссийске, участвовал в Кавказской войне. 14 (26) сентября 1854 г., командуя ротой строевых солдат и отставников общим числом в 110 человек, отличился в бою при занятии англичанами Балаклавы. Тогда в плен к англичанам попали раненый полковник Манто, 6 офицеров и около 60 нижних чинов. Остальные защитники города во главе с майором Маландраки скрытно ушли горными тропами, унеся с собой знамена Балаклавского греческого батальона.

Англичане, как пишут некоторые исследователи, были поражены стойкостью и мужеством защитников Балаклавы. Собрав пленных и допросив командира греческого батальона полковника Манто, лорд Раглан обратился к нему с упреком: «Безумец! Неужели думали вы с горстью своих солдат, остановить целую армию?» Оправдывая сопротивление роты греческих стрелков, капитан Стефан Стамати произнес: «Безусловно, сдачею [своей] я навлек бы на себя и гнев моего начальства, и ваше презрение; теперь совесть моя спокойна, потому что я исполнил свой долг»¹⁴.

В дальнейшем изучение коллекций церковных метрических книг, хранящихся в Центральном государственном архиве Автономной республики Крым и Государственном архиве города Севастополя, позволило составить целостную картину родственников «подполковника и кавалера Стефана Мавромихали» в России, проследить их родственные связи, установить годы рождения и смерти, места погребения.

Таким образом, удалось установить имена пока лишь четверых из 11 человек, вывезенных в Россию 15 октября 1796 г:

1. Фотиния Мавромихали, урожденная Стамати, супруга Стефана Мавромихали.

2. Павел Мавромихали, сын Стефана Мавромихали.

¹³ Семейный список капитана и кавалера Стефана Стамати». — ЦГА АРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6098. Л. 13.

¹⁴ Зеленкевич В. Нападение на Балаклаву. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя // Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея (Под. ред. Н. Дубровина). СПб., 1872. Вып. 3. С. 131.

3. Михаил Мавромихали, племянник Стефана Мавромихали.

4. Петр Мавромихали, племянник Стефана Мавромихали.

Сын прапорщика Ксанта Мавромихали, Николай Ксантович Мавромихали, указанный в семейном списке Павла Мавромихали, родился в 1802 г. в Балаклаве, поэтому к числу 11 человек, вывезенных в Россию, не относится.

Кто остальные семеро членов семьи и родственников? Этот вопрос остается открытым и ждет своего исследователя.

Стефан Мавромихали был одним из наиболее состоятельных землевладельцев-греков, живших в конце XVIII в. в Крыму. Ему принадлежали 10.000 десятин земли при деревне Тарханлар в Перекопском уезде и при реке Чердаксу, отведенные 23 июля (3 августа) 1793 г. по именному повелению Екатерины II «во уважение ревности службы из казенных земель»¹⁵. Он являлся также владельцем имения «Карловка» и фруктовых садов при деревне Нижний Чоргун, дачи и участка земли при деревне Ашага Керменчик, расположенной в горной части междуречья Качи и Бельбека, земли при деревнях Альма-Тамак и Бурлюк Симферопольского уезда¹⁶, «высочайше дарованного имения» при реке Каче¹⁷ и постоянных дворов в Феодосии и Балаклаве¹⁸. В общей сложности Стефану Мавромихали принадлежало более 15.000 десятин удобной и неудобной земли в окрестностях Севастополя, Балаклавы, на территории Симферопольского и Перекопского уездов.

После смерти подполковника Мавромихали в 1801 г. эти земли перешли в собственность его сына Павла и племянников — Михаила и Петра Мавромихали.

¹⁵ Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 25. Симферополь, 1896. С. 25; Ведомость о всех селениях в Симферопольском уезде состоящих с показанием в которой волости сколько числом дворов и душ и на чьей земле поселение имеют. 9 (20) октября 1805 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 26. Симферополь, 1897. С. 84.

¹⁶ Ведомость дачам и виноградным садам, которые Высочайшим Ея Императорского Величества указами повелено отвезть в области Таврической с показанием в которых уездах и кому именно оные отведены и отмежеваны // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 26. Симферополь. 1897. С. 113.

¹⁷ Семейный список надворного советника Павла Степанова сына Мавромихали. 1819 г. — ЦГА АРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6373. ЛЛ. 59 об. — 60.

¹⁸ Родословная книга дворян Таврической губернии за 1815 г. — ЦГА АРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6596. ЛЛ. 14 об.—15.

Главное имение семьи Мавромихали находилась при татарской деревне Чоргун на правом берегу реки Черной. Фруктовые сады располагались по обоим берегам впадающей в нее речки Ай-Тодор. Считавшееся лучшим в Крыму имение было куплено подполковником Мавромихали у Карла Ивановича Габлица¹⁹, и по имени прежнего его владельца носило название «Карловка». Наряду с этим, оно назвалось еще «Царским имением», но первое название оставалось более предпочтительным среди крымских помещиков и аристократов, и сохранялось за ним на протяжении многих десятилетий.

Одно из первых описаний имения «Карловка» составил в 1823 г. Иван Матвеевич Муравьев-Апостол²⁰: «Деревянный дом восточной архитектуры; на дворе бассейн из дикого камня, обсаженный высокими тополями, и подле него двенадцатигранная башня; насупротив дома <...> прелестный зеленый холм, на коем хижины, как сказывали мне, поселенных цыган; на другом холме, влево, татарская деревня Чорганы; позади сады, виноградники; вокруг всего — горы; а вот долина, принадлежавшая одному из султанов Гиреева дома, о которой так часто упоминает Паллас²¹, но тогда она была во власти друга его Габлица, по имени коего и усадьба называлась Карловкою»²².

В 1840 г. Чоргун посетил Иван Федорович Бларамберг — будущий муж Елены Павловны Мавромихали. Он так же оставил описание имения: «Я побывал в роскошных фруктовых садах и на виноградниках, на мельнице богатого имения и любовался могучими, столетними ореховыми деревьями, в тени которых стоял дом, — писал он. — Многочисленные яблони гнибались под тяжестью плодов. Почти под каждой было по 50–70 подпорок, чтобы не обломились ветки. Знаменитые крымские яблоки (синап) составляют главный доход тамошних имений. Они долго хранятся и отправляются в огромном количестве в Москву, Санкт-Петербург и в Сибирь»²³.

Сады простирались вниз по течению по обоим берегам реки Черной. Кроме яблонь, в них росли черешневые, айвовые, сливовые,

¹⁹ Габлиц Карл Иванович (1752–1821), писатель, путешественник.

²⁰ Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1762–1851), дипломат, писатель.

²¹ Паллас Петр-Симон (1741–1811), известный ученый-натуралист, действительный член Петербургской академии наук.

²² *Муравьев-Апостол И.М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823. С. 214.

²³ *Бларамберг И.Ф.* Воспоминания. М. 1978. С. 198–203.

ореховые деревья, инжир, а по берегам были насаждения вербы, тополей и ракушковых кустов. Здесь же находились сенокосные угодья²⁴. Усадебный дом располагался на окраине татарской деревни, состоявшей примерно из 100 дворов: «Сооруженный из дубовых бревен, солидный, просторный, двухэтажный, с кольцевой верандой, он насчитывал 150 лет. Он был построен в турецком стиле неким могущественным мирзой, который тогда, естественно, не мог предположить, что в будущем его дом, как и весь Таврический полуостров, попадет в руки неверных»²⁵.

По соседству с владениями Павла Мавромихали и его жены Ксении Эммануиловны при деревне Чоргун, находилась усадьба Петра Мавромихали. Два других, принадлежавших ему имения, располагались в долине реки Альма при деревнях Бурлюк и Алма-Тамак²⁶. Петр Мавромихали был холост и в российской службе не состоял. В 1821 г. с началом национально-освободительной войны в Греции он покинул Крым и уехал на родину, завещая принадлежавшие ему земли дочерям Павла Мавромихали. Назад он не вернулся и дальнейшая его судьба не прослеживается по архивным документам.

Михаил Мавромихали состоял в службе в Балаклавском греческой пехотном батальоне, откуда вышел в отставку в чине капитана. Он был женат на Екатерине Пападимато, дочери подпоручика, от которой имел сына Дмитрия и дочь Елену. Дмитрий Михайлович Мавромихали, как и отец его, состоял в службе в Греческом пехотном батальоне, находясь в крепости Новороссийска, учувствовал в войне на Кавказе. Во второй половине XIX в. он вышел в отставку и жил в имении при деревне Керменчик, подаренном ему по завещанию его дядей, Стефаном Мавромихали.

Об этом упоминает Александр Львович Бертье-Делагард: «В первую турецкую войну, — пишет он, — при императрице Екатерине II эскадра Орлова с войсками поддерживала восстание на турецких берегах Средиземного моря, населенных греками. По окончании войны участникам восстания — грекам были предоставлены особые права и льготы для переселения в Россию и службы в ней. Эти «албанцы» или «арнауты», как у нас тогда неправильно

²⁴ Иванов П.А. Описание нескольких дач, назначенных к отводу разным особам из состоящих в Таврической области земель // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 19. Симферополь. 1893. С. 49.

²⁵ Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 202.

²⁶ Семейный список надворного советника и кавалера Павла Стефанова сына Мавромихали. — ЦГА АРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 6373. ЛЛ. 60 об. – 61.

называли греков, были перевезены в Еникале; но во время присоединения Крыма в 1783 г. их двинули для занятия всего южного берега Крыма. Распространяя ужас между татарами, они дошли до Балаклавы, где и были поселены окончательно, на особых правах; там и доньне живут их потомки. Земли вокруг Балаклавы с окрестными деревнями оказалось недостаточно, и вскоре им же были прирезаны опустелые деревни Лака и Керменчик. Все «албанцы», впоследствии чины Балаклавского батальона, были наделены участками земли; многие старшие чины, офицеры, получили имения в Нижнем Керменчике. Давно уже их нет на свете, исчез и самый Балаклавский батальон, даже их земли, дома принадлежат большею частью посторонним лицам; но их самих еще помнят. Более века прошло с тех пор, но в Керменчике это все равно, что вчера, и эти лица стоят, как живые, в глазах населения; они только выросли на расстоянии и в народной легенде все называются генералами; но самый видный и старший из них Мавромихали (Стефан), тот был и остался несравненно большим: он «байрактар», т. е. знаменосец, точнее сказать «имеющий знамя». Он был главным начальником легионов и считался знатнейшим лицом, с которым вели переговоры Панин и Орлов; с 1775 по 1790 гг. он был первым командиром во время перехода греков в Россию и занятия Крыма, а потом вновь командовал тем же батальоном, в чине подполковника с 1794 по 1801 гг., когда умер и был похоронен в Георгиевском монастыре (Св. Георгия) близ Севастополя. Его имя здесь в чужих руках, но и до сих пор любой мальчишка знает и с гордостью укажет дом «байрактара»²⁷.

Прямой потомок этой ветви семьи Мавромихали в настоящее время живет в г. Мариуполе Донецкой области Украины. Встреча с ним прояснила многие интересные моменты из биографии его прадеда, Дмитрия Михайловича Мавромихали (1802–1878).

Еще один представитель этой влиятельной семьи неожиданно предстал перед нами в метрической тетради греческой Петропавловской церкви за 1810 г. Из выявленной в ней записи следует, что некий неизвестный нам по имени «отставной майор Мавромихали» крестил сына севастопольского городского головы Ивана Ризаки²⁸. Вопрос, кем приходился по родству подполковнику Стефану Мав-

²⁷ Бертъе-Делагард А.Л. Указ. соч. С. 27.

²⁸ Метрическая тетрадь, данная из Симферопольского духовного правления города Севастополя греческой Петропавловской церкви. 1810. — ЦГА АРК. Ф. 142. Оп. 5. Д. 14. Л. 78.

ромихали этот майор, остается открытым. Удалось установить, что женой его была Елена Георгиевна, сестра Константина Георгиевича Чапони (1759–1829), балаклавского жителя, отставного полковника, а с 1790 по 1794 гг. командира Греческого пехотного полка. Из записи в метрической книге церкви св. Николая в Балаклаве становится известно, что в 1861 г. она была уже вдовой²⁹.

Столь незначительное, на первый взгляд, открытие, сделанное в архивах Крыма, позволило внести важные коррективы и восполнить недостающие звенья в родословной семьи Мавромихали, изложенной в труде Гиоргиса Мавромихалиса — общепризнанном по настоящее время как наиболее верный в Греции. Вместе с тем, это служит еще одним аргументом для греческих историков (Мани) искать ответы на многие интересующие нас всех вопросы, касающиеся истории наших соотечественников, за пределами Греции — в архивах России и Украины.

²⁹ Метрические книги Ялтинского уезда г. Балаклавы за 1860–1865 гг. — Государственный архив города Севастополя. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4. Л. 59.

К.В. Никифоров
(Москва)

СЕМЬЯ СЕРАФИМОВ-СЕРАФИМОВЫХ В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ¹

Одной из по-своему типичной семьей балаклавских греков была семья Серафимовых (русифицированный вариант греческой фамилии Серафим). Мы можем проследить пять поколений этой семьи на протяжении последних 200 лет.

Родоначальником русской ветви семьи являлся **Дмитрий СЕРАФИМ**. По-видимому, он был выходец с Архипелага, с островов Эгейского моря, то есть был так называемым архипелагским греком. О нем есть данные, что он служил унтер-офицером в Балаклавском греческом пехотном батальоне и в 1822 г. был крестным отцом при крещении греческого мальчика в Петропавловской церкви².

У Дмитрия Серафима было три сына: Иван, Ксенофонт и Михаил. Все трое также служили в Балаклавском греческом батальоне. Ксенофонт и Михаил были унтер-офицерами, а Иван — подпоручиком.

Ксенофонт Дмитриевич был женат на Анне Дмитриевне, имел двух дочерей — Александру (1860 г.р.) и Прасковью (1862 г.р.) и сына Дмитрия (1864 г.р.).

Михаил Дмитриевич был женат на Прасковье Апостоловне (девичья фамилия — Ставро).

¹ При составлении материала использованы документы: Городской архив г. Севастополя. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об. — 4, 7 об. — 8, 12 об. — 13; Д. 2. Л. 3 об. — 6, 8 об. — 9, 14 об. — 15, 18 об. — 20; Ф. 11. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об. — 3, 5 об. — 6, 12 об.; Д. 4. Л. 5 об. — 7, 39 об. — 41, 54 об. — 55, 61 об. — 62, 121 об. — 122, 130 об. — 131; Ф. 30. Оп. 1. Д. 6. Л. 123; Д. 67. Л. 258; Д. 70. Л. 34; Д. 75. Л. 2, 96; Д. 86. Л. 116; Д. 91. Л. 108; Д. 100. Л. 2Т, Д. 107. Л. 2, 6–6об.; Д. 108. Л. 60; Д. 115. Л. 18, 93; Д. 121. Л. 149, 186; Д. 128. Л. 97, 152; Д. 134. Л. 139, 241; Д. 143. Л. 366; Д. 145. Л. 235; Д. 151. Л. 2.; Ф.р-427. Оп. 1. Д. 53. Л. 7; Д. 63. Л. 5; Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК). Ф. 118. Оп. 1. Д. 1339. Л. 1345–1348об. Выписки из архивов любезно предоставлены Н.М. Терещук и А.В. Ефимовым. Также использованы воспоминания Л.А. Серафимова и В.М. Мельникова.

² Возможно, речь идет о греческой церкви в Севастополе.

Иван Дмитриевич СЕРАФИМ — участник Крымской войны (1853–1856 гг.), был пленен англичанами и увезен ими из Крыма. Вернулся после окончания войны, получив от англичан денежную компенсацию за перенесенные лишения. По указу императора Александра II, как защитник Севастополя был удостоен наградной сабли и получил земельный участок в Балаклаве на 2-ой линии вблизи балки Кефало-Вриси, где построил сохранившийся до сих пор дом (ул. Кирова, д. 34). Поскольку дом стоял на склоне, то первый этаж использовался как складские помещения и только второй — был жилым. Иван Дмитриевич разбил виноградник, а на английские деньги купил рыбацью шхуну. По-видимому, в это время он принимает российское подданство, о чем свидетельствовала хранившаяся в семье императорская грамота. В 1879–1883 гг. Иван Дмитриевич избирался городским головой Балаклавы и потратил много сил на благоустройство города. Затем городским головой стал П.М. Ксирихи — крестный отец его сына Петра.

Женой Ивана Дмитриевича была Олимпиада Георгиевна (Егоровна). В семье росло четыре сына: Владимир (1852 г.р.), Петр (1859 г.р.), Павел (1860 г.р.), Спиридон (1862 г.р.) и дочь Мария (1864 г.р.).

Владимир Иванович СЕРАФИМ(А)³ в 1862–1866 гг. обучался в Балаклавском общественном греко-русском церковном училище и в 14-летнем возрасте по просьбе отца был принят к «исправлению пономарской должности» при бахчисарайском Николаевском соборе. Однако почти сразу он был переведен в балточокракскую Пантелеймоновскую церковь, где как раз требовался псаломщик из грехов для нужд местной греческой общины.

Павел Иванович СЕРАФИМ⁴ имел сына Михаила — матроса с крейсера «Очаков», который за участие корабля в Севастопольском восстании во время революционных событий 1905 г. попал на каторгу. С каторги Михаил Павлович (партийная кличка «Черт») бежал, устанавливал советскую власть в Крыму, затем переехал в Москву. Он был активистом «Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев», выступал с большой речью на открытии Центрального парка культуры и отдыха им. Горького в Москве, расстрелян в 1937 г. в Казахстане.

³ В документах, связанных с Владимиром Ивановичем, встречается именно такой вариант написания фамилии — Серафима.

⁴ В документах встречается еще один Павел Серафим — псаломщик Марининской церкви (Камары) в 1883 г. и Константино-Еленинской церкви (Карань) в 1911–1916 гг.

У Спиридона Ивановича СЕРАФИМА в 1921 г. была семья из 5 человек. Ему принадлежали четыре десятины сада (виноградник).

Был еще один Спиридон, более дальний родственник, — Спиридон Евстафьевич Серафимов. Он жил по соседству с родовым домом Серафимовых в лачуге, которая разрушилась в годы войны. У семьи была корова. Это запомнилось, значит, не было частым явлением. Сын Спиридона Евстафьевича — Юрий был художником. У него была собственная художественная мастерская. После депортации он жил и умер в Мариуполе⁵.

Наконец, второй по старшинству сын — **Петр Иванович СЕРАФИМ** был женат на Прасковье (Параскеве) Ивановне (в девичестве — Ахилова, русифицированный вариант фамилии Ахило). Он был старостой, затем, как и старший брат — псаломщиком, служил в балаклавской Николаевской церкви⁶, причем оставался псаломщиком и после революции. Умер в 1928 г. сразу после венчания своего сына Антона. Жил Петр Иванович в отцовском доме на 2-й линии. В 1921 г. его семья состояла из — 7 человек, он имел 1/4 десятины сада (виноградник), двух поросят, двух куриц. Одну комнату в доме сдавали украинцу Гломбе, который, будучи хорошим плотником, делал для греков рыбацкие лодки. Ниже дома Серафимовых было заброшенное, так называемое «римское кладбище», которое тянулось по склону — вплоть до бухты⁷. На кладбище находилась

⁵ В начале 1920-х годов новая власть запретила грекам выходить в море. Старенький Спиридон, как у большого начальника, просил у повстречавшегося ему солдата-гэпэушника разрешения ловить рыбу ему и его сыну Юрию. Тот спросил: «Как фамилия?» «Серафимовы, Спиридон и Юрий», — ответил дедушка Спиро. «Сделаем», — пообещал солдат.

⁶ Балаклавская церковь — храмовая для Греческого пехотного батальона после окончания Крымской войны и его роспуска была переосвящена в честь св. Николая Чудотворца. В советское время здание приспособили под Дом пионеров и других подобных целей. В 1990 г. храм возвращен верующим и освящен в честь Двенадцати апостолов. Несколько поколений Серафимовых были тесно связаны с этим храмом. Краевед В.Г. Шавшин считает его старшим из полностью сохранившихся зданий не только Балаклавы, но и Севастополя. См.: *Щавшин В.Г., Золотарев М.И., Хапаев В.В.* По землям древней Балаклавы: увлекательный путеводитель. Севастополь, 2003. С. 129.

⁷ Греки были суеверны, боялись призрака женщины на этом кладбище, которая якобы уводит рыбаков в горы. Во время войны в кладбище попала авиабомба, и открылась старинная могила женщины с белыми волосами и дорогими украшениями. Эту женщину в могиле сразу же связали с преданием о призраке.

небольшая часовня⁸, внутри которой было всегда прохладно, и Праксovia Ивановна держала в ней продукты.

Старший сын Иван Петрович СЕРАФИМОВ⁹ — единственный из детей, игравший на скрипке и получивший высшее образование. Он был регентом, затем псаломщиком все той же Николаевской церкви в Балаклаве. Его первая жена была из семьи священников, овдовев, он женился на медсестре Антонине. В конце войны вместе со всеми греками был депортирован, оказался в Каракалпакии. Во время высылки пропал его диплом о высшем образовании. Вновь получил диплом, сдав необходимые экзамены экстерном. После ссылки Иван Петрович жил в Днепропетровске, преподавал музыку и математику. У него были два сына и дочь. Старший сын Леонид в 1941 г. сгорел в танке под Москвой. Другой сын Виталий в 1945 г. освобождал Маньчжурию от японских захватчиков, работал спортивным организатором в Симферополе.

Младшие сыновья Петра Ивановича — Антон, Юрий и Дмитрий СЕРАФИМОВЫ были рыбаками. Все были также очень музыкальными, хорошо играли на гитаре, мандолине. По вечерам во дворе братья, развесив сушиться рыбацкие сети, пели греческие песни, марши. Особенно виртуозно владел гитарой Дмитрий. Он мог сыграть 14 музыкальных колен «цыганочки». Дмитрий уехал учиться музыке в Москву. Погиб в годы войны в Белоруссии. Юрий умер во время депортации на этапе в Казахстан, а его сын Петр, закончивший ремесленное училище, погиб на фронте.

Три дочери: старшая — Надежда еще в 1914 г. вышла замуж за поляка-большевика Нетецкого и уехала с ним в Днепропетровск; средняя — Любовь покончила с собой из-за неразделенной любви; младшая — Наталия (по-семейному — Туся), 1911 г.р., вышла замуж за М.Ф. Мельникова, одного из основателей и руководителей Балаклавского рудоуправления. Они уехали в эвакуацию еще в начале войны, после войны вернулись. Наталия оказалась на тот момент единственной гречанкой в Балаклаве. Это было опасно, и муж переехал в шахты Подмосковья. Окончательно семья вернулась в Бала-

⁸ Возможно, именно об этой церквушке упоминает В.Г. Шавшин. По его словам, старинная католическая церковь Петра и Павла, возможно, принадлежавшая еще гетуэццам, находилась на ул. Калича, 67 и была разобрана в 40-е годы XX века на стройматериалы. См.: *Шавшин В.Г., Золотарев М.И., Хапаев В.В.* По землям древней Балаклавы: увлекательный путеводитель. Севастополь, 2003. С. 129.

⁹ Также о нем см. в Приложении «Анкету для гражданина, вступающего в члены Балаклавского греческого религиозного общества...»

клаву уже после смерти Сталина. Дети Наталии Петровны — Леонид Михайлович Мельников и Любовь Михайловна Хромова (а также ее дочь Наталия Кротова) — немногочисленные потомки балаклавских греков, живущие ныне в Балаклаве. Еще один сын Наталии Петровны — Виктор Михайлович Мельников живет в Севастополе.

Второй по старшинству сын Петра — **Антон Петрович СЕРАФИМОВ** (1901–1969), отличался веселым, неугомонным, шепутным нравом. По воспоминаниям, он в третьем классе, чтобы не учиться, зарыл в землю свои учебники. Антон Петрович был рыбаком, затем работал электриком в Балаклавском рудоуправлении. Жил в доме жены Милетины Стефановны (в девичестве Губарева, 1911 г.р.), который находился по соседству с домом Серафимовых.

Двухэтажный дом за 11 тыс. рублей построил в 1910 г. отец жены Стефан (Степан) Федорович Губарев — начальник службы тяги Южных железных дорог¹⁰. Сохранившийся до сих пор дом

¹⁰ В 5-томном сочинении «Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма» (М., 1927–1934), выпущенном Всесоюзным обществом политических каторжан и ссыльнопоселенцев, находим о нем следующую заметку: «**Губарев, Степан Федорович**, крестьянин Курской губ. Род. в 1858 г. Окончил Белгородское техническое училище. Служил в перв. половине 1880-х гг. машинистом на ст. Люботин (Харьково-Николаевск. жел. дор.). По его собственному показанию, познакомился в 1880 г. в Кременчуге с домашним учителем Коровай-Метелицким, который снабжал его революционной литературой, а затем запрещенные издания получал от Ф. Зенина. По сведениям Харьковского жандармского управления, подозревался в участии в народовольческом кружке, обнаруженном в 1883 г. среди рабочих на ст. Люботин, а также в разбрасывании прокламаций. Арестован в Полтаве 3 ноября 1884 г. и привлечен к дознанию при Полтавском и Харьковском жандармских управлениях (дело Ф. Зенина, А. Тихоцкого и др.) вследствие указаний В. Демянского о том, что отобранные у него народовольческие издания он получил от Ст. Губарева. Содержался под стражей в Полтавской тюрьме до 5 дек. 1884 г. На допросах дал откровенные показания. По высочайшему повелению от 4 июня 1886 г. по вменению в наказание предварительного содержания под стражей подчинен гласному надзору полиции на три года вне местностей, объявленных на положении усиленной охраны. Состоял под гласным надзором по месту жительства на ст. Елисаветполь (Закавказская жел. дор.), где служил машинистом. За окончанием 4 июня 1889 г. срока гласного надзора подчинен негласному с запрещением жительства в столицах и Петербургской губ. В 1892 г. перешел на службу на Курско-Харьково-Азовскую жел. дорогу. По циркуляру департамента полиции от 26 янв. 1895 г. исключен из списков лиц, состоящих под негласным

Антон Петрович Серафимов на спецпоселении в Сталиногорске

расположен в балке Кефало-Вриси у генуэзских башен (ул. Историческая, д. 2). В доме имелись арочные окна, балкон, во дворе — две беседки. Выше на склоне находился участок в шесть соток, где росли грецкий орех, вишня, сладкий и горький миндаль, двадцать сортов винограда, включая чернокрымский, чауш, дамские пальцы, шашла, судакский черный и др. Виноград собирали в корзинки и продавали на рынке. Далее по балке Кефало-Вриси за родником находился участок, на котором собирался построить дом хорошо знавший Серафимовых писатель А.И. Куприн. Выровнял землю, посадил деревья — тополя и грецкие орехи. Однако, как известно, дом он построить не успел, так как был выслан из Крыма за сочувственное отношение к восставшим матросам «Очакова». Глину с участка Куприна («купринскую глину»), которая считалась очень хорошей, брали многие балаклавцы. Над участком Куприна находилось жерло старого вулкана.

Во время осады Севастополя в 1941–1942 гг. Антон Петрович Серафимов вместе с родственниками обеспечивал фронт рыбой, затем копал окопы на мысе Фиолент. Там он подобрал в море и вынес

надзором». — <http://slovari.yandex.ru/~книги/Революционеры/>. Добавим, что умер С.Ф. Губарев в Харькове в 1918 г. от тифа.

на спине в гору раненого и обожженного комиссара с разбомбленного немцами тральщика. Был представлен к медали «За оборону Севастополя», но вместе со всеми оказался захвачен немцами. Женщины попали в Бахчисарай, а мужчины — в Симферопольскую тюрьму. Там заболел тифом и был отпущен по поручительству родственника. В конце войны после освобождения Балаклавы был репрессирован. После черноморских просторов оказался в угольной шахте в Сталиногорске (ныне Новомосковск Тульской области). Работал электриком. Затем жил в Днепропетровске. Это поколение Серафимовых между собой еще говорило по-гречески, их дети — уже нет. Как-то в Ялте Антон Петрович перекликался с берега с находившимися на корабле греческими моряками, и они прекрасно понимали друг друга. Греческое самосознание никуда не делось. В споре в качестве последнего аргумента часто спрашивал: «Ты Парфенон видел?» Отношение к советской власти было сложным, в том числе и из-за депортации греков. Говорил, что советская власть его по-прежнему боится — не пускает ни в родную Балаклаву, ни к сыну в Москву. Особенно от него доставалось Сталину¹¹. Ставил советским вождям в пример английскую королеву, которая его деду, попавшему в плен и насильно вывезенному из Балаклавы, выплатила денежную компенсацию.

СЕРАФИМОВ Леонид Антонович (1929 г.р.), сын Антона Петровича. Пионером участвовал в обороне Севастополя, копал окопы на мысе Фиолент. Его ударный труд был отмечен в местной газете. Затем вместе со всей родней был захвачен немцами, попал в Бахчисарай. Был отпущен и весь период оккупации провел в Балаклаве. Во время депортации греков избежал неприятностей благодаря тете Ираиде Стефановне Губаревой (сестре матери). Бросив все, тетя с племянником бежали в Ялту. Закончив там школу, Леонид Антонович получил высшее образование в Москве, где и проживает с тех пор. Он — доктор технических наук, профессор Московской академии тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Насколько нам известно, Леонид Антонович — последний ныне живущий Серафимов, прямой потомок когда-то архипелагских, а затем многочисленных балаклавских Серафимов. У него две дочери — Наталия и Надежда.

¹¹ Тем нет менее, попав в Москву в мавзолей и увидев мумию Сталина, рассказывал потом жене, что тот показался ему маленьким и похожим на отца. Антону Петровичу вдруг стало жалко мертвого тирана.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. Фотография семьи Серафимов в начале XX в.

Справа налево в первом ряду: Антон, Юрий, Дмитрий; во втором ряду: Иван, Любовь, Петр Иванович, Прасковья (Параскева) Ивановна, Надежда.

На снимке отсутствует младшая дочь Наталия, которая еще не родилась, тем не менее, фотография сохранилась именно в ее семье.

Народный Комиссариат Внутренних Дел Кр. С. С. Р. 1/6

Анкета

Для гражданства, вступающего в члены *Бамакловского Уездского Раисского*
 Общества *Святоотимкиан* Округ
 Город *Бамаклов* село _____ деревня _____

ВОПРОСЫ:	ОТВЕТЫ:
1. Имя, отчество и фамилия	<i>Иван Григорьевич Сорокин</i>
2. Год, месяц и день рождения	<i>1897 Ноябрь 9 дня</i>
3. Место рождения (город, деревня, уезд, губерния)	<i>Бамаклов Крым.</i>
4. Образование (домашнее, низшее, среднее и высшее, точно указать окончания и какое именно учебное заведение)	<i>Окончил Бамакловскую школу Педагогическую</i>
5. Национальность	<i>Грек</i>
6. Основы профессии	<i>Педагогик</i>
а) до Октябрьской революции	<i>Тот же</i>
б) после Октябрьской революции	
в) до настоящего времени	
7. Родной язык	<i>Греческий</i>

II. Анкета Ивана Петровича Серафимова

Народный Комиссариат Внутренних Дел Кр. С. С. Р.

АНКЕТА

Для гражданина, вступающего в члены Балаклавского греческого религиозного общества Севастопольского округа.

Город Балаклава

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
1. Имя, отчество и фамилия	Иван Петрович Серафимов
2. Год, месяц и день рождения	1897, ноябрь 9 дня
3. Место рождения (город, деревня, уезд, губерния)	г. Балаклава, Крым
4. Образование (домашнее, низшее, среднее и высшее, точно указать окончили ли и какое учебное заведение)	Окончил Таврическую школу псаломщиков
5. Национальность	Грек
6. Основная профессия а) до Октябрьской революции б) после Октябрьской революции в) до настоящего времени	Псаломщик тоже
7. Родной язык	Греческий
8. Владеете ли другими языками, если да, то какими	Русским
9. Партийная принадлежность и с какого времени	Беспартийный
10. Какой партии сочувствуете	Идейному коммунизму
11. Семейное положение и сколько членов семьи на вашем иждивении нетрудоспособных	Вдов, двое малолетних детей
12. Ваше бывшее сословие	Духовное
13. Где находятся ваши родные (указать их точный адрес)	г. Балаклава, ул. 25 октября, № 24

14. Кто ваши родители (дворяне, крестьяне, рабочие, их имя отчество и фамилия)	Заштатный псаломщик Петр Иванович Серафимов Параскева Ивановна
15. Ваше имущественное положение и ваших родных (в чем именно оно выражалось до 1917 г.)	Не имею У отца маленький виноградник
16. Ваше имущественное положение и ваших родных в настоящее время а) стоимость недвижимого имущества по расценке Коммухоза (или по вашей приблизительной расценке в золотых руб.) б) стоимость движимого в) оклад жалованья, получаемого по службе	Не имею 50 рублей Не получаю
17. Пользовались ли вы или ваши родители или пользуются наемным трудом	Нет
18. На какие средства вы и ваши родители существовали и существуете сейчас	Занимаюсь рыболовством
19. Где вы были и чем занимались а) до 1914 года б) с 1914 года до февральской революции в) со времени февральской революции до октябрьской революции г) с 1919 г. по настоящее время	Учился в Севастополе Псаломщиком с. Байгуджа (?), Покровка, с. Федоровка, Приморский Посад Бердянского уезда, Константиновка Бердянского у., в настоящее время в г. Балаклава
20. Где были и чем занимались ваши родители и ближайшие родственники а) до 1914 года б) с 1914 года до февральской революции в) со времени февральской революции до октябрьской революции г) с 1919 г. по настоящее время	В г. Балаклава Псаломщиком В настоящее время занимаются садоводством
21. Указать местность (города, дер.) в коих проживали свыше ½ г.	с. Байгуджа (неразб.?), Федоровка Приморский Посад, Константиновка, Бердянский у. и Балаклава

22. Почему и откуда прибыли в Крым	По болезни жены в 1923 г., апреля 24 дня
23. Служили ли вы или кто-либо из ваших родственников в старой армии, где, когда и в каком чине. Где находятся и служат теперь, если не служат, то чем занимаются	Нет
24. Кто из родственников или вы служили в Красной армии, где, когда и сколько времени (при этом указать добровольно или по мобилизации)	Нет
25. Служба в белой армии, где, когда, сколько времени и в каком чине (при этом указать добровольно ли или по мобилизации)	Нет
26. Где вы были приписаны по словной и военной приписке	г. Севастополь
27. Кто из ближайших родственников проживает за границей и причина их пребывания за границей	Нет
28. Имеете ли сношение с вашими родственниками, находящимися за границей, в чем эти сношения заключаются	
29. Служили ли на государственной службе и какую занимали должность а) при царской власти б) при белогвардейской власти в) при советской власти	Нет
30. Причины оставления службы и время оставления ее	
31. Состоите или состояли членом Профсоюза, какого, где, когда и сколько времени	в союзе Пчеловодов
32. Были ли вы или ваши родственники под судом или следствием, если да, то в чем именно обвинялись	Нет

33. Оправданы ли вы были по суду или же признаны виновным, в последнем случае укажите: род и размер понесенного вами или вашими родственниками наказания по приговору суда, какого и где	
34. Подвергались ли административным взысканиям и за что	Нет
35. Указать детально, какие вы цели преследуете вступлением в общество	Сохранение веры и доброй христианской жизни
36. Ваш точный адрес (где вы в настоящее время проживаете)	г. Балаклава, ул. 25 октября, № 24

ПРИМЕЧАНИЕ: При перемене адреса квартиры, обязуюсь явиться для дачи об этом сведений в учреждение, по предложению которого заполняю анкету.

На все вопросы должны быть даны ясные и точные ответы: всякий уклончивый ответ повлечет за собой привлечение виновного к строжайшей ответственности.

Январь 25 дня 192 (?) года¹².

Подпись заполнявшего анкету

ИВАН ПЕТРОВ СЕРАФИМОВ

¹² Год заполнения анкеты не указан, но, по-видимому, речь идет о 1924 г.

Феодора Янници
(Москва — Афины)

ИЗ ИСТОРИИ МОЕЙ СЕМЬИ

Мне хотелось бы рассказать об истории моей семьи, моих предков — выходцев из Архипелага, поселившихся на юге России, о моем прадедушке Ангелосе Сидератосе.

Уроженец острова Хиос, Ангелос Сидератос, как и многие его соплеменники, во второй половине XIX в. решил обосноваться на юге Российской империи, а конкретнее — в городе Севастополе, где развернул заметную предпринимательскую и общественную деятельность.

По имеющимся у нас, а также недавно полученным архивным данным¹, СИДЕРАТО Ангели Михайлович, турецкий подданный, православного вероисповедания, 24 года, «бракосочетался» 13 октября 1894 г. в греческой Трехсвятительской церкви с севастопольской мещанкой Анастасией Ивановной Степановой, православного вероисповедания, первым браком, 19 лет, брат которой служил адъютантом российского императора. Поручители: по жениху — турецкие подданные: Георгий Федорович Серафимов и Николай Федорович Блипитс; по невесте — Феодосийский мещанин Михаил Иванович Пляцкий и турецкий подданный Маргарити Апостолович Вафиади². У них родилось 11 детей: 3 сына и 8 дочерей. Старший был Михаил, потом родились Евгения, Феодора (моя бабушка, 1898 г. р.), Марика, Хрисула, Иулиа (Юлия), Николай, София (Софика), Елена, Александра и Георгий (при очередности допускаются ошибки, поскольку далее повествование пойдет на основе моих личных воспоминаний от рассказов моей бабушки).

Дедушка достиг почетного звания потомственного почетного гражданина г. Севастополя, поставщика Императорского двора. Ангели Сидерато пользовался большим авторитетом и популяр-

¹ За что я бесконечно благодарна Н.М. Терещук, до недавнего времени заместителю директора Государственного архива города Севастополя.

² Государственный архив города Севастополя. Ф. 30. Оп. 1. Д. 30. ЛЛ. 33об. – 34.

ностью среди своих соотечественников. Его большой дом, в котором трудились, и домашние, и служащие, был всегда открыт для собрания диаспоры, для проведения торжеств, праздников, заранее спланированных или спонтанных. Все его дети хорошо знали греческий язык, как родной, очевидно ходили в греческую школу или занимались у греческих учителей. Ангели Михайлович был довольно известен своей благотворительной деятельностью. По рассказам моей бабушки, ежедневно в определенное время (скорее всего, после 10:00 утра) он распоряжался, чтобы торговля рыбными изделиями была приостановлена и начиналась раздача товаров малоимущим и нуждавшимся, которые к этому времени уже выстраивались в очереди.

Семья жила в достатке, по крайней мере, вплоть до 1916 г., до кончины Ангели Михайловича. Большая часть финансового состояния семьи находилась в виде ценных бумаг, потерявших свою стоимость после Октябрьской революции 1917 г., что заставило Анастасию Ивановну срочно выдавать дочерей замуж. Большинство вышли замуж за греков: Феодора — за грека Константина Яннициса, уроженца понтийского города Инои и сбежавшего в 1913 г. в Крым из османской Турции в период насильственной исламизации, дабы избежать знаменитые «амеле табуру», принудительные трудовые лагеря.

Константин ЯННИЦИС, мой дедушка, встретил Феодору Сидерато, мою бабушку, на греческой свадьбе и сразу влюбился в нее. В 1922 г. родился их первенец, которого назвали тоже Константином, мой отец, а пятью годами позже — их второй сын Ангелос-Владимир. Его назвали Ангелосом-Владимиром в честь дедушки Ангели Михайловича, который в свое время, судя по архивным данным и по воспоминаниям моей бабушки, свое греческое имя Ангелос переделал на славянское — Владимир. Анастасии Ивановны Степановой-Сидерато не стало в конце 1922 г.

Феодора с мужем и детьми обосновались в Симферополе, где Константин по приезде из Османской империи открыл свою кондитерскую, в которой продолжал работать, и во время НЭПа, и в последующий за ним период национализации.

Ночью с 14 по 15 декабря 1937 г. Константиноса Яннициса (Янницо) постигла судьба многих его соотечественников, неразрывно и трагично связанная с началом террора и репрессий (все члены семьи имели греческие паспорта и греческое подданство). Из НКВД пришли за ним домой и попросили последовать за ними на несколько часов, при этом, на всякий случай, взять с собой одеяло. Феодора больше

не видела своего мужа никогда. От него она получила лишь записку, в которой он кровью написал: «Били сильно, пошла кровь, береги детей...».

В июне 1940 г. Феодора Сидерато-Янници с двумя сыновьями сумела уехать в Грецию, причем на последнем рейсовом пароходе «Сванетия», в поисках мужа, поскольку шли слухи о том, что арестованных греков направили в Грецию. В Греции к этому времени уже обосновались ее братья — Николай и Георгий, а также сестры — Евгения и Юлия с мужьями и детьми и младшая — Александра. (Евгения, правда, с семьей позже вернулись в Советский Союз. Остальные сестры жили в Советском Союзе, а старший брат Михаил к тому времени давно скончался).

Подплывая к порту Пирей и увидев с палубы маленьких, босых детей, перевозивших грузы и коляски, Феодора в отчаянии крикнула: «Боже мой, куда я привезла своих детей!». А спустя несколько месяцев Греция вступила во Вторую мировую войну...

Можно долго рассказывать и писать о последующем периоде жизни Янници и Сидерато в Греции и, не скрываю, очень хочется снять фильм об истории греческой диаспоры в России на фоне истории конкретных личностей, отдельных людей, на фоне истории моей семьи и жизни моей бабушки.

Константин ЯННИЦИС, сын Феодоры, женился в 1966 г. на моей матери, коренной гречанке Варваре Петропулу, родом из Пелопоннеса. В 1970 г. родилась я; меня назвали в честь бабушки Феодоры, которая жила с нами вплоть до своей кончины в ноябре 1991 г., воспитывала меня и всегда рассказывала о своей родине, о Севастополе, Крыме, России.

*Анастасия Ивановна Степанова
со старшими детьми —
(справа — моя бабушка, Феодора),
Севастополь 1902 год*

*Общество греков в городе Симферополь, 1919 год
(самый крайний справа стоящий — мой дедушка, Константин Янницис)*

В нашей семье всегда царил дух России. За воскресными обедами, когда собиралась вся семья, мой отец рассказывал о своем счастливом детстве: о духе коллективизма и альтруизма, царившем в школьных и юношеских коллективах того времени, о пионерских лагерях и кружках, своей школе, лучшем друге — Жоре Адамове и песне «Давай пожмем друг другу руки и в дальний путь на долгие года!», которую они напевали, поднимаясь на пароход «Сванетия».

Именно это и подтолкнуло меня в августе 1989 г. приехать в Россию учиться. В Москве первым делом посвятила себя глубокому изучению русского языка и русской культуры. Спустя несколько месяцев я обратилась в Комитет по реабилитации жертв сталинских репрессий, который находился на Лубянке, и подала заявление о поисках своего родного дедушки Константиноса Яннициса. Спустя три месяца пришел ответ о том, что он был расстрелян в мае 1938 г. Моей бабушке Феодоре мы не стали говорить об этом. Она до конца своих дней верила в предсказание цыганки, которая когда-то пообещала, что пройдет очень много лет, но своего мужа она обязательно встретит. Возможно, она была права?

АВТОРЫ

Араждиони Маргарита Анатольевна (Севастополь), к.и.н., зав. Отделом этноконфессиональных исследований Крымского отделения Института востоковедения им. А. Крымского НАН Украины.

Джуха Иван Георгиевич (Вологда), к.г.н., писатель.

Ефимов Александр Викторович (Москва — Балаклава), редактор издательства «Святая Гора», зам. председателя Российского общества по изучению Крыма.

Мосхури Игорь Валентинович (Москва — Симферополь), к.и.н., руководитель Центра новогреческих исследований им. В.Х. Кондараки.

Мосхури Ставула Игоревна (Симферополь — Ареополис), сотрудник Центра новогреческих исследований им. В.Х. Кондараки.

Никитина Татьяна Васильевна (Москва), к.и.н., доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Никифоров Константин Владимирович (Москва), д.и.н., директор Института славяноведения РАН.

Пинчук Сергей Александрович (Москва), советник ректора Академии труда и социальных отношений.

Пряхин Юрий Дмитриевич (Санкт-Петербург), д.и.н., проф. Военно-морской академии им. адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова.

Соколовская Ольга Владимировна (Москва), д.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Терещук Наталия Михайловна (Севастополь), к.и.н., зав. архивом Севастопольского городского Совета.

Улунян Артем Акопович (Москва), д.и.н., ведущий научный сотрудник, руководитель Центра по изучению Балкан, Южного Кавказа и Центральной Азии Института всеобщей истории РАН.

Фадеева Татьяна Михайловна (Москва), к.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН.

Янници Феодора (Москва — Афины), к.и.н., директор Греческого фонда культуры в Москве.

Научное издание

Греки Балаклавы и Севастополя

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 954-17-52
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other INDRIK publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
15,5 п. л. Тираж 1000 экз.
Отпечатано в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6